

ЛЕВ ФИАЛКОВ

**ЧЕЛОВЕК
ДВАДЦАТОГО ВЕКА**

Х а й ф а
2016

Лев Фиалков

ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТОГО ВЕКА. — Хайфа, Wowprint, 2016. — 222 стр.

© Фиалков Лев, 2016

Все права принадлежат автору и сохраняются за женой, дочерью и внучкой.

ISBN 000000000000000

Подготовка к изданию и печать: Wowprint, Хайфа, 2016.
e-mail: wowprint1@gmail.com

АВТОПОРТРЕТ

Ну, вот, восемьдесят... А договаривался на шестьдесят три... С Кем?

Много лет спустя, написал статью «Синдром приговора». Долго не удавалось опубликовать. Вдруг, востребована.

Человек, человек!.. Вначале в гордыне посягаешь на заказанное, потом не замечаешь с насмешкой дарованные годы...

Мысленно, отдавая неизбежное, решил рассказать о людях, с которыми жил, кто, лишь промелькнув, оставил след. Рассказать что видел, что поразило. Рассказать о мыслях и убеждениях, которые в мой двадцатый век, когда рушились империи, исчезали и появлялись страны, не оставались незыблемыми.

Конечно, текст можно выстроить по заранее продуманному, четкому плану, но поддавшись неожиданной, из глубин подсознания появившейся, идее, решил отправиться в «свободное плавание», сохранив интервью с разными людьми в причудливом сочетании с пережитым.

Вначале был мальчик. Здоровый мальчик, но в Спарте обреченный... Кривоногий спартанец — нонсенс.

Медицина называет этот недуг, а если точно и без сантиментов — уродство — двусторонняя врожденная косолапость. Можно оставить, как природа дала. Ничего,

жил бы... ну проковылял век... Можно дефект природы исправить операциями. Это выход, если операции удачны... Можно, каждый божий день, тащить кривоногое чадо в поликлинику или ортопедический институт.

Попал к врачам бессребреникам профессору Борису Самойловичу Куценку и доктору Пилипенко. Лечили редрессациями и мягкими повязками. Редрессация — когда кривые, но мягкие, как воск, косточки «выкручивают» из медвежьего положения в человеческое, а затем фиксируют искусно наложенными повязками. И так каждый день.

МАМА! Жизнь, от первого моего вдоха до последнего своего выдоха, отдана мне. Без образования, без профессии, без мужа... Возможно, уходя на фронт, папа чувствовал — не вернется. Последние слова: «Соня, сделай сына человеком».

Почему-то именно сейчас, когда приближаюсь к финишу, иногда слышу: «В институте ты не заработал ни копейки. А твоя мама все шесть лет зимой и летом в дождь и стужу стояла с аптечным киоском...».

Ясно вижу маленькую фигурку с опухшими пальцами... Ни жалобы, ни упрека...

Если бы подумал, возможно, вел себя иначе. Не подумал. Ни тогда, ни потом. А мама отказывалась от необходимого... «Соня, сделай сына человеком».

Ходить «правильными ногами» начал поздно. Вечером и ночью в гипсовых шинках, днем — в ортопедической обуви, которую оставил в шестьдесят один год после приезда в Израиль. Она в любом магазине.

Центр Киева. Большой, населенный разными людьми, дом. Первый этаж, вровень с землей.

Коридорная система. Туалет — грязная уборная — во дворе. В одной комнате, метров 12 — мама, папа, я. В другой, поменьше, бабушка с дедушкой. В третьей такой же — тетя.

Дедушка, бабушка и восемь детей приехали из местечка Макаров (теперь город), спасаясь от погрома. Дед видел, в каких условиях предстояло жить, но «центр погромщики обычно обходят»...

Первый дом сделал самодостаточным. Что есть, то есть. Никаких комплексов. Никакой зависти.

Война. «В капле — море». В доме — судьба города, судьба страны. Кто-то уехал, кто-то остался. Кто-то, притаившись, переживал лихолетье, кто-то жил «сегодня и сейчас». Служили, продавались, продавали, предавали...

Нам повезло. В одном из вагонов «товарняка» в «теплушке» нашлось место для бабушки, мамы и меня. Из этого «путешествия» не помню ничего. Сталинград, Дар гора (Вор-гора). Прожили несколько месяцев... Какой-то трюм какого-то корабля. Вповалку. До Куйбышева. Оттуда как, почему, еще один «товарняк» — в Среднюю Азию?

Ташкент.

— Назад в эшелон!

— В каждом заборе дырка.

Урок на всю жизнь.

Мы дружили с семьей Эрлихов и семьей Шустерманов, которые жили над нами во втором этаже. Лея (Лейка) Шустерман — прачка. Ее муж, кажется, пекарь. Трое детей. Три сына. Старший — Сева (Шика) стал полковником, средний Миша, после проникающего ране-

ния в голову, страдая травматической эпилепсией, сумел окончить институт, стал инженером; младший — товарищ моих детских игр — Фима (Мапеле) — рабочий. У всех семьи. У всех дети.

Семья Эрлихов ушла в Бабий яр...

БАБИЙ ЯР «ждал» — маму, бабушку, меня...

«Ждал» — граничит с мистикой. Но прошли годы, фактически дождался.

Местные власти, «заботясь» о памяти тысяч убиенных киевлян, в основном евреев, решили на месте величайшей трагедии разбить парк отдыха с большим искусственным озером.

И появилось озеро. Над костями.
И возмутилась земля!

Тысячи тонн воды обрушились с горы, сметая на пути все. Сметен и трамвай, в котором я должен ехать на работу. Спасла «дисциплинированность» — опоздал...

Над БАБИМ ЯРОМ вознесся бездарный памятник.

Из года в год идут люди. Чувствуют, видят: памятник не говорит о трагедии, скорее умалчивает. Время заставило местную власть сообразить: что-то нужно менять. Принят проект талантливых художников и архитектора.

СОЗДАН СЕМИСВЕЧНИК.

МЕНОРА.

Один из творцов — Ким Левич. Во многом отношение к живописи и скульптуре определил он. Среди самых дорогих вещей, которые «ушли» с нами в эмиграцию, несколько его работ.

Много лет, много раз видел и не понимал что изображено на стенах первого этажа хайфского университета. Чайники, тарелки, другая кухонная утварь, свитки... Все в каком-то вихре куда-то несется. Не сразу узнал имя автора. Израильский художник Йосл Бергнер. Прошли годы. Увидел две картины. На первой семья — пятеро. Застыли. Живые и неживые. На одном островерхая шапочка — «юденхут». Их должны были носить евреи средневековой Германии... На второй — пять предметов. Магия искусства. Какие-то детали, какой-то ракурс и со-автор-зритель понимает, чувствует: что-то от людей перешло в предметы... От первой и при каждой новой встрече с работами Бергнера чувствовал личную связь с летящими предметами, живыми и неживыми людьми... Прошли годы, новая встреча. В зале хайфского музея маленькие, беззащитные, живые и неживые бронзовые детишки в «юденхут»! Мальчик с бабочкой-мечтой, марширует, почему-то до боли знакомый, маленький оркестрик, мальчик на деревянной грубо сработанной лошадке — игрушке бедноты ушедшего века. Помню, почти через восемьдесят лет... Детишки ушли в многочисленные яры, развеялись с дымом крематориев...

В необычных фресках, полотнах, скульптурах Йосла Бергнера остались

ДУШИ

ЗАГУБЛЕННЫЕ ДУШИ

КАТАСТРОФА ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

ХОЛОКОСТ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

И еще прошли годы. В 2014 году, переступивший девяностолетний рубеж, но активно работающий художник подарил Хайфе скульптуру: старший брат (в юденхут) несет на плечах младшего в той же шапочке — знаке отверженности.

Скульптура установлена между мэрией (ирией) и Парком Памяти павших в войне за Независимость (Ган ха Зикарон). Официальное название скульптуры-памятника — «Братская помощь». Название верное, но, кажется, не отражает глубину и сущность замысла. Не в игре помогает брат брату. Несет в газовую камеру. Беззащитные ребята Бергнера станут, уже стали, вечным символом

КАТАСТРОФЫ.

Отправившись в «свободное плавание», не мог представить, насколько своеобразна память, как причудливы ассоциации, что актуализуется в следующую минуту. Жизнь, разделенная судьбой. Жизнь там. Жизнь тут. Две жизни в одной. Одна — в двух.

Первая встреча с искусством выпала из памяти. Напрочь. Осталось впечатление, осталось потрясение. Знаю, на знакомой улице есть красивые восточные ворота. Справа и слева стражники в богатых одеждах с

обоюдоострыми палашами. Кто-то должен выйти... Много раз проходил мимо знакомого места... Нет ворот, нет стражников...

Все же нашел. В Третьяковской галерее. Картина Верещагина: «Выход Тимура». Но в «Третьяковку» попал взрослый человек, а картина поразила воображение ребенка. Где мог видеть? Круг замкнулся в альбоме почтовых открыток, которые собирал дед.

Судьбе было угодно провести меня через величайшие сокровищницы мира. Был, и не раз, в Эрмитаже, Музее Израиля. Был, всего несколько часов, в Лувре, Прадо, Мюнхенской Пинакотеке, Музее Метрополитен, Музеях Антверпена и Гааги... В одних долго стоял перед великими полотнами и скульптурами, в других шедевры проносились с кинематографической быстротой.

Понял: «Для знакомства с Лувром (и другими великими собраниями) достаточно трех-четырех часов и совершенно недостаточно трех-четырех дней, недель, месяцев».

И еще понял: искусство живет своей жизнью, допуская кого сразу, кого через годы, кого никогда.

Впервые попал в Третьяковскую галерею школьником, возвращаясь с мамой из эвакуации. В тот раз и на всю жизнь поразила картина «Явление Христа народу». Тогда центром картины для меня была надежда, которой дышала идущая к людям светлая фигура... Приходил еще и еще. И каждый раз видел картину иначе. Центром оказывался то Иоанн, то дрожащий раб, то мальчик. А перед эмиграцией, стоящий в толпе,

СОМНЕВАЮЩИЙСЯ.

Через годы, еще встреча. Скульптор Грицюк. Михаил Якимович Грицюк. Четверть века, или чуть больше, тому назад совершенно случайно зашел в выставочный зал, который киевлянами в то время мало посещался. Был он напротив оперного театра. Зашел... и остался... На всю жизнь запомнил портреты Рахманинова, Достоевского, украинского композитора Артемия Виденя, Данте... Поразили зашифрованные работы.

Одна, на выставке названа: «Виолончелист Пабло Казальс». Спустя несколько лет под репродукцией прочел: «виолончелист». Право, не нужно быть ни Пинкертоном, ни Холмсом, чтобы в «виолончелисте» узнать, гонимого властями, Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

Вторая — Моисей. Ни до, ни после, ни одно изображение Пророка, включая Микеланджеловского, с которым его «роднят» намечающиеся «рожки» — лучи, так не действовало. А «мыслители» — искусствоведы в штатском — озаглавили: «Седая старина».

Хорватия. Загреб. Группа туристов. Сразу после знакомства гид сообщила: «Вначале мы посетим кладбище — «самое красивое в Европе».

И еще сообщила, что во время войны в Хорватии было уничтожено 95 процентов евреев; что к уничтожению сограждан руку приложил «святой отец» — архиепископ Алоизий Степинац. Его судил международный суд... Приговор: шестнадцать лет каторжных работ. Отбыл пять.

«Святой Престол» побеспокоился... Когда преступник вышел из тюрьмы, его возвели в сан кардинала.

Кладбище впечатляет. Музей скульптур, богатые надгробья, чистота, порядок... Только, только почему на «парадных» участках много свежих могил?

Спросил.

— В Хорватии существует закон: если за могилой много лет никто не следит, она может быть использована для нового захоронения.

Вопросы не нужны. 95 процентов... Возможно, гид поняла, или положено по плану — повела вглубь кладбища. Боковая аллея. У стены Моисей со скрижалями... Работа ремесленника...

Берлин. Центр. Бетонные прямоугольники. Надгробья. Никаких надписей. Проходим между одним, другим рядом. Сразу не поняли, что медленно опускаемся. В могилу. В большую могилу. Земля шевелится...

ПОМНИТЬ!

«Эйлат». Туристский автобус. Экскурсовод. Таких называют «мачо».

— Я Алекс. Едем в пустыню. Увидите — не забудете.

Вечереет. Садится солнце. Тишина.

— Тут бушевало море. Доказательства у вас под ногами — идеально отполированные камушки круглые, овальные. Сувениры взяли? Сядьте. На песок. Слушайте!

— Ученые давно спорят: На какую гору поднялся Моисей? Где встретился со ВСЕВЫШНИМ? Где получил СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА? Откуда спустился к народу?.. Думаю, отсюда. Версия — не хуже других. С этой горы. К каждому кто был, и кто должен прийти в грядущих поколениях.

— Молчите! Смотрите! Слушайте...

СВЕТЛАЯ ФИГУРА, НЕСУЩАЯ ЗАВЕТЫ...

«Н Е У Б И Й!..»

Проходят дни, годы...
Мысленно возвращаюсь к ВИДЕНИЮ...

«ИЗБРАННЫЙ НАРОД»?..

Избранный? Для чего?
Однажды понял — для эксперимента.

НАМИ МИРУ ПОКАЗАНО РАБСТВО.

НАМИ МИРУ ПОКАЗАНО ИЗГНАНИЕ.

НАМИ МИРУ ПОКАЗАН ГЕНОЦИД.

НАМИ МИР ПРЕДУПРЕЖДЕН...

В «окончательном решении еврейского вопроса» нацистам помогали почти все оккупированные и зависимые от Германии страны. По-разному. В фашистской Италии до немецкой оккупации евреев не трогали, а после оккупации из сорока четырех с половиной тысяч погибли семь тысяч шестьсот восемьдесят; в Австрии пятьдесят тысяч из ста восьмидесяти пяти. В Болгарии не погиб ни один еврей гражданин страны. В Финляндии — семь человек. В Дании из восьми тысяч евреев семь переправлены на рыбацких лодках в Швецию. Датчане открыто выступили против расистских законов, все надели «желтые звезды»... В Германии из пятисот шестидесяти шести тысяч евреев уничтожены сто сорок одна тысяча пятьсот. Триста сорок семь тысяч сто восемьдесят три еврея покинули Германию с 1933 года по 10 января 1941. В Украине с 22 июня 1941

до октября 1944 погибли миллион шестьсот одна тысяча пятьсот евреев (КЕЭ. Том 8. Стр. 1250—1251). В Польше из трех миллионного трехсот тысячного еврейского населения погибли ТРИ МИЛЛИОНА.

«Антисемитизм в Польше не ослаб после Катастрофы, утвердившей поляков в мысли, что убийство еврея — вполне достойный поступок» (КЕЭ. Том. 6. Стр. 662, 663). Только в послевоенной Польше во время погромов с 1945 по 1947 год погибли около тысячи евреев. Только послевоенная Польша изгнала немногих уцелевших. К 1970 году в стране оставалось около шести тысяч...

И это многострадальная Польша, которую не раз делили — резали по живому... И это польский народ, потерявший в карательных кампаниях нацистов до двухсот тысяч граждан; потерявший в Варшавском восстании шестнадцать тысяч убитыми и более шести тысяч тяжело ранеными...

Двадцатый век. Пакт Риббентропа—Молотова. Раздел Польши. Катынь. Варшавское восстание...

НО

«Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
— Кланы горят.
А через четверть века
Два мудрых человека

Сидели за бутылкой
Хорошего вина,
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.
Зачем вы в 45-ом
Стояли перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить?
А я ему: — Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.
— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови.
Пусть лучше я погибну
Чем дам погибнуть брату, —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.
А я ему на это:
— Когда горело гетто...
Когда горело гетто
Четыре дня подряд,
И было столько треска,
И было столько света,
И все вы говорили:
— Клопы горят.

А. Я. Аронов

Не мое желание и не моя идея — поездка в Польшу. Но поехал. Всего на четыре дня: два — Краков, два — Варшава. Ни о каком серьезном знакомстве со страной, с людьми и речи быть не может. Мимолетные впечатления. Случайные... не случайные...

Первое — на вокзале. Расписание поездов. Одно из направлений — Освенцим...

Остановка автобуса. Пожилой человек объяснил, как ехать, а водитель назвал другое направление. Ни о чем неприятном не подумал, но человек, который хотел помочь, понял сразу. Понял и резко обрушился на водителя, превратившегося в истукана. Ни слова, ни движения. Двери закрылись, поехали. Ничего не произошло. Запомнилось...

Запомнились прекрасные города — Краков, Варшава. Запомнились храмы, музеи, мимолетные встречи. Красивая девушка в белом костюме, случайно оказавшаяся гидом, не только ответила на вопрос «Как пройти в?», на чистом русском рассказала о Варшаве. Пожилой человек по собственной инициативе показал и рассказал об университете... Злобный взгляд случайной прохожей, с трудом сдерживаемое бешенство...

Вспомнил. Задолго до «встречи с Польшей» шел по Бродвею. Автобус ХАБАДА. Хасиды учат надевать Тфилин. Посмотрел, улыбнулся, прошел мимо. Рядом почтенный, прекрасно одетый господин. Заметил скептическую улыбку, вычислил «своего». Поравнялся, с нажимом и злостью, приглашая к диалогу, приглушенно выдавил: «Ууу! Жидовье!». Я в Америке первый день. В гостях... Полоснул взглядом. Господин соображал быстро. Ускорил шаг, почти побежал. Знал законы... А я, как по команде, повернулся КРУГОМ и... вошел в автобус.

Черное и белое. Свет и тьма. Минус и плюс...

Королевский замок «На ВАВЕЛЕ». Великолепный собор. Мало заметная лестница у выхода справа. Королевская усыпальница. Саркофаги, саркофаги — с четырнадцатого века. Последнее захоронение — президент Польши Лех Качиньский и его жена Мария. Надгробье. Живая роза... Единственная в царстве мертвых. Польша помнит!

Отдельное здание — сокровищница собора.

Красная сутана кардинала Кароля Войтылы. Белая сутана Папы Иоанна Павла II .

Стеклянная витрина. Несколько золотых кубков. Один, как гласит надпись, принадлежал «Святому Игнатию Лойоле».

РАЗНЫЕ У ЦЕРКВИ СВЯТЫЕ...

Из сокровищницы медленно поднимаюсь к собору. Чуть поодаль от входа скромно стоит бронзовый Иоанн Павел II. Совсем недавно был среди людей, служил людям, молился... Всеми делами, всей жизнью необычный (необычайный) Понтифик был «раб рабов Божьих» («*Servus Servorum Dei*»).

ЗАСТУПНИК.

Теперь молятся, и в будущем будут молиться БЛАЖЕННОМУ ИОАННУ ПАВЛУ II:

«Боже, Единый в Пресвятой Троице, благодарим Тебя за то, что Ты дал Своей Церкви блаженного Иоанна Павла II, в котором проявилась Твоя отцовская

любовь... Он... стал для нас живым образом Доброго Пастыря...».

ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА чтят не только католики, но и православные, и иудеи, и мусульмане. И атеисты.

Мысленно часто возвращаюсь к бронзовому ПАПЕ, который волей своеобразия памяти неожиданно воплощается то в знакомом, живом образе, то становится прозрачным... Сами собой возникают слова, бегут строки...

ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ...

«СПАСШИЙ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА, СПАСАЕТ
ЦЕЛЫЙ МИР».

ТРИ МИЛЛИОНА ТОЛЬКО В ПОЛЬШЕ...

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ТРИСТА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ —
ПРАВЕДНИКИ МИРА.

У СТЕНЫ ПЛАЧА, ВПЕРВЫЕ ЗА ДВЕ
ТЫСЯЧИ ЛЕТ,

РИМСКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК МОЛИТСЯ ЗА
«СТАРШИХ БРАТЬЕВ».

С ГОРЫ СПУСКАЕТСЯ МОИСЕЙ
СО СКРИЖАЛЯМИ ЗАВЕТА...

«НЕ УБИЙ»!

«И подошел Авраам, и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?..

Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие...

Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.» (Быт.: 18; 23, 26, 32.).

Стою над Бабьим яром, над многими ярами, у душегубок, крематориев... Придут грядущие поколения... Будут помнить... Должны помнить! Ради себя, детей, внуков... Ради людей.

По-видимому, существует какая-то глубинная связь между «польскими» впечатлениями и свободной ассоциацией, которая привела к... завещанию. Объяснить не могу, докапываться не хочу. Значит — пора.

ЗАВЕЩАНИЕ

Нет человека, который спокойно относится к выражению «своей последней воли». Даже самые благие мысли и чувства не отменяют ПРОЩАНИЕ С СОБОЙ. Каждый знает: все смертны. Но одно дело умереть, когда-нибудь, другое — распорядиться заранее. Впрочем, и личные, и общественные, и гражданские соображения затушевывают сиюминутные чувства.

Главное в ЗАВЕЩАНИИ — ЧТО, КОМУ, КАК.

Тут просто. Что может оставить человек, у которого ничего нет? «Ничего» — «движимости», «недвижимости», «ценных бумаг», денег. Ничем (за восемь, с плюсом, десятков отпущенных лет) не сподобился обзавестись.

Ничего не оставляя, никого не обойдешь,
никого не обидишь.

Впрочем, за долгие годы кое-что сделал, кое-что оставляю. Сделал гораздо больше, чем надеялся, гораздо меньше, чем, наверно, мог.

Судьба подарила две жизни. Первая — шестьдесят лет в Советском Союзе. Вторая — двадцать пять — в Израиле.

Судьба подарила две профессии — рентгенологию (три десятка статей, диссертация) и журналистику — интервью, статьи на разные темы. Много лет работал над ИСТОРИЕЙ МЕДИЦИНЫ. Многочисленные статьи и три книги объединил в одну.

«ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ». Хайфа, JKDesign, 2010.
474 стр., илл.

СТО ЭКЗЕМПЛЯРОВ. Издана на личные средства.

(Второе исправленное и дополненное издание —
ALTASPERA, 2015).

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ,
КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ»...

Семья — четыре поколения — собирает юбилейные и памятные медали. Очень хочу, чтобы коллекция сохранилась.

За долгие годы эмиграции получили множество писем от родственников, друзей, знакомых — все сохранили. Хочу, чтобы использовала ты, Ларочка, или ты, Лиличка.

Если Вас не интересует этот специально не редактировавшийся и не перечитывавшийся материал, передайте письма — если возьмут — в «АРХИВ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА».

ВОТ И ВСЕ.

В соответствии с законами жанра, «последняя просьба»: отдайте меня земле.

Не в сундук, не в шкаф, не в стенку. Если местные законы изменятся — кремируйте и развейте.

НАПИСАНО, ПОДПИСАНО — «С ПЛЕЧ ДОЛОЙ»!

МОЖНО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ...

ДО СРОКА.

Объяснить можно все, а понять... Написал бодренько: «Можно жить дальше...». А записки застопорились. Не пишется... Больше месяца. Не думал. И это Номо sapiens? Или Номо sapiens и это?

Долгая жизнь подарила множество встреч. Люди, города, страны... О многих и многом рассказал в статьях, в интервью. Но были встречи, когда слово, когда взгляд, когда поступок... Ослепительные вспышки! Зарницы!..

В две тысячи двенадцатом году в России принят закон, запрещающий иностранцам усыновление детей, в том числе брошенных (оставленных родителями) здоровых детей и инвалидов.

За закон проголосовала Государственная Дума. Закон подписал Президент России — Владимир Владимирович Путин. Люди окрестили этот Государственный Акт — «Законом подлецов».

Какое это имеет отношение ко мне, к моим воспоминаниям? К воспоминаниям — никакого.

Ко мне — прямое.

О жребии, уготованном судьбой — дитя косолапое — писал. Рассказал и о том, что каждый божий день мама несла калеку через парк в ортопедический институт. Однажды, предельно утомленная, прилегла на траве и уснула. Сверток положила рядом... И тогда, случилось, детей воровали... Проснулась в холодном поту!..

Косолапым себя никогда не видел, но всегда, особенно в походах, на горах, в пещерах помнил о маленькой героине, сумевшей переломить судьбу. Мне повезло, а сотни и тысячи детей, которых родители бросают на произвол судьбы? А несчастные, которых родители калечат, готовя к нищенству.

О компрачи́косах читал. «Рукотворных калек» видел. В Индии. Никогда не забуду.

Во всех мыслимых и немыслимых ситуациях на помощь терпящим бедствие приходят благородные люди, нередко рискующие очень многим, даже жизнью...

В Израиле, в Иерусалиме создан музей «КАТАСТРОФЫ И ГЕРОИЗМА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА» — «ЯД ВАШЕМ» — «РУКА И ИМЯ». Музей памяти невинно убиенных шести миллионов и каждого из них. Музей памяти ПРАВЕДНИКОВ МИРА — благородных людей с риском для жизни спасавших евреев. В честь каждого, в память о каждом посажено дерево.

О каждом из ПРАВЕДНИКОВ МИРА можно написать статью или книгу. О многих такие статьи и книги написаны. Их имена в истории второй мировой войны. Их имена в истории еврейского народа — в Истории КАТАСТРОФЫ.

О некоторых широко известно. О других — до обидного мало. Хочу хотя бы некоторых назвать по именам.

Георг Фердинанд Дуквиц — чистокровный ариец, агент Абвера, дипломат. Организатор спасения почти всех датских евреев.

Андре Трокме — протестантский пастор (Франция). Спас около 5000 человек.

Максимилиан Кольбе — польский католический священник. Спас около 2000 человек.

Аристидес де Соза Мендес — Генеральный консул Португалии в Бордо. Спас 30.000 человек.

Ирена Сендлерова — польская медсестра. Спасла (вывезла из гетто) 2500 детей.

Димитр Пешев — помощник председателя парламента Болгарии. Остановил депортацию. Спас около 40.000 человек.

Евгениуш Лазовский — польский врач, профессор. Имитируя борьбу с эпидемией тифа, спас 8.000 человек (евреев и поляков)...

ЗАПОВЕДАНО: «НЕ УБИЙ», «НЕ УКРАДИ»...

НЕ СКАЗАНО, НО ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ:
«ПОМОГИ».

И снова остановка. На несколько месяцев. Не отвлекло личное. Не отвлекло «ЗАВЕЩАНИЕ».

Газеты, радио, телевидение день за днем обрушивают страшные новости: вновь поднялась волна антисемитизма, поднялась по всей Европе. Уже не редкость нападения на евреев, только за то, что они евреи. Через семь десятков лет после победы над фашизмом в некоторых странах евреям рекомендуют эмигрировать... в Израиль, в США...

Моя семья давно в Хайфе, но не могу забыть толпу, шагающую по киевским улицам с плакатами: «УТОПИМ МОСКАЛЕЙ В ЖИДОВСКОЙ КРОВИ!». А через двадцать пять лет в парламент Украины демократическим путем законно избраны националисты из фашистской партии «СВОБОДА». По Киеву расклеивают и разбрасывают антисемитские листовки, призывающие к «мोरю еврейской крови».

Газеты пишут, что антисемитскую кампанию организуют и активно проводят мусульмане-фундаменталисты — новые граждане европейских стран. Вполне возможно, но в моем Киеве, оказалось, нужды в них нет.

Кто знаком с историей религии и различных религий знает — все, кроме изуверских сект, проповедуют добро и благородство, но история каждой религии знает мрачные времена теократии, когда власть оказывалась в руках фанатиков. В наши дни фундаменталисты установили диктатуру в ряде стран ислама, где недавно были либеральные, светские законы. Используя возможности глобализации, мусульмане вполне легально создали большие и влиятельные общины во многих странах Европы, насаждая свой образ жизни, свои традиции, обычаи, обряды. Процесс исламизации идет довольно активно. Острые агрессивности этого процесса сейчас направлено против еврейских общин при снисходительном молчании или вялой реакции коренного населения и властей. Люди не хотят видеть повторение того что было совсем недавно: выдавили христиан из Косово, фактически выдавили из Ливана... Впрочем, молчат далеко не все и далеко не везде. Протесты постепенно набирают силу. Один против всех фактически стоит маленький Израиль. Стоит на страже иудео-христианской цивилизации.

Не политик, тем более не Пророк, вижу грядущее противостояние воинствующего фундаментального ислама и христианства.

Израиль — «Клейне ленделе, шейне ленделе, унзере ленделе» («Маленькая страна, красивая страна, наша страна») — говорил мой дядя, которого в двадцатые годы двадцатого века «вышвырнули» из советской страны за сионизм.

Веледницкий (Велед) Яков Михелевич — один из ХАЛУЦИМ (ПИОНЕРОВ), создававших и создавших эту «Маленькую страну, красивую страну, нашу страну». Перевод верный, но не точный. Во фразе на иврите

слово «страна» в уменьшительно-ласкательной форме. В русском точный эквивалент мне не известен.

Много раз мама рассказывала: она и Яша — погодки, дружили с детства до вынужденной разлуки. Дядя, очутившись один в подмандатной Палестине, выслал вызов, но «я встретила твоего папу». Прошли годы, мою семью в Израиле приняла Ая, дочь дяди Яши.

БЕШИРТ — СУЖДЕНО.

«Материнские корни» в Израиле — люди, которых из поколения в поколение связывает не только родство, но и дружба.

«Отцовские корни» — семейные предания, которые от детей скрывались, а со временем выдавались намеками. Было от чего! Мой дед Шмулик (Самуил) Фиалков родственник (то ли двоюродный, то ли троюродный брат) Хаима Вейцмана. Никаких документов. В доме-музее первого Президента Израиля специальная служба, проверяет достоверность родства, на которое, оказывается, претендуют многие. Ответ на запрос — «Родственных связей не выявлено». А Эзер Вейцман родство признал, позвонил и даже пригласил: «Будете в Иерусалиме — заходите».

К сожалению, разговор остался только в памяти (если телефонные беседы Президента не сохраняются). Жаль. Удивительный человек — ЛЕТЧИК, КОМАНДИР, СОЗДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ, СТРАТЕГ И ТАКТИК, ПОЛИТИК И ПРЕЗИДЕНТ ГОСУДАРСТВА, создававший и создавший эту «Маленькую страну, красивую страну, нашу страну».

«КЛЕЙНЕ ЛЕНДЕЛЕ, ШЕЙНЕ ЛЕНДЕЛЕ,
УНЗЕРЕ ЛЕНДЕЛЕ»

Пустившись в «свободное плавание» и присвоив право писать все и как «Бог на душу положит», даже не предполагал, что руководить будет текст. Вот и получается, что получается.

Просматривая написанное, увидел: текст «выстраивается» по своим принципам, по своей логике, следуя своей цели. Текст напомнил волейбол. Мяч справа, мяч слева.

Первая жизнь, мгновение — вторая.

Судьбе было угодно провести меня через города и страны, одарить встречами со многими людьми, которые так или иначе формировали и сформировали характер, установки, принципы, интересы.

Реальная эмиграция начинается с момента, когда опускается шлагбаум, и ты знаешь: обратно хода нет. Пересекая РУБИКОН, каждый пускается в неведомое. Быть может именно поэтому так ярко и так остро запоминаются события, сопровождавшие последние шаги в прежней жизни и первые в новой.

Нет, мы не боролись с «ФАРАОНОМ», не были в числе первых, когда власть постепенно начала отпускать «МОЙ НАРОД». Частица БОЛЬШОЙ АЛИИ. Все, что «положено», получили. Государство заставило ПРОСИТЬ о лишении гражданства, а за «услугу» заплатить. Выдали, БЛАГОДЕТЕЛИ, естественно, ПО НАШЕЙ ПРОСЬБЕ, пенсию за шесть месяцев. Пенсию, заработанную несколькими десятилетиями труда. Не просто выдали — в обмен на ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ от «пенсионного обеспечения».

Одно из последних БЛАГОДЕЯНИЙ (БЛАГИХ ДЕЯНИЙ) власти — разрешение купить ВАЛЮТУ. 300 дол-

ларов на семью. За первую квартиру в Израиле платили 550 долларов в месяц...

**«ПРОШЛА ВЕСНА, НАСТАЛО ЛЕТО.
СПАСИБО ПАРТИИ ЗА ЭТО».**

Получены визы, куплены билеты. Началось неоднозначное прощание-расставание и «раздавание». Все, что оставляли, еще не чужое, но уже не свое. Были рады, если кому-то что-то понравилось.

Брали по-разному. Близкий и любимый Юра Шанин (профессор Юрий Вадимович Шанин): «Мне ничего не нужно, не хочу». Пришлось, отобрать книги и отнести домой. Гелик Аронов (доктор медицинских наук, Гелий Ефимович Аронов) и Леля Школяренко (Елена Константиновна Школяренко — филолог, искусствовед) взяли, после нажима, по две книжки... А когда хотел подарить томик Пушкина 1899 года издания, Гелий выразительно посмотрел: «Ты что, совсем...»? «Так, ведь запрещена к вывозу...». Дискуссию оборвал звук резко раскрывшейся «молнии» на бауле. Пушкин скрылся среди «шмоток». Так и приехал в Хайфу. Стоит среди самых дорогих КНИГ.

Приходили другие. Одних выдавал алчный взгляд, другие не могли справиться с легким дрожанием рук. Уходили сгибаясь. Неожиданная информация, неожиданные наблюдения...

По-видимому, кто-то изучал психологию уезжающих, еще не чувствовавших себя эмигрантами. По-видимому, кто-то описал возникший ритуал. Застолья изменялись по мере исчезновения вещей от традиционных до фуршетных. Друзья, приятели, знакомые... Кто сочувствовал, кто «примирял» ситуацию на свое, пока не определившееся, будущее.

Нам повезло. Эмиграция пришлась на период свободный от недавно обязательных проработок, шельмования и «оргвыводов». Оценка поступка коллегами, знакомыми, приятелями и друзьями вполне сочувственная, иногда тревожная, но не осуждающая.

Кроме одной встречи, уже на вокзале, за час до отхода поезда... Уважаемая, достойная семья. Если не близкие друзья, то добрые знакомые. Встреча случайная. Реакция принципиальная, неприкрыто осуждающая, прикрыто надменная: «Человек не выбирает место рождения, где умирать — каждый решает сам». Больно царапнуло. Запомнилось.

«Человек полагает, Бог располагает». Прошло несколько лет: их сын натурализовался в Германии, дочь стала американкой. Родители с радостью навещают благополучных детей. Не забывают «НАШИ ПАЛЕСТИНЫ» и наш дом...

Провожали многие, поехал один — Владимир Кондратьевич Безобчук (Вадик) — сын моего главного врача и муж племянницы, которого на следующий день я обнаружил спящим в купе с моей женой...

В судьбоносные дни даже мелочи приобретают особую значимость. Позади Киев, вокзал, провожающие. Позади жизнь — шестьдесят один год. Впереди неизвестность. За окном с детства знакомые места: «Караваемы дачи», «Брест-Литовский», «Ирпень», «Буча», «Ворзель». «Кичеево»... Граница. «ВАДУЛ-СИРЕТ». Тут приготовлен сюрприз: вагоны с эмигрантами отцепили и «загнали» на запасной путь, сообщив, что отправят завтра, после таможенного досмотра. Наступила ночь. Мы — внучка — один год одиннадцать месяцев, семидесятипятилетняя теща, дочь, жена и я в одном вагоне, но в разных купе.

В юности, огромное впечатление произвела картина Ярошенко «Всюду жизнь». Понял тут, на границе двух миров: Всюду жизнь. Всюду Люди.

Рассказ Вадима: «Попрощались. Думали, Вы уже в пути ТУДА. Наш поезд — ОБРАТНО — примерно через час. Подошел строгого вида старшина. Напряглись. Что ожидать от милиции, особенно на границе, особенно друзьям и родственникам тех, которые только что «СВАЛИЛИ»? И вдруг: «Ребята, обычно досмотр проводят в вагонах, но сегодня получен приказ провести его в здании таможни. Завтра утром все вещи нужно перенести. Кто может — останьтесь. Завтра поможете. Я отведу в вагоны. Отдохните».

ВСЮДУ ЖИЗНЬ. ВСЮДУ ЛЮДИ. МИМОЛЕТНАЯ ВСТРЕЧА. ПОМНИМ.

Утром потащили пожитки... Таможенники работали четко, достаточно быстро. Собраны, подтянуты, внимательны, без сантиментов.

Завершен досмотр. Что-то неуловимо изменилось в лице госчиновника. Тень улыбки тронула губы «Доброго вам пути...». Пауза. И совсем тихо: «Кто бы нас забрал...»

Вадик с семьей эмигрировали или, говоря суконным бюрократическим языком, приехали на ПМЖ (постоянное место жительства) через девять лет. Снова вместе. Самые близкие люди.

Многие репатрианты-эмигранты, которые, так или иначе, были востребованы и «состоялись», рассказывают о невероятном везении, случае, чуде. Это и о нас.

Казалось, все позади. Мы на летном поле. Люди поднимаются по трапу в самолет. И вдруг — нет дорожной сумки с документами дочери и внучки: визами, метриками, другими документами, деньгами и, самое главное, рекомендацией научного руководителя, одного из величайших литературоведов XX века, профессора Юрия Михайловича Лотмана.

Есть нетрадиционная молитва-заклинание: «Пугай, но не бей»!

Нас убеждали, что сумку погрузили в самолет с другим багажом. Надеялись, все выяснится после приземления. Приземлились. Пасха. Никакого оформления. Никакого выяснения. Никакого поиска. Хорошая гостиница. Внимательное отношение. Встреча с сестрой. Не с Аей. Она укатила на велосипеде в пустыню. Встретила Тырца — старшая. Поняв, что мы без самого необходимого, на час-два исчезла. Вернулась груженная... Все располагало к радости и благодушию. Но СУМКА, СУМКА...

Утром после праздника, не допустив к багажу никого, разрешили поискать «пропажу». Искал не долго. Сумка «ждала». Не пропало ничего. Пропажа и находка — маленькая драма-комедия положений, и чудо, ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО.

Первая съемная квартира в хорошем районе, который, как вскоре поняли, в новом мире определяет многое. Первые знакомые — Ривка и Элиэзер Цитроненбаум, ставшие близкими людьми. Чудо — ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО.

Бессонными ночами, сидел перед открытой стеклянной стеной. Огромный, незнакомый космос. Новые созвездия. Новые звезды. И луна — другая, незнакомая, перевернутая.

Казалось, я в зрительном зале необычного театра. Мы — и зрители, и актеры, исполняем пьесу о себе, своей семье. Сегодня и сейчас. Каждую минуту, каждый час, каждый год...

Прошлое — вспаханное поле. Посеянное в прошлом, даже малая малость, может определить будущее.

Для страны, где в сорок пять начинаются проблемы с трудоустройством, наша семья просто «подарок»: внучка — 1 год и 11 месяцев, теща — 75, дочь — 34, жена — 56, я — 61. Три кандидатских диплома — не преимущество. К ним относятся безразлично, нередко подозрительно.

Зная местные реалии, Ая, как потом рассказывали, была в ужасе. «Что они будут делать? Я ничего сказать не могу и не должна, но вы, вы предупредите». Ничего не сказала. Сняла хорошую квартиру, заполнила холодильник, оставила посуду. На столе торт. Записка: «БРУХИМ ХАБАИМ» («ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ»).

«Скоро сказка сказывается...» Первой на «рынок труда» вышла дочь — Фиалкова Лариса, автор ряда работ, филолог, литературовед, Булгаковед. Для Израиля багаж «более чем актуальный»...

Заведующая кафедрой сравнительного литературоведения Хайфского университета не сразу, но согласилась поговорить... по телефону. На все — один ответ: «Нет». Тогда Лариса сказала, что она ученица профессора Лотмана... Конечно, можно проигнорировать, но все, же ЛОТМАН!

— Пришлите документы по почте.

Первое интервью. Для языковой поддержки приглашена, знающая русский, профессор Стражас, давняя репатриантка из Прибалтики. Много лет спустя, она говорила: «Всегда помню, какой непростой путь прошла

сама, увидела способного человека, поверила». Настояла на интервью у ректора. Ректор — профессор Ализа Шенхар (филолог, фольклорист), педагог и психолог, обратила внимание на то, что Лариса преподавала не только литературу, но и фольклор, плюс знание языков, рекомендации и... личное впечатление...

Нет, не красная ковровая дорожка, соответствующая уровню и возможностям робкого просителя — фактически техническая должность в фольклорном архиве. Университет ничего не теряет. Финансирование в рамках стипендии министерства абсорбции.

Долгий, трудный путь. Двадцать лет. Со ступеньки на ступеньку. Со стипендии Шапиро на стипендию Гилады, со стипендии Гилады на программу КАМЕА... Работая в архиве, не сразу и не просто, добилась признания, как лектор. Начала, не предусмотренную стипендией, преподавательскую деятельность. Естественно, на иврите. Со ступеньки на ступеньку... до профессуры.

Одна из первых поздравила Ализа Шенхар (бывший ректор университета, бывший посол Израиля в России, президент колледжа): «Ты все сделала сама. С нуля».

В пятьдесят семь начала работать по специальности жена — Исанна Ефремовна Лихтенштейн. Кандидат медицинских наук, биохимик. Ее путь — из лаборатории в лабораторию. От отказа, к отказу. Везде внимательны, или делали вид. Только однажды, когда беседовала с «русским», столкнулась с пренебрежением и надменностью: «В вашем возрасте про работу по специальности нужно забыть. Поищите что-то другое, например, по уходу».

И вновь из лаборатории в лабораторию...

— «Хайфская больница «Бней Цион». Кабинет профессора Амоса Ланира. Начало разговора прервал телефонный звонок. Профессор извинился, вышел. Делать

нечего. Осматриваю стены. На одной репродукция картины.

- Это Кандинский?
- Вы знаете Кандинского?.. Позвоните через неделю.
- Здравствуйте. Моя фамилия Лихтенштейн.
- Помню, помню. Со мной еще никто не говорил о Кандинском. Приходите.

Профессор пообещал год работы в рамках стипендии Шапиро. Через год перевел на половину ставки, добавляя дежурствами... И так год за годом до шестидесяти пяти. До пенсии. А потом еще год за годом до шестидесяти восьми. Одиннадцать лет стажа. Заработанная пенсия (мивтахим) и, положенное каждому гражданину, пособие по возрасту (старости) Института Национального Страхования.

Этот семейный «репертуарный рассказ» заканчиваем стихами Юрия Тульчинского:

В семье давно легенда бродит,
Как в неизведанной стране
Исаннин первый шаг к работе
Был от картины на стене.

Выходя за пределы темы: и на пенсии Исанна «не успокоилась» и за несколько лет написала и опубликовала ряд статей — очерков, которые объединила в книгу «ЭТЮДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ. ГЛАЗАМИ ВРАЧА».

Не могу сказать, что «Нет повести печальнее на свете...», но... фактически я не состоялся. Полной мерой вкусил «потерю социального статуса». Конечно, можно говорить о возрасте — шестьдесят два, но по «гамбургскому счету» это отговорка. Реальность — посредственные

способности к языкам и долгие годы работы в санатории (не в клинике и даже не в поликлинике). В санатории написал диссертацию, несколько десятков работ по специальности. Занялся журналистикой и историей медицины. В каждой области что-то сделал. Но постепенно стал отставать в профессии.

И все же два с половиной года провел в рентгеновском отделении больницы РАМБАМ, что дало немало для двух других профессий-увлечений.

На истаклют, а затем на итмахут взяли два прекрасных человека, профессора Розенбергер и Кляйнгауз. Первый — потому, что в списке работ увидел статьи по истории медицины, а второй потому, что выдержал проверку — экзамен. И — грешен — беседа с каждым, немного играл...

Ничего в жизни не пропадает. Вспоминаю: давным-давно во время эвакуации в Ташкенте посещал драматический кружок. Руководил артист Театра «ДКА» (ДОМ КРАСНОЙ АРМИИ) Николай Вячеславович Дубинский.

Не помню, как попал. Кто-то привел? Витька Фольянец? Или натяжка? Вспомнил по ассоциации? Не важно. Хорошо, что вспомнил. Человек не обычный.

Кружки во дворце пионеров, столовые женсовета по районам города, где бесплатно детям рядовых солдат давали какие-никакие обеды (у детей офицеров свои столовые). Обеды стандартные — на первое «затируха» (вода, заправленная поджаренной мукой), на второе более густая «затируха» с кусочком мяса. Для контроля на выдаче представитель женсовета. Первое давала повар. Не знаю почему, старшая выделила меня, наливая одну порцию второго, говорила: «Два». Не мало! Обедом делился с

бабушкой, (мама обедала на фабрике и тоже старалась что-то принести домой). В шестом или седьмом классе по четыре часа работали на заводе (получали рабочую хлебную карточку — 800 грамм хлеба вместо 400, какие-то продукты, а главное бесплатный рабочий обед). Подкармливали. И это позволило не потеряться, выжить, чему-то научиться. Все прошел, все запомнил. Запомнил завод, где делали корпуса для снарядов. Мальчишки — сбивали ящики для упаковки. Попав несколько раз молотком по пальцам, научился вбивать гвоздь одним ударом.

Благодарен учителю. Любовь к театру, азы орфоэпии, умение держаться на сцене, кое-какие актерские навыки — от него. И от него грустное, но справедливое и безошибочное определение: «Большим артистом не станешь, маленьким — не сможешь. С этим в театре смиряются, но не с твоим характером».

Театр сгибает, смиряет не только бесталанных неудачников, обреченных мимансу. Театр жесточайшим образом распоряжается талантливейшими актерами, оставляя на годы без ролей... А художники, в мастерских которых «погонные метры» стоящих «на ребре» полотен... А музыканты — «лабухи», мечтавшие когда-то об овациях переполненных залов...

К «сияющим вершинам» стремятся тысячи, «звездами» становятся единицы, но и их путь «по лезвию бритвы».

Говорят: «Талант пробьется». Да, так должно быть, да, так бывает, но умный поэт (кажется, Лев Озеров) не зря сказал: «Талантам надо помогать...» и, очень хорошо зная «мир искусства», закончил: «Бездарности пробьются сами».

Судьбы разные. Между «пьедесталом почета» и папертью множество вариантов.

Я врач. Никогда не жалел, но всегда, думая или не думая, так или иначе, сознательно или интуитивно чувствовал связь с миром, который меня не принял, но щедро одарил.

С Геной Макарчуком учились в одной группе. Способный, образованный, красивый. Прекрасно читал стихи. Еще до института прошел какую-то школу. Через год после окончания, спрятав «Красный диплом», психиатр Макарчук вновь стал студентом, на сей раз театрального института. Однажды спросил: «Гена, а ты иногда вспоминаешь, что ты врач»?

— Хотел бы забыть, не получается...

Геннадий Григорьевич Макарчук стал доцентом режиссерского отделения Киевского театрального института, кандидатом искусствоведения. Все вроде сложилось, но я знал — не все и не так. Его уже нет...

То ли на третьем, то ли на четвертом курсе появился новичок, — своеобразная институтская достопримечательность. Все переходили с курса на курс, а он с курса на курс оставался. На год, на два. Его исключали, потом принимали вновь — не огорчать же уважаемого доцента Духина. «Перебесится». А Виталий, которого все любили вовсе не бесталанный человек. И не бездельник. Он просто не хотел быть врачом, его мечта — сцена. А семья — уважаемая институтская династия — буквально на аркане тянула (тащила) в медицину. «Стерпится, слюбится»...

Все свободное и несвободное время проводил в театре украинской драмы имени Ивана Франко. Всех и все знал. Даже, кажется, занимали в массовках. Но — не суждено. А медицинский институт закончил. Виталий Львович Духин оказался талантливым психотерапевтом и наркологом. Востребован, как всегда любим. Популярен

в городе, особенно среди своих — в актерской среде. Все нормально. Счастливый конец, но «думы мои, думы»... Его уже нет...

Кажется, Людмила Гурченко, несмотря на яркий талант и личное обаяние, годы не получавшая ролей, как-то сказала: «Кто знает, сколько бессонных ночей видела моя подушка, сколько слез впитала...».

Артист, музыкант, художник могут состояться, состояться по всем мыслимым понятиям, но...

Две судьбы. Влюбленные в свое дело, целеустремленные, трудолюбивые, самоотверженные люди. Жизнь каждого — часть моей жизни.

Симона Френкель. Киевская консерватория, Рижская органная школа, академия музыки (орган). Джулиард. Пианист, органист, хормейстер. Кандидат музыковедения. Заслуженная артистка Украины. Тридцать лет в Соединенных Штатах. Органист в церкви и... реформистской синагоге. Уважение, доброе отношение, популярность среди прихожан и... весьма скромное содержание. Слава Б-гу, муж успешный программист.

Миша — Михаил Саулович Туровский. Говорят, «Если Б-г дает — дает щедро». Художник, автор нескольких книг афоризмов, самодеятельный, но очень хороший певец. Человек редкой коммуникабельности. Всегда среди людей, всегда центр. Киевский художественный институт, аспирантура художественной академии. Один из наиболее успешных мастеров книжной графики. Эмигрировал в США, но продолжал участвовать в художественной жизни Украины. И — редкий случай — эмигрант отмечен званием «заслуженного художника», избран в академию живописи. Выставки в Киеве, Нью-Йорке, Иерусалиме,

Италии, Франции, других странах. Прекрасные каталоги. Монография. В 2014 году назван в Америке «Человеком года».

Стар, болен. Своей квартиры нет. Жил в районе по-лучше, переехал в район похуже. Несколько сотен картин в съемном ангаре. Казалось, его оптимизм безграничен... Нет, иногда не выдерживает... Боготворит и благоговеет перед Рембрандтом: «Его тоже не признавали. Он тоже знал разные времена...».

Строка в «последних известиях»: «В Москве четыре тысячи безработных артистов». Не только в Москве. Не только в России.

А причем Витька Фольянец? Как зеркало, отражение в котором более яркое и крупное.

Закончилась война. Закончилась эвакуация. Десятый класс дома — в Киеве. Ташкент не забывал. Не забывал друзей. Чаще других вспоминал Костю Казакова и Витю Фольянца. Поведение и поступки одного формировали личность многих. Не могу забыть...

В середине года в классе появился новый учитель географии. Очень худой, очень бледный человек. Годы унесли из памяти фамилию, имя и отчество помню: Николай Александрович. Учитель милостью Божьей. Не он ли поселил во мне, возможно, и в других неумную страсть к путешествиям? Учителя полюбили. Вскоре вездесущные ученики узнали: Николай Александрович пережил Ленинградскую блокаду. В Ташкент приехал с внуком. Другим... не судилось...

В школе давали завтраки: то кусок хлеба с чем-нибудь, то, реже, кусок пирога. Из буфета нарезанные кусочки приносил дежурный. В тот день дежурил добрый и справедливый Витя. Он попросил в буфете не резать

пирог, а дать, что положено одной полосой. Пришел, положил поднос с неразрезанным лакомством на учительский стол. Посмотрел на всех: «Пирог для Николая Александровича и его внука». Учитель заплакал... Пирог взял. Быть может, это был первый Поступок в длинной череде Поступков Виктора. Причастность почувствовали все.

Ни разу не писал, а через двадцать пять лет вдруг приехал. Встретились. Сразу узнали. Слово за слово: кто ты, как ты? Костя Козаков — доктор медицинских наук, Биохимик; Витя — не Витя, а Аветис, не Фольянец, а Фолиянец — кандидат медицинских наук, вирусолог, ну и я — кмн — рентгенолог. Оказались близки друг другу — «из одного чемодана». Прошло еще несколько лет. В Киев приехал Витя. Говорили о многом, тогда рассказал, что, будучи студентом, играл в студенческом театре. Во время одной из «декад» в Москве предложили поступить в студию МХАТ. Остался в медицине, но театр был всегда с ним, всегда в нем. И еще прошли годы. В Ташкенте начались «беспорядки», а точнее разгул националистов. Основная цель — турки месхетинцы, попутно «инородцы», в том числе русские. Позвонил Косте: «Приезжай. Мне за тебя страшно». Еще прошло время... Позвонил Костя: «Мне за тебя страшно». Перед нашей эмиграцией — репатриацией, приехал на проводы. Рассказал, как ушел Витя.

С диагнозом «инфаркт миокарда» (третий), Аветиса Фолиянца, проректора ТАШМИ привезли в больницу. Делали все, что могли. Витя — сильный, мужественный человек — на каком-то этапе то ли приказал, то ли попросил: «Ребята, все. Отключайте».

Шли годы. Неожиданный звонок. Жена Кости.

— Неля! Откуда?

— Из Иерусалима.

- В Гости́ях?
- Репатриация.
- Где Костя?
- Кости нет...

Три товарища... Были три товарища...

Еще событие. Незначительное. Можно пройти, не заметив. Для меня знаковое.

Последний предвоенный год. Третий класс... Сидел за партой с тихим, аккуратным мальчиком — Витей Гармашем. Витя был «кривой» — слеп на один глаз. В наших играх-шалостях не участвовал. На переменах оставался в классе, что-то рисовал. Не показывал. Не знаю, почему и за что, но однажды молча, протянул альбом с рисунком. «Крейсер Худяков».

Не помню, что сказал о рисунке, но название корабля произнес, проявив знание неформальной лексики.

Прошло семьдесят лет. Помню удивленное, огорченное лицо: «А я думал ты другой...». Урок! На всю жизнь.

«Свободное плавание» по морю прожитой жизни оказалось не простым, то «Полный вперед», то «Стоп машина».

Из глубин памяти всплыло воспоминание о первой учительнице — доброй Лизе Борисовне, фамилию если и знал, то прочно забыл.

В первом классе, когда все уже бегло читали, я выделялся хорошей дикцией... читать не умея. Просто запоминал. Меня это никак не напрягало, но мама понимала: нужно что-то делать. Сейчас используют психологов,

логопедов и бог знает кого еще. Мама премудростей не знала.

— Завтра встанешь и перед всем классом скажешь: «Лиза Борисовна, я не умею читать».

Встал и сказал. Как реагировали товарищи — не помню. Меня урок научил не бояться... Учительница несколько раз оставалась со мной после уроков... Вскоре книги читал «запоем».

Где Вы, Лиза Борисовна? Успели уехать с маленькой дочкой? Ушли в Бабий яр?

«ЛИЧНОЕ ДЕЛО» — было рабочее название моих заметок — начал словами: «Ну, вот, восемьдесят...». А пробежали еще три года... И всего-то восемнадцать страниц. Впрочем, куда спешить?

Спешить или не спешить не всегда от тебя зависит.

Есть другая система отсчета...

Двенадцатое декабря 2013 года. Возвращаемся со свадьбы. Израильские свадьбы давно превратились в повинность. Масса незнакомых друг с другом людей. Заведенный ритуал. Подарки давно и прочно заменены портретами государственных деятелей... на купюрах разного достоинства. Скучно. Даже выпить не хотелось. Все имеет начало, все имеет конец. Поздний вечер. Отвратительная погода. Дождь, холод. Микроавтобус ...

Это не просто увеличенный интервал. Это как неожиданная темнота из-за замыкания. Только темноту мы видим, чувствуем, а тут совсем иная — ее нет, потому что

уже нет тебя. Наступила мгновенно. Ничего не понял. Ничего не почувствовал. Ушел.

А жизнь, Слава Богу! Продолжается. Дорожное происшествие активно обсуждается. Кто-то пытался что-то советовать, кто-то гладил по руке, кто-то высказал общие мысли: «Он уходит».

Ничего не понял, провалившись во тьму, ничего не понял ВОЗВРАТИВШИСЬ. Жизнь встретил вопросом:

— Где мои зубы?

Давно знал, Исанна — жена — в серьезные, иногда критические моменты, мгновенно собирается и не теряет чувство юмора. Ответ немедленный:

— У меня в сумочке.

На этом все закончилось. Без приключений доехали домой. С аппетитом поели свои «котлеты за восемь копеек»...

Вспомнил «Синдром приговора». Вспомнил цитату из Набокова: «Согласен продление»...

БЛАГОДАРЮ!

Волна забвения, мгновенно меня смывшая и тут же швырнувшая обратно, ушла. Жизнь, после шуток с вечностью или шуток вечности, другая. И я другой, оказавшись на судьбоносных поворотах истории. Все ярче, все острее, все обнаженнее. Конечно, исторические события не вдруг происходят. Адское варево революций долго созревавшее, долго вскипавшее, вдруг выплеснулось огненным потоком взаимной ненависти.

Вулкан Этна. Поднимаемся вдоль застывшей черной реки. Недавно грозный поток лавы сжигал на пути все.

Метрах в пятидесяти, уцелевшее неказистое здание — убежище монахинь, отказавшихся покинуть обитель в надежде на молитву и милость Всевышнего.

Шестьдесят лет прожил в Советском Союзе, «на» (или «в») Украине. Шестьдесят лет в русской культуре. Шестьдесят лет не отделял Украину от России, Россию от Украины. Даже в страшном горячечном сне не мог представить, что одна часть моей родины поднимется на другую. Жил не в «башне из слоновой кости». Знал, у двух народов есть не зажившие раны, не забытые старые обиды. Три столетия были вместе.

Три столетия Украина мечтала о независимости. Но всерьез это не воспринималось. Часто на уровне анекдотов. Анекдоты анекдотами, но еще двадцать лет тому назад чувствовались, вырывающиеся из недр зла языки пламени. И как всегда в любых этнических, политических, социальных или финансовых конфликтах привычными и удобными для реакции толпы, направляемой «кукловодами», были и остаются евреи. Я, ты, мы, мой народ, избранный для эксперимента. Не могу забыть демонстрацию в центре Киева. Развернутый транспарант:

«УТОПИМ МОСКАЛЕЙ В ЖИДОВСКОЙ КРОВИ»

Тогда, в девяностых годах прошлого века,
тысячи евреев покинули Украину.

Покинули и остались: родственники, друзья, язык,
культура, воспоминания — жизнь.

Покинули и унесли с собой — в сердце, в душе...

На глазах распался «Союз нерушимый». Без единого выстрела Леонид Макарович Кравчук, воспользовавшись уникальным шансом, дал Украине независимость. Стал первым президентом. Отблагодарили. Не переизбрали.

Пришли и ушли Кучма, Ющенко, Янукович, Яценюк — «Каждый последующий хуже предыдущего». Сейчас в середине 2016 года Кабинет Министров возглавил Гройсман. Не на свою ли голову?..

Начался МАЙДАН. Началась революция. Вначале идеалисты, потом накипь. Варилось варево! В коалиции протестующей оппозиции три силы: «Батьківщина», «Удар», «Свобода». Фашистская «Свобода» Тягнибока, нацисты Яроша, возродившиеся бандеровцы... Как тогда в 1933 на парламентских выборах в Германии легитимно, демократическим путем победили национал-социалисты, на последних парламентских выборах в Украине легитимно, демократическим путем заняли места в парламенте «свободовцы». Тогда в Германии нацисты провозгласили: «Дойчланд юбер алес!», сегодня в Украине фашисты провозглашают: «Україна по-над усє!!».

Расколот МАЙДАН, поляризованы регионы, в страхе многие русские, в страхе люди других национальных меньшинств. Многие, вначале искренне поддерживавшие «революцию», с надеждой смотрят на Россию.

Точности и справедливости ради: в России, задолго до украинской «Свободы», слово сказали «нац-болы» — «национал-большевики», выпестованные и организованные интеллектуалом, писателем, фашистом Лимоновым. Деятельность «нац-болов» официально запрещена, партия распущена. Затаились до времени... И, кажется, время пришло. В русско-украинском конфликте «черная сотня» поддержала агрессивную правительственную позицию. На улицах среди прочих лимоновские молодчики, знамена, символика.

Сложен и противоречив боровшийся и победивший МАЙДАН. В Киеве и в регионах распоясались деструктивные силы. Поднял голос, выползший из подполья, криминалитет. Из средств массовой информации, которым не слишком доверяю, из писем близких людей — родственников, друзей, знакомых знаю: в тревоге этнические русские, в тревоге евреи, в тревоге другие «нацмены». Эксцессы на бытовом уровне, угрозы погромов, избияния, насильственное утверждение украинского языка... Вывески на русском срываются, разбиваются. Многие русские видят защиту в России. Евреи начали организовывать оборону синагог. Израиль упростил эмиграционные (репатриационные) правила, специалисты обучают приемам самообороны...

Цветочки! Все предыдущее — цветочки.

Возможно, все бы успокоилось. Заменяли бы коррумпированную власть, выгнали вора-президента, начали реформы, подняли экономику... но на политической сцене появился новый игрок — Россия.

Под предлогом защиты русских, в Крым начали проникать вооруженные люди в форме без опознавательных знаков, в масках. Москва немедленно объявила, что знать не знает, слышать не слышала о российских военнослужащих. В Крыму появились отряды самообороны. Самообороны от кого, от Украины?! Митинги, демонстрации... События разворачиваются стремительно.

Готовится референдум, призванный продемонстрировать «волю народа».

РЕФЕРЕНДУМ ПРОВЕДЕН, СВЕРШИЛОСЬ.
«КРЫМ НАШ»

Президент России Владимир Владимирович Путин, госчиновники всех уровней заявляют: Россия должна «защитить русских людей от фашистов». Проходит несколько дней и о желании присоединиться к России заявляют в регионах Восточной Украины. Если отбросить политкорректность, можно сказать: «УКРАИНУ РВУТ НА ЧАСТИ». Возникли самопровозглашенные «Донецкая» и «Луганская» «народные республики». Фактически началась гражданская война, поддерживаемая «БОЛЬШИМ БРАТОМ».

Новая власть Украины — президент, премьер-министр, депутаты Верховного Совета, руководители партий и движений — отождествляют действия России с агрессивными действиями Третьего Рейха, а Путина с Гитлером. Даже кличку придумали: «ПУТЛЕР».

Мировое сообщество — Гаранты безопасности и территориальной целостности Украины (гарантии даны в обмен на отказ от ядерного оружия), Организация Объединенных Наций, большинство стран Европы и Мира, руководители общественных и политических организаций — осудили действия России. Осудил Совет Безопасности. «Против» проголосовала Россия, обладающая правом «Вето»! Мир грозит России жесткими политическими и экономическими санкциями. Украина создает и оснащает «Национальную гвардию». Россия концентрирует на границах с Украиной войска...

Средства массовой информации и «общественные организации» начали беспокоиться о защите «чести, достоинства и безопасности» русских в Казахстане, Эстонии, Латвии...

Политологи, аналитики, писатели, журналисты, ученые, артисты с обеих сторон не скупятся на взаимные обвинения. Сказано мягко, очень мягко.

Появились прогнозы. Оптимисты надеются, что возобладает разум и «братья» договорятся. Пессимисты предсказывают войну. Одни говорят о локальной войне. Другие думают, что конфликт перерастет в международный. Предрекают и третью мировую —

ПЕРВУЮ ЯДЕРНУЮ.

Маленький домик — обитель — на берегу черной реки,
на берегу застывшей лавы...

Крохотная голубая планета — наша общая обитель...
Да не извергнется вулкан...

Знаю, этот текст в печати не увижу. Не успею. МИР, БОГ даст, в атомном пожаре не сгорит. Так или иначе, конфликт, как все конфликты, разрешится. Потом может быть кому-то будет не безразлично свидетельство человека, не участвовавшего в конфликте ни на одной из сторон, не обремененного властными полномочиями, не принадлежащего ни к одной партии, более двадцати лет живущего в Израиле, но сохранившего любовь к Украине, равно как и любовь к России.

У КАЖДОГО СВОЯ, ПРАВДА.
И В УКРАИНЕ, И В РОССИИ ПОДНЯЛИ
ГОЛОВУ ДЕСТРУКТИВНЫЕ СИЛЫ
ФАШИСТСКОГО ТОЛКА. БРАТСКИЕ НАРОДЫ
СТАЛИ ЗАКЛЯТЫМИ ВРАГАМИ...

СЕГОДНЯ — ЖИЗНЬ. ВЧЕРА — ВОСПОМИНА-
НИЯ. ЗАВТРА — НЕЗНАЕМОЕ.

Окунувшись в СЕГОДНЯ, с тревогой вглядываясь
в ЗАВТРА, пойду вперед — ВО ВЧЕРА.

То ли на втором, то ли на третьем курсе института начал регулярно посещать публичную библиотеку — «Академку». Постепенно знакомился с книжным морем сокровищ. Разные, в том числе экзотические, словари (как иначе назвать «Словарь офеней», или «Словарь воровского жаргона Ваньки Каина»). Всевозможные энциклопедии. Отдел «Старопечатной книги и рукописей». ЛЕТОПИСИ. Специальный зал Организации Объединенных Наций... Книги по искусству. Настольной стала трехтомная «История искусств» Гнедича. Прочел о Шумере, Египетских пирамидах, Древнегреческих храмах, Колизее...

Прочел и понял: никогда там не буду, никогда ничего не увижу. Даже в так называемые «Соц. Страны» можно выехать только после долгих, унижительных согласований «треугольника». Это не геометрическая фигура, это Местком, Профком и Партком — «общественные организации» — местный комитет, профсоюзный комитет, партийный комитет. Они должны дать характеристику, которую может утвердить или не утвердить Обком — областной комитет — профсоюзов. В обкоме, после отказа, говорил с председателем, говорил долго. Убедившись, что намеки понимать не хочу, заявил прямым текстом: «Знаю, что вы хотите от меня услышать. Не скажу».

Вегетарианские времена. Середина шестидесятых. Оставалось только мечтать. Мечтал, пока из гражданина в одночасье развалившегося Союза, не превратился в гражданина Израиля. Ни месткома, ни профкома, ни парткома. И если хотите:

«КУК ДЛЯ ВАС В ОДНУ МИНУТУ
НА КОРАБЛЕ ПРИГОТОВИТ КАЮТУ,
ИЛИ ПРИКАЖЕТ ПОДАТЬ САМОЛЕТ,
ИЛИ ВЕРБЛЮДА ЗА ВАМИ ПРИШЛЕТ»

В Израиле четверть века. Города и страны, в которых побывал, составили вполне приличный список. Однажды в Америке услышал фразу, которую повторяют как мантру: «Никогда не говори: «никогда»! Теперь, и моя мантра. Судьба даровала значительно больше, чем мечтал, даровала даже то, о чем и не мечтал.

Год шел за годом, Кук исправно готовил каюту, подавал самолет. Так было до восьмидесяти четырех, до «ИГРЫ С ВЕЧНОСТЬЮ», до «РЕПЕТИЦИИ УХОДА».

Повидал огромный, мир: страны и города, реки и моря, горы и пещеры, узнал жизнь в различных проявлениях, познакомился с интересными людьми...

Теперь путешествия в прошлом... Пора и честь знать... Остались воспоминания.

— Куда вас послать?

— Куда-нибудь подальше.

— Поедете на Кунашир. Дальше некуда.

С шутивого разговора начались командировки Всесоюзного Общества Знание.

Самолет никогда не был только «транспортным средством», но никогда ни до, ни после не испытал такое состояние, как во время полета вдоль береговой линии Северного Ледовитого Океана...

Не многим довелось побывать на Кунашире. С острова в хорошую погоду видна Япония. На острове красавица «ГЕЙША» — дремлющий вулкан». Тут в девственной красоте, расположенное на несколько метров выше уровня океана, озеро «Лагунка», из которого чистейшая пресная вода по короткому протоку стекает в океан. А

из океана, преодолевая высоту, в озеро стремятся лососи. На нерест. Лов строго регламентирован.

Познакомился с рыбаками. Немного «помог». В награду получил горсть икры. Прямо из кеты.

И еще — готовая легенда. В подземном карьере полины высекают, гранят и шлифуют различной формы гранитные блоки, которыми «облицован» высокий правый берег сказочного озера. Потом узнал — уникальное месторождение...

Время пролетело быстро. Мысленно посетовал: завтра улетать... Но... с вечера поднялся ветер, с каждой минутой сильнее, сильнее, сильнее. Тайфун.

Тайфун не шутит и с тайфуном шутки плохи. Каждый получает имя собственное. «Мой» — ТИП. Чтобы представить чудовищную силу ветра, достаточно увидеть выброшенные из моря мощные корабли-танковозы, что уж говорить о более мелких суденышках... «Разметал» взлетную полосу... Командировка «продлила меня» на неделю. Телеграмму домой послал на третий день, или четвертый — точно не помню. А о «ТИПЕ» сообщили в НОВОСТЯХ по радио... Свое получил. И от жены, и от дочери...

После Кунашира «заболел» Дальним Востоком. Прошел год. Судьба подарила Сахалин и Камчатку.

Время фильтрует воспоминания. Южно-Сахалинск, Холмск, Порт Ванино — почти тридцать лет тому назад... Несколько японских домов, резиденция губернатора, которую много лет «стережет» великолепный лев, изваянный в восточном стиле. Небольшая группа интеллигентных пожилых японок, которым разрешили посетить могилы близких...

В Холмске первый и последний раз в жизни попробовал настоящую корейскую морковь. Из Холмска на

океанском пароме переправился (переправили) «на материк».

Порт Ванино приятный, даже ухоженный городок, избегающий от океана вверх на сопку. На самом верху книжный магазин. Давно знал, чем дальше «в глубинку» тем вероятнее находки. Тут то же, но запомнилась... колючая проволока за магазином. ЗОНА. ГУЛАГ. Запомнился железнодорожный состав с заключенными... На эти темы со мной никто не говорил. ГУЛАГ чувствовал кожей.

Лекции читал для моряков и работников береговых служб.

Следующий пункт фантастической командировки — Петропавловск-Камчатский. Пассажирский корабль опаздывал. Предложили: Хочешь — жди, хочешь — отправляйся грузовым пароходом на север Камчатки, в Манилы. Встрепенулся авантюрист. Дважды повторять не пришлось.

В жизнь вошел океанский грузовой корабль «АЛЮТОРКА».

Со встречи с вахтенным матросом, с первой ступеньки трапа, не столько понял, сколько почувствовал: в новом мире я не экскурсант, не пассажир, а часть команды. Не ЖЕЛАЕМОЕ, тем более не ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ, но так чувствовал. В новом мире человека окружает множество мелочей, по которым его принимают, или не принимают. Ну, например: закрывать ли двери каюты, сгонять ли со стола кота, который ведет себя как полный хозяин? А главное: ты есть или хочешь казаться...

Как-то сами собой возникли добрые отношения и с матросами, и с капитаном, более близким стал главный механик, познакомивший со своим сложным хозяйством.

Капитан привел в каюту замполита, который был в отпуске, и пошутил: «Помполит на нашем жаргоне — поп. Вам «по профилю». Для команды прочел все свои лекции. Аудитория не большая, но заинтересованная, а это всегда отражается на лекторе и лекции.

Одна называлась «Патология и психопатология одиночества». Одиночество многолико. Можно быть одиноким по воле жизненных обстоятельств или по обету, в коллективе, в толпе...

С ОДИНОЧЕСТВОМ в разных видах и проявлениях сталкивался не раз. Вот, забыть не могу. Мадрид, Большая площадь (plaz mayor). Народный праздник или гуляние. Площадь заполнена до отказа. Танцующие пары прижаты друг к другу. И в этом море ликующих, радостных людей, отдаленная как бы очерченным кругом, женщина. Танцующее одиночество...

Специально изучается поведение людей, вынужденных долгое время быть в одиночестве или общаться только с теми, кто рядом — в экспедициях, путешествиях, в море. За неделю сблизился с людьми. Понял: не просто быть «тружеником моря».

Вчера стал на год старше. Восемьдесят четыре. Жизнь каждого человека — рассказ, повесть, роман или сага — достойны хранения. О своей жизни рассказывают не многие, остаются рассказы, повести, роман или сага избранных. Остальные исчезают. В лучшем случае пылятся в личных или официальных архивах. Иногда с записками прошлого происходят любопытные приключения — вдруг актуализируются.

Эти записки в лучшем случае ждет архив. Но мне кажется важным рассказать о людях, с которыми познакомился, о том, что видел, о событиях и ситуациях, в которых, так, или иначе, участвовал. Самонадеянно? Возможно.

За четыре года двадцать четыре странички... Иногда «не пишется», иногда не хочется. Впрочем, от этого «никому ни холодно, ни жарко».

НО

Сидит что-то (или кто-то?) невидимый в анатомических структурах верхнего этажа и машет дирижерской палочкой... а я собираю (подбираю) фрагменты невесть откуда обрушившихся мыслей, облакаю в слова и нанизываю...

Неделя в океане. Второй раз попал в другую жизнь (первый — шахта). Никто ничего не показывает, все с готовностью объясняют. Неделю прожил жизнью команды. Эти люди любят море, любят свою работу, но не проста жизнь моряка, оторванного от берега, от семьи... иногда месяцы. Для команды посторонний на судне — невидаль и отдушина. Книги, взятые в рейс, перечитаны, фильмы пересмотрены. За бортом океан...

Прочел лекции. Почувствовал заинтересованную аудиторию. Не бездельник, ну, не совсем бездельник. Впереди земля. Север Камчатки. Поселок Манилы.

Северный оленеводческий поселок. Вся жизнь связана с оленями, но увидеть не довелось. На летних пастбищах. Познакомился с поселком, впервые ходил по деревянным тротуарам, любовался океаном, и рекой, широким устьем

впадавшей в безбрежность. Северная река — ПЕНЖИ-НА. Мало кто знает. Для меня значима...

Север — особая планета. Все другое. Из разговоров, хотя прямо о таких вещах не говорили, понял: тут каждого определяют очень быстро по каким-то своим признакам-кодам. Никто ничего не скажет. Сам поймешь. Не знал, как нужно себя вести. Какой есть — такой есть. Вскоре почувствовал доброе, очень доброе отношение.

В поселке получили сообщение: на дальнем пастбище заболела женщина. Нужна госпитализация. Дороги не хоженные, километры не мерянные. Завтра на пастбище вылетит вертолет. Просто так в полет не берут. Нужно согласовать, получить разрешение, вписать в полетный лист. И вообще, зачем лишняя головная боль? Все же попросил. Взяли.

В вертолете впервые. Летим между сопками. Будь у вертолета крылья, мог бы и задеть... Сам себя мысленно одернул...

Неожиданно погода резко изменилась. Потемнело. Вертолет разворачивается. Выглянул пилот: Возвращаюсь. Опасно. Можно зацепить сопку...

Утром следующего дня вертолет вновь готовят к полету за больной. Пилот с сомнением посмотрел, спросил:

- Полетишь ?
- Конечно.
- Садись.

Знакомые сопки. Сегодня без проблем. Вертолетная площадка на огромном изумрудном ковре таежного мха, в который сразу погружаешься до колен. Встречают несколько эвенгов-оленоводоов. С ними приветливая пожилая женщина. Ожидая гостей, приготовила вкусный обед... Больна — она. Прилетели за ней...

Вспоминал эпизод за эпизодом давние годы, заново переживал, подарки судьбы... Жизнь сегодня и сейчас обрушилась очередной войной. Война, как ни назови — война. Эту назвали «НЕСОКРУШИМАЯ СКАЛА». Любят звучные названия политики, военные, журналисты... А наша «клеине ленделе, шейнее ленделе» воюет шестьдесят шесть лет... Со дня первой — «ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ».

Мы приехали в 1991. Пятого апреля. Только кончилась очередная...

Однажды друзья-семидесятники прочли стихотворение, которое запомнил:

«С башни Эйфеля вчера,
Прокричал мулла: «Алла»

Воспринял как шутку. Но год за годом «шутка» медленно превращалась в реальность. Стремящийся к мировому господству, фундаментальный ислам, пользуясь достижениями демократии — «правами человека», «политкорректностью», правилами поведения становится, а кое-где стал реальной силой. Хорошо организованные, пользующиеся практически неограниченными финансовыми возможностями «воины нового халифата» навязывают свой менталитет, образ жизни, религию. Во многих местах прозвучали прямые угрозы, общественный порядок взрывается террористическими актами, насилием, хулиганством. Это в Европе. Это в Америке. Достаточно

ОДИННАДЦАТОГО СЕНТЯБРЯ.

А дома? Когда-нибудь беспристрастный историк опишет, как в наши дни полыхал Ближний Восток. Мусульмане шииты безжалостно режут мусульман суннитов, а

сунниты то же делают с шиитами. Не спокойно алавитам, салафитам, курдам. В Ирано-Иракской войне погиб миллион человек, в Афганистане сотни тысяч, то же в Сирии.

Недавно стало известно, что пятьсот езидов (исповедуют религию с элементами иудаизма, христианства, ислама, зороастризма и манихейства) — детей, женщин, стариков — фанатики из «исламского государства» убили в один день. Некоторых закопали живыми.

Мир сообщил и успокоился. Как только возникает вспышка арабо-израильского конфликта вся пропагандистская машина и политики дружно обрушивают на Израиль осуждение, санкции, бойкот.

Крохотный островок демократии на Ближнем Востоке. Крохотный островок свободомыслия среди моря религиозного фанатизма. Единственный бастион на страже иудео-христианской цивилизации. Европа медленно, но неуклонно исламизируется. В крупных городах уже существуют влиятельные мусульманские общины, к эмигрантам прибавляются, принявшие ислам, христиане.

19 августа 2014 года боевики «Исламского государства Ирака и Леванта» казнили американского журналиста Джеймса Фоули (Джеймс Райт Фоули). Все телевизионные каналы показали казнь. Жертва в оранжевом балахоне. Палач в черном. В капюшоне узкие прорезы для глаз. В руке нож. Еще мгновение и ЧЕЛОВЕКУ ОТРЕЖУТ ГОЛОВУ.

Вскоре стало известно: палач — недавно принявший ислам британец, житель Лондона Джон Битл.

Через несколько дней изуверы повторили казнь. Жертва — американский и израильский гражданин, журналист Стивен Сотлофф.

Палач тот же.

ЧЕЛОВЕК в оранжевом и палач в черном — стали символом фундаментального ислама, нависшего над цивилизованным миром в двадцать первом веке, как «коричневая чума» в веке двадцатом.

Демографы и социологи всерьез говорят «О ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА». В странах Европы вскипела волна антисемитизма, прокатились акты вандализма, появились первые жертвы. Появились, пока робкие, очаги сопротивления.

Важным, а для многих определяющим явилось требование Папы Римского Франциска ввести в Ирак войска. Для защиты всех, кому средневековые двадцать первого века грозят уничтожением.

Похоже, и политики, руководители ряда государств то ли осознали, то ли начали осознавать опасность. Создали (создают) коалицию для борьбы с террором и террористами.

Больную благополучно доставили в больницу. Меня стали узнавать. В правлении колхоза сразу разрешили купить эвенкийскую шубку — оленью КУХЛЯНКУ и необычную меховую шапочку. Кухлянку надевают через голову. Шубка превращается в колокол, в котором хозяйка надежно скрыта от мороза и северных ветров.

Дочь несколько лет была единственной в городе в таком экзотическом наряде.

Рассказала о реакции научного руководителя, профессора Лотмана:

«Юрий Михайлович с явным интересом рассматривал необычный наряд. Засмеялся: «Помочь не рискну».

Манилы запомнятся. Особенно день отъезда. Самолет из «северной столицы» — поселка Каменский — в Петропавловск-Камчатский раз в сутки.

— Полчаса вертолетом, день по реке. Выбирай.

— Если можно — по реке.

Рано утром, опекавший меня организатор лекций, вывел на берег и представил невысокому, квадратному человеку — вдоль, поперек — один размер.

— Иван Иванович Добрынин — капитан «лайнера», на котором поплывете.

— Точно. Я шкипер Иван Добрынин, а лайнер — вот за вами, метрах в семидесяти на песке. И общество отличное — моторист, три коровы и я. Поплывем?

— А как поплывем, судно-то на песке?

— ПЕНЖИНА подойдет, снимет. Во время прилива река поднимается на пять метров...

— Спасибо за то, что взяли. Постараюсь не мешать.

— А это как получится. Дорога дальняя...

Иван Иванович пошел по делам. С куратором тепло попрощался. Прохаживаюсь по берегу. Медленно прибывает вода. Написать просто, но когда видишь, как река подходит, подошла, лижет борт баржи, поднимает баржу... Не забудешь!

— Ну, с Богом!

Ровно заработал мотор. Баржа медленно поплыла против течения. За кормой исчезали Манилы...

Иван Иванович то появлялся, то исчезал. То слово скажет, то фразу, то минутный разговор. Лучше узнав этого необычного человека, понял: он по своим критериям решал, кого ему «подкинули». Стоит ли общения. Через пару часов почувствовали — не чужие. Стало легко, просто, интересно.

Начали делиться историями жизни, рассказывать о профессиях, семьях.

— Север — особый мир. Либо получаешь от рождения, либо становится твоим постепенно. Примет, только если ты принял его. Об этом никто не говорит. И не нужно. Все и без слов ясно. Я русский, с Волги. Тут очутился лет двадцать тому назад. Женился. Жена эвенкийка. Трое детей. Все, конечно, эвены.

— Почему «конечно»?

— У русских права обычные, у детей «малых народов севера» — особые.

Почему-то спросил:

— Иван Иванович, расскажите о северном сиянии.

Неожиданно задрожал. Долго молчал.

— Нечеловеческое. Потустороннее.

Беседа иссякла. Любуемся берегами.

— Насмотрелся? Пора подкрепиться. Да и познакомимся ближе.

На барже обнаружил крохотную кабинку, которой воспользовался и — воспитанный горожанин — закрыл кран, из которого в унитаз постоянно текла вода. Через пару минут к Ивану Ивановичу подбежал моторист, что-то тихо сказал.

— Ну, вот, как в воду глядел! А обещал не мешать... Тебе что, забортной воды жалко? Чуть мотор из строя не вывел...

Увидел мою реакцию, подобрел:

— Помощник отличный. Сразу сообразил. Ничего! Минуло! Это дорога... Пошли знакомиться.

В маленьком кубрике на маленьком столике Иван Иванович, посетовав, разложил прихваченные на долгую дорогу припасы: хлеб, сало, лук, крутые яйца, банку квашеной капусты.

— Не предупредили, что гость будет... И ведь все есть и икра, и лосось, и разносолы разные... А взял обычное...

— Так ничего больше не нужно. Все отлично. Спасибо.

— А по маленькой?

— Ну, если есть... да в компании, да на воздуси, да при закуси...

И пошло-поехало: по единой, да по единой, да по единой...

Встреча с Иваном Ивановичем, путешествие на барже, по Пенжине, остались в памяти ярким эпизодом.

На прощание сделал фотографию. Храню многие годы, надеюсь опубликовать.

«Отель» в поселке Каменское — большой барак. За окошком администратор. Здравуюсь. Прошу одноместный номер на одну ночь.

— Одноместных номеров нет.

— Дайте, что есть.

— Паспорт.

Протягиваю паспорт, который администратор пристально изучает. Внимательно смотрит и искренне изумлено спрашивает:

— Еврей?

— Еврей.

Протягивает ключ. По номеру на бирке нахожу комнату. Одноместный номер. Мелочь. Запомнилось.

Утром самолет. В «ПИТЕР». В Петропавловск-Камчатский.

Завершение фантастической командировки огорчило. Огорчение абсолютно несправедливое. В месячную командировку уместились Сахалин и Порт Ванино, и океанское путешествие, и Манилы, и Пенжена. В то время попасть в Камчатский ПИТЕР было совсем не просто. Впечатлений было бы вполне достаточно, чтобы потом годы помнить

и вспоминать, но когда дается сразу много — чувства притуляются. Нет, конечно, что есть, то есть. Есть современный европейский город на краю земли, окруженный действующими вулканами. Корякский, Авачинский, Козельский вулканы любовно называют «домашними». Они — визитная карточка Камчатки и Петропавловска, как Фудзияма — визитная карточка Японии. Вулканы — причина первого огорчения. «Попасть в Питер совсем не просто». Не просто и улететь. Благо общество «ЗНАНИЕ» о «своих» заботилось всегда и везде. Билеты были. Дата определена. Нужно лететь, но... еще бы три дня и вместе с группой мог бы пойти к действующему вулкану... Не судилось.

Впрочем, моя довольно долгая жизнь приготовила сюрприз — через годы из другой страны — из Израиля, в другой стране — Сицилии пошел на ЭТНУ. Все «мои» вулканы помню. И Камчатское ожерелье «ДОМАШНИХ», и Кунаширскую «ГЕЙШУ», и ЭТНУ.

В ПИТЕРЕ ожидало еще одно огорчение: тот же билет на самолет жестко определил сроки. Не появившись, исчезли КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА. Кураторы запланировали лекции, а я «загулял» в МАНИЛАХ. Но в книжном знакомстве себе не отказал. Узнал, что четыре острова, которые со временем стали КОМАНДОРСКИМИ открыты Витусом Ионассеновичем (на русской службе — Иван Иванович) Берингом в 1741 году. На самом большом — ОСТРОВЕ БЕРИНГА — могила КОМАНДОРА.

Воинское звание великого мореплавателя — КОМАНДОР-КАПИТАН. Звание для русского флота необычное. Откуда? Чему соответствует? Оказывается, введено ПЕТРОМ ПЕРВЫМ. Промежуточное — между капитаном первого ранга и контр-адмиралом. Просуществовало чуть более века. И осталось на карте мира.

Беринг руководил Первой и Второй камчатскими экспедициями, которые были задуманы для исследования вод Тихого океана и подтверждения наличия пролива между Азией и Америкой.

Началом Первой экспедиции считается УКАЗ ГОСУДАРЯ ОТ 23 декабря 1724 года.

Через месяц и четыре дня — 28 января 1725 года —
ПЕТР ВЕЛИКИЙ умер.

Сложилось так, что через пару лет был в командировке по линии того же общества «Знание» на «стройке века» — Саяно-Шушенской ГЭС.

Даже такой не подготовленный человек как я не мог не поразиться размаху. Никем не сопровождаемый, в защитной каске — техника безопасности — бродил по всем этажам плотины, знакомился с интересными, увлеченными людьми, читал лекции во время перерывов тут же, на рабочих местах. Понял, что на деле значат звучавшие в новостях рапорты о тоннах уложенного бетона.

А вокруг горы, леса и Енисей. Однажды — ума палата — взял лодчонку и решил пересечь Великую реку. Повезло! В этот день Енисей отдыхал — тишь да гладь! А разбушует — вздымает гигантские свинцовые волны. Бог миловал!

После окончания командировки, остался на десять дней и отправился «в свободное плавание». Побывал на раскопках в Хакасии. «Прошел по Ленинским местам» — Минусинск, Шушенское.

Лондон, Париж, Цюрих будут, потом, хотя об этом не только не догадывался, но и не мечтал.

Шушенское. Место ссылки. Что ни говори, а советский АГИТПРОП даром хлеб не ел.

О Шуше, конечно, знал. Знал, что село это никак не похоже на «глубину сибирских руд». Все же место ссылки.

Увидел. Прошел по городку, приютившемуся между берегами тихой, поэтичной Шуши и великого Енисея. В «ленинском заповеднике» сохранена старая Шуша, Шуша давних времен. Сохранен «Дом бедняка», «Дом середняка», «Дом богатого сибиряка». Конечно, отличаются, но все добротные, сработанные из плотно пригнанных друг к другу стволов лиственниц. Комнаты большие, во всяком случае, в доме, где отбывал ссылку Владимир Ильич. По свидетельству Надежды Константиновны, «Володенька» посвежел, поздоровел. Получая от царского правительства ежемесячное пособие, положенное осужденным, имеющим высшее образование, вел вполне достойное существование. Думал ли тогда вождь, как и где будут жить ссыльные после победы революции, предвидел ли «самый человеческий человек» ГУЛАГ?

Впрочем, это так, «ремарка в сторону».

Время позволяло. Впереди Красноярск.

Пристань, берег, большой город. Ни одной знакомой души. Мое — на мне, паспорт, немного денег. Не успев осознать, что меня ждет ночлег под открытым небом, увидел вывеску: «ТУРБАЗА», и еще одну — на другой стороне дороги: «ЗАПОВЕДНИК СТОЛБЫ». На турбазе встретили радушно, оформили документы, дали ключ от комнаты и сообщили, что попал в удачное время. Через пару дней группа пойдет в горы, а возвращаться будет на плотах по БИРЮСЕ.

О Бирюсе, которая «поет, звенит на голоса» пела вся страна... Мысленно шел с группой, плыл на плотках, но срок командировки... но самолет из Абакана... И «моя Бирюса» присоединилась к «моему Камчатскому вулкану» и «моим Командорским островам». Близок локоть...

Своеобразной «компенсацией» стали СТОЛБЫ. Три километра в гору, правда, по асфальту. Наверху лес, где какой-то сказочный богатырь разбросал скалы причудливой формы — СТОЛБЫ. Встречает гостя милый СЛОНИК, рядом БАБУШКА и ВНУЧКА. Молодые скалолазы почему-то одарили вниманием и помощью. Только благодаря поддержке взобрался «на ВНУЧКУ», сохранив в целости ноги, руки и голову. Скалолазы «ВНУЧКУ» называют столбиком. У меня другое мнение. А из настоящих СТОЛБОВ впечатляет каждый. Каждый достоин отдельного описания, но «ПЕРЬЯ», о которых можно долго говорить, но только увидев, понять гордость скалолаза, покорившего их, запомнились на всю жизнь.

За весь восемьдесят четвертый год жизни всего несколько страниц... Пишу с трудом. Хочу продолжать, но... Может быть просто лень. А может пора кончать? Вообще, кому нужен еще один МЕМУАР?

Мне. Хочу вспомнить жизнь, пройти через время и судьбы родных и близких, прожить жизнью своего Киева, своей Хайфы; вновь побывать в местах, о которых годами мечтал и о которых даже не мечтал... Хочу еще раз встретиться с людьми, которым многим обязан. Рассказать о встречах, которые запомнились, возможно, в чем-то определили судьбу.

Неожиданно, перевалив через граничную дату — 85, вернулся к «ЛИЧНОМУ ДЕЛУ».

Каждый, посетивший этот мир — свидетель. Мой МЕМУАР — мое свидетельство.

Отношению к «праздным» вопросам научила любимый редактор — Вера Абрамовна Корсунская.

— Попробуйте сделать интервью для рубрики: «Разговор с интересным человеком». Сотрудник газеты обязан выполнять задание, вы можете найти героя сами.

— Я никогда... интервью...

— Не волнуйтесь. Корзина у меня есть.

Интервью с профессором — патологоанатомом, педагогом, увлеченным коллекционером, историком медицины Михаилом Константиновичем Далем опубликовано в «Рабочей газете» (21 августа 1977. № 196).

Перечитав текст, отметил эпизод, который позволю себе использовать.

Изучая материалы жесточайших эпидемий чумы и холеры в Одессе в 1910 году, Михаил Константинович, «...листая старые публикации в газете «Утро Одессы» обнаружил заметку, сообщавшую о награждении специальной серебряной медалью врачей, принимавших участие в борьбе с бедствием... Мне необходимо было увидеть медаль, а если повезет, так и достать реликвию... Друзья посоветовали пойти на вещевой рынок, о котором одесситы говорили: «Все дороги в Рим ведут через толчок».

Беседуя с Михаилом Константиновичем, не знал, не предполагал, что с одесской «барахолкой» вскоре познакомлюсь, что в разных обликах еще не раз появится на жизненном пути. Тогда узнал об иерархии рынка, о «короле» «скобяномонетномедальерноинструментального товара», который одарил профессора памятной медалью.

«Тут есть все. А если нет, значит и в природе не существует. Например, атомной бомбы» — из анекдота того времени.

Оказавшись на толкучке, почувствовал ожидание какой-то встречи... Охотник чует дичь...

На земле ветхая дерюжка. На дерюжке книги. Не ширпотребные (двадцать килограмм макулатуры за вожделенный корешок). Притягивает растрепанный томик карманного формата. Боюсь взять, зная — у меня одна купюра невысокого достоинства. Но, манит... Держу — бедекеровский путеводитель по Санкт-Петербургу...

Чем дольше бережно перелистываю едва держащиеся страницы, тем внимательнее меня рассматривает продавец, молодой человек, своеобразное сочетание интеллигента и барыги (так презрительно в Советском Союзе называли мелких торговцев).

Начинается представление.

— Сколько?

Продавец называет сумму в три раза превышающую мою скудную наличность. Ни слова не говоря, кладу томик на место.

Продавец наигранно:

— Почему вы положили книгу?

— Но, простите. Цена... меня...

— Цена, цена... Так это не делается...

Включаюсь в игру: «А как это делается в Одессе?»

«Король» сечет мгновенно и объясняет, явно растягивая удовольствие:

— В Одессе это делается так: вы берете книгу еще раз... внимательно рассматриваете... только после этого называете свою цену.

Я следуя указаниям и, наконец, предварительно подумав, сообщаю достоинство единой купюры.

Подозреваю, «король» все понял, но очень не хотел портить впечатление... Себе... и мне...

Ответ достойный одессита:

— УЖЕ!

Приобретение «БЕДЕКЕРА» оказалось не завершением эпизода, а началом семейного предания, которое дочь относит к «РЕПЕРТУАРНЫМ РАССКАЗАМ».

Приведенный в порядок, заново переплетенный, ПУТЕВОДИТЕЛЬ стал постоянным спутником и источником информации о городе, который всегда любил, и, казалось, знал... Тут прочел о «КАМНЕ ГРОМ», который стал пьедесталом «МЕДНОГО ВСАДНИКА». Узнал, как обнаружили, как перенесли на Сенатскую площадь.

Не зря ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ об этом народном подвиге сказала: «ДЕРЗНОВЕНИЮ ПОДОБНО» и повелела выбить медаль с этим девизом (легендой).

Увидеть и достать! Увидел вскоре. Приобрел через много лет на «Блошином рынке... в Хайфе. Своеобразной достопримечательностью Хайфского рынка много лет была лавка Моше. В хозяине сочетался добрый старьевщик и осторожный антиквар. Перемещаться между картинами, статуэтками, старыми самоварами, керосиновыми лампами, пишущими машинками, тарелками, кастрюлями какими-то инструментами можно только боком и очень осторожно.

Тут НАШЕЛ СВОЕГО «МЕДНОГО ВСАДНИКА»...

На блошином рынке своеобразная специализация. Перейдешь дорогу, попадешь в другой мир. Мир порядка, изысканности: ковры, гобелены, старинная мебель, куклы. Разные, необычные и необычайные. Особый мир. Хозяйка, соответствует убранству и содержанию. Охотно рассказывает и показывает...

Зашел раз-другой, увидел, познакомился, вскоре забыл бы, но по воле случая однажды рассказал о куклах профессору и писателю Денису Соболеву. Примерно через год получил препринт — «ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СКАЗОК О ЛЮБВИ» с теплой дарственной надписью. А на словах: «Спасибо за подсказку». В одной из философских, далеко не детских, Соболевских сказок есть персонаж — фарфоровая кукла...

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ,
КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ».

Жизнь иногда ведет по тонкому льду. Несколько раз оказывался в ситуациях созданных или случившихся в силу «ангельского» характера, взрывчатого темперамента и — увы! — небольшого ума.

Когда жизнь заводит на тонкий лед, хорошо, если дает проводника...

ПОЛКОВНИК ЗАБЕЛЛО.

Студент что-то учит ЧТОБЫ ЗНАТЬ, что-то — ЧТОБЫ СДАТЬ. Ко второму относилось «военное дело». Военную медицину преподавали медики, тактику и правила обращения с оружием — строевые офицеры. И тот и другой курс сложным не был. На занятиях царила атмосфера взаимного уважения. Муштры в помине не было, шутки и малые розыгрыши принимались.

Военному делу обучал полковник Забелло. Высокий, красивый, моложавый — так запомнился. Боевой офицер. Прошел всю войну. О его жизни и делах не знали, но чувствовали — «батя».

Однажды полковник задал какой-то вопрос. Что-то показать на карте. Ошибся. Почему ошибка рассердила, — не знаю. Совсем другим тоном задан второй вопрос. «Сработал» характер — ответил не правильно. Намеренно. Полковник побагровел и гневно выдал: «Болван! Покажи хотя бы где восток и где запад?». Показал... наоборот. Долгое молчание. Смерил запомнившимся взглядом. Повернулся, прошел к доске. Еще минуту помолчал и продолжил занятие. В классе было очень тихо...

Несколько месяцев полковник меня не видел, точнее — не замечал. Встретились на экзамене.

Экзаменатор серьезен, экзамен ведет галопом: вопрос — успеваю сказать два предложения... Довольно, следующий вопрос: полное повторение предыдущего и так еще два-три вопроса. Молчит. Смотрит испытующе. Взгляд выдерживаю. Неожиданно намек на улыбку...

— Да, а где ВОСТОК? А ЗАПАД?

Берет зачетку, медленно перелистывает, пишет. Протягивает матрикул, улыбается: «У... архаровец». В зачетке ПЯТЕРКА.

«Архаровец»? Слово многозначное, И хулиган, и озорник, и беспутный, и отчаянный... Может звучать и осуждающе, и снисходительно — шалун...

ПАМЯТЬ ЖИВА.

Прошло шесть десятков лет. Давно нет полковника... Память жива. Жива память — жив человек.

ДОВНИКИЯ ТРОФИМОВНА.

...Первый раз в первый класс... первый раз в институт... первый раз на первую работу... Село Макошино, Менский район, Черниговская область. Село большое, красивое. Железнодорожная станция, судоверфь, боль-

ница, несколько санаториев. Направлен в самый трудный — детский костнотуберкулезный. На попечении и ответственности главного врача — Константина Терентьевича Ильченко и моем — семьдесят пять детей. Кто в гипсовой кровати, кто в повязке, фиксирующей тазобедренный сустав, у кого загипсован коленный... Настоящий бич — свищи — ходы, через которые проходит и выделяется гной.

Прошло месяцев пять. Вполне прилично освоил гипсовую технику, нет проблем с десмургией (перевязки), наново проштудировал азы педиатрии. Все бы хорошо, но Константин Терентьевич уходит в отпуск, оставляя меня самым главным и самым младшим, ничего не понимающим в бухгалтерии, в заготовках (частично продукты приобретали сами), в организации работы персонала и даже четырехклассной школы. Наиболее важно своевременно получать дефицитные лекарства, за которыми необходимо отправлять машину в Чернигов...

Худо-бедно постигал все, чему в институте не учили. Постепенно узнавали меня. Познакомился с врачами сельской больницы Андреем Кирилловичем и Евфросинией Кононовной Бухно — хорошими специалистами, добрыми людьми. Познакомился с районным начальством. С председателем райисполкома, в прошлом учителем и директором школы Довникией Трофимовной Серьодкиной не довелось. Судьбе было угодно знакомство отложить. До времени... И время наступило.

Шла, как обычно, авральная уборочная кампания. Все в той или иной степени «стояли на ушах». Были предельно измотаны, взвинчены. В один из таких дней меня срочно вызвали к телефону...

— Звонит Довникия Трофимовна...

Телефон в сельсовете. Сельсовет далеко. Прибегаю:

— Здравствуйте. Слушаю...

В ответ без обращения, с места в карьер, крик:

— Так ты завтра дашь машину на уборку?..

О моем «ангельском характере» и «выдающемся» уме упоминал:

— Не дам.

Молчание. Неожиданно спокойно и тихо, очень тихо:

— Срываешь уборку... Встретимся в другом месте...

Короткие гудки...

Машину в колхоз, конечно, отправил... На неделю... Никто никуда не вызывал... День, другой, неделя... Однажды в райцентре рядом затормозила машина:

— Доктор, садитесь, подвезу...

С Довникийей Трофимовной сложились прекрасные отношения.

За три года работы в санатории — благодаря новым для того времени лекарствам — ПАСК, стрептомицин — и традиционным методам лечения, клиническая картина у больных существенно изменилась. Улучшения разительные. Исчезли свищи... Имело значение все, в том числе доля каждого, в том числе моя.

А ведь достаточно одного слова — «САБОТАЖ» — и поехал бы «раб Божий» НАДОЛГО ВОН...

То ли в председателе райисполкома заговорил бывший директор школы... то ли добрая душа «соломку подстелила»... Ни тогда, ни потом никто не намекнул, словом не обмолвился. Для себя решил — Евфросиния Кононовна.

ЕВФРОСИНИЯ КОНОНОВНА (ПРОСЬКА).

Первые шаги в любом новом деле, при любой перемене в жизни запоминаются надолго.

Запомнилось срочное приглашение в сельскую больницу. С врачами знаком еще не был. Меня, во всяком случае, по имени и отчеству Андрей Кириллович уже знал:

- Лев Борисович, как вы относитесь к операциям?
- Хотел стать хирургом.
- Можете ассистировать?
- Конечно.
- Мойтесь.

Перед операцией вся бригада тщательно обрабатывает руки — неперемный, незыблемый ритуал. Незнание или нарушение правил видно сразу. Тогда был маленький экзамен...

Каждый хирург знает, как важно работать с ассистентом, который тебя понимает без слов, знает ход и последовательность операции... Сработались. Приглашение к участию в операциях стало обычным. Вскоре предложили совместительство — работу на половину ставки. Принимал в поликлинике, ходил на вызовы, после окончания курсов, работал в рентгеновском кабинете. Да у нас был свой рентгеновский аппарат. Утверждать не стану, но кажется из всех сельских больниц области «рентген» был только у нас.

Когда Евфросиния Кононовна решила организовать рентгеновскую службу, на нее посмотрели с улыбкой и сожалением.

Где нашла молодого, способного техника? Где Василий Михайлович Мацюк разыскал списанные детали? Сам собрал аппарат, который не без иронии, но и не без гордости называл: «Кощунство над техникой». И «ко-

щунство» работало. В 1955 году в селе Макошино был рентгеновский аппарат с водяным охлаждением! Что это такое специалисты знают. Рентгенология стала профессией — пять поколений рентгеновских аппаратов — этапы моей жизни.

Всегда знал и чувствовал рядом умных наставников. Постепенно деловые отношения стали дружескими. Иногда и Андрей Кириллович, и Евфросиния Кононовна (и не только они) избирали меня поверенным. Делились многим, иногда личным.

Один рассказ поразил. Запомнились детали. Запомнились интонации.

— Лева, вижу, с каким пиететом относишься к Андрею Кирилловичу. И ты прав — он честный и хороший человек, прекрасный специалист, за плечами фронтовые годы... Но все мы люди, все человеки...

Тридцать лет тому назад считалось, что селу повезло, если там был фельдшер. У нас был свой фельдшер — молодой, красивый, добрый. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы понять: я влюбилась.

Не сразу фельдшер обратил внимание на санитарку... На ПРОСЬКУ. Кстати, дома и в школе меня называли не Фросей (Фроськой), а ПРОСЬКОЙ. И я привыкла. Это к слову, но не просто. Так вот, я влюбилась, а Андрей Кириллович не сразу, но заметил — «глаз положил»... Ну, кое-что опустим, но вскоре мы «вскочылы у грэчку». Немного прошло времени — поженились. Появилась первая дочка. Все хорошо, но трудно привыкнуть уважаемому фельдшеру быть мужем санитарки — Проськи... Да, умный, да хороший, да добрый, но показать, указать каждому место мог жестко. Впервые почувствовала в своем имени полупрезрительный оттенок. «Нет, — думаю, — так не будет!». Поступаю в фармацевтический техникум. Закончила. Все хорошо. Меняется отношение, дистанция

не меняется. Андрей Кириллович закончил институт. И снова я — «Проська». Скоро сказка сказывается, а война вмиг обрушилась. Андрей Кириллович ушел на фронт, а я осталась с дочерью и на сносях. Так мы — две с половиной — уехали в эвакуацию. Так вдвоем пережили войну...

Вернулся, слава Богу, Андрей Кириллович. Встретили две дочери и я — врач.

Прошли годы, выросли дети, мы стали опытными уважаемыми врачами. Во время одной из избирательных компаний меня избрали в Верховный Совет Украины. А Верховный Совет избрал членом парламентской комиссии по медицине. Ничего не изменилось... Изменилось все. Я смогла кое-что сделать для области, для района, для нашей больницы. Смогла многим помочь, кому-то «подставить плечо». Случилось помочь и Андрею Кирилловичу. Вот, так. А ПРОСЬКА исчезла, испарилась, пропала. Как не было...

СИИ МАЛЫЕ.

«СИИ МАЛЫЕ» — прочел в БИБЛИИ. Узнал о заповеди бережного и доброго отношения к ним.

Жизнь показала: каждый — Душа Живая. Судьба каждого достойна рассказа, повести, романа или саги...

Сельский период жизни завершился переездом в Киев и многолетней работой в Киевском неврологическом санатории имени «ПЕРВОГО МАЯ». Мои «СИИ МАЛЫЕ» — сотрудники санатория — дворник Фома Семенович, санитарка Лизочка, гардеробщица Настя, душер Тася. Судьба каждого уникальна, но мне дозволено лишь заглянуть в потаенное.

Понял: любой человек для себя весь мир, а не один из «сих малых». И еще понял: великий ПЕРЕСМЕШНИК, играя, тасует судьбы. КРУГОВОРОТ ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ. «КОЛЕСО САНСАРЫ».

ФОМА СЕМЕНОВИЧ.

Фома Семенович обратил внимание и запомнился какой-то особой собранностью, подчеркнутой аккуратностью, неторопливостью. Впечатление первой встречи оставалось долгие годы. Казалось, в дворники пришел из какой-то другой жизни. Если предположение и было верным, то ничем не подтверждалось. Жил одиноко в комнатухе санаторного общежития. Встречались ежедневно: «Здравствуйте, Фома Семенович! Здравствуйте, Лев Борисович!»...

Запомнились два эпизода.

Однажды, видно давно беспокоило и выхода требовало желание поделиться. Начал рассказывать о своей жизни. Коротко, скупое. Для него был важен итог. Точнее подготовка. Для него важно было достойно уйти, никому не причиняя хлопот и беспокойства.

Вдруг заторопился. Деликатный человек счел неудобным долго задерживать.

— Да, так вот, теперь могу быть спокоен. Собрал и припрятал на расходы по похоронам, на скромные поминки, ну и небольшой памятник...

Второй эпизод... По времени, может быть, первый...

Фома Семенович значительно старше меня. Сложилось так, что при встрече первым здоровался я.

Однажды, то ли задумался, то ли отвлекло что-то, прошел мимо.

— Лев Борисович, если я дворник, можно не здороваться?..

Незначительный эпизод... Запомнился. В память врезался... Как «Крейсер Худяков»...

Обиду ДРУГОГО понял сразу... Глубину СТАТУС-НОГО положения почувствовал, когда в эмиграции (репатриации), лишившись привычного положения и превратившись в одного из «сих малых» столкнулся сам.

Вам знакомо состояние, когда через тебя проходят,
как сквозь пустоту?..

Фома Семенович не хотел проблем и хлопот после завершения жизненного пути. Из своих более чем скромных средств откладывал, копил на похороны, поминки, скромный памятник...

В новой жизни, в новой стране с новыми правилами и освященными временем традициями, ритуальные услуги разработаны до мелочей. Все регулируется «Священным братством (товариществом)» — ХЕВРАТ КАДИША.

Кто-то полностью принимает правила, другим не все нравится. Система работает без сбоев. Вот только место «вечного покоя» лучше подготовить заранее, чтобы отдали земле. Чтобы не «всунули» на один из этажей кладбищенских стен. Поверьте, не просто «поселить» усопшего на верхний этаж. Утилизируется каждый клочок земли. Этаж или два размещаются в пешеходных мостиках. «Все под контролем». На все своя цена...

Вот и вспоминаю предусмотрительного Фому Семеновича... Светлая память...

ЛИЗОЧКА.

Медицина считается, возможно, так и есть, самой гуманной профессией. Безусловно — самая кастовая. И по отношению к медикам, и по отношению медиков. Во всем, начиная с обращения. Врачей называют по имени и отчеству, медицинских сестер и санитарок (нянечек) — по именам. Ситуация меняется с возрастом. К Лизочке это не относилось. Может быть потому, что эту далеко не юную женщину окружала аура доброты.

Однажды попросила посмотреть мужа... Пришел человек, который, казалось, старался занять как можно меньше места. Запомнилась просительная вежливость (если допустимо такое выражение), тихий голос, неуклюже надетая шапка-ушанка и... висящая капля под носом...

Через день пришла Лизочка. К счастью ничего серьезного. Обрадовалась, расслабилась... И вдруг:

— Лев Борисович, простите, неправду сказала. Не муж он мне... Так живем.

— Лизочка, какое это имеет значение?

— Имеет, для меня.

Невмоготу подчас человеку наедине с собой, со своими мыслями... За многие годы так и не понял, почему для своеобразной исповеди иногда избирают меня?... Впрочем, не суть важно...

— Через год-полтора после Победы пришел демобилизованный солдат. Шел домой. Дома нет... Жены нет... Двух детей нет... Все в Бабьем яре.

У меня какая-никакая хатка. Два хлопчика. Мужа война забрала. Погиб. Притулились друг к другу...

Шли годы. Он работал бухгалтером. Тихий, добрый, помогал растить мальчишек. А в мыслях — со своей семьей... С ними... в Бабьем яре... Старел, слабел, перестал

работать... Пенсия крохотная... Но, ничего, вместе... живем...

Лизочка надолго замолчала. Не торопил. Понял: не может через что-то переступить...

— Недавно один из сыновей говорит: «Мать, что ты возишься с этим жидком? Да, прогони его к...»

Как гром! Не учила такому... Все считают меня доброй, тихой... Человек разным бывает... Сыну ответила, как отрезала: «Пока я жива, этот дом — ЕГО дом. ДОМ МОЕГО МУЖА».

Вспоминаю Лизочку, несчастного, сломленного солдата, а память подсказывает другие судьбы.

Почти не осталось моих преподавателей, от сотен до единиц уменьшилось количество однокашников... Все же, может быть, не только я запомнил, почти слившуюся с серой стеной у входа в старый административный корпус на Бульваре Шевченко, фигуру пожилого человека, прижимавшегося к радиатору отопления. Ни к кому не приставал, ничего не просил, но был рад общению. Несколько раз присоединился к небольшой группе, внимательно слушавшей старика (а может и не старика). Достаточно нескольких минут, чтобы понять — это профессионал. Говорил о литературе. Рассказы доверительные. Запомнилось сравнение Пушкина с Лермонтовым... У меня, как у каждого, свои дела... Послушал минуту-другую — побежал... «Ленивы, не любопытны»...

Кто был этот человек? Почему сломался? Задумался... через несколько десятилетий.

И еще одна судьба. Профессор Ольга Матвеевна Авилова. Ученица и многолетний сотрудник академика Амосова, Ольга Матвеевна была виртуозным торакальным хирургом, для которой невозможного не существовало.

Лично знаком не был. Один единственный раз слушал, когда она выступала оппонентом на защите диссертации. Об Ольге Матвеевне ходило множество снисходительно-доброжелательных, слегка насмешливых историй. А она все отдавала работе, делу, людям. Бессребреница.

Не знаю деталей. Ничего не смею выдумывать... Из моего Киева в мою Хайфу дошли слухи: Ольга Матвеевна торгует на базаре (то ли сигаретами, то ли чем-то другим)...

Неожиданно навестил человек, на защите которого профессор Авилова была оппонентом. Подтвердил...

Люди ставят памятники. Люди сносят памятники.

В свое время в Киеве за гробом «святого доктора» Феофила Гавриловича Яновского шли священник, ксендз и раввин...

Может быть, когда-нибудь в Городе будет памятник «базарной торговке», профессору Ольге Матвеевне Авиловой...

НАСТЯ.

Настя — стареющая женщина, много лет работала в санатории гардеробщицей. Была у нее комнатуха в общежитии, как у Фомы Семеновича. Вот и все, что о ней знал. Нет, еще знал, что она больна туберкулезом. Время от времени проходила профилактические медицинские осмотры. На рентгеновское обследование приходила ко мне. Год за годом...

Однажды, как всегда неожиданно в подобных исповедях:

— Лев Борисович, кто я?

— Настя, я Вас не пойму, О чем Вы?

— Ну, посмотрите... Разве не видели, разве не видите? Ну, не Настя я...

Признаюсь, я не нашелся. Молчал, недоумевая: то ли крик души, то ли симптом болезни? Не просто было и Насте...

— Я не Настя. Я Дора.

И тогда, во время разговора, и потом не мог понять, как произошло превращение: сидит тот же человек, а я вижу другое лицо, при этом чувствую, подлинное лицо не то, что много лет знал, а то, что только что увидел.

— Настя, простите, Дора, а как...

— Нет, это Вы простите... Сказала, не знаю почему. Знаю, почему Вам. Поймете... Но это все. Простите.

Прошло несколько месяцев. При встрече по имени не обращался. Полагалось — Настя, видел — Дору.

Постепенно, все вернулось...

Эпизод, казалось, забыл... Вспомнил через пять лет после репатриации, когда переехал с квартиры на квартиру и поселился в интернациональном доме. В одном парадном семь квартир. В четырех — евреи, в одной арабы-христиане, в одной арабы-мусульмане, одна много лет закрыта — наследники (брат и сестра) не могут и не хотят поделить наследство. Двадцать лет рядом. Мирно. С взаимным уважением. И на свадьбы приглашали, и в больницах посещали.

Какое все это имеет отношение к Насте-Доре? Никакого. Впрочем, как посмотреть...

Однажды во дворе дома нашел удостоверение личности — теудат зеут, которое гражданам Израиля в быту заменяет паспорт, а паспорт — даркон — действует за границей. Удостоверение нужно вернуть владельцу. Смотрю — наш сосед, сын соседский — Кельтебе. Имя, как имя. Красивое. Но я знаю парня как Даню, Даниэля, да и

вся семья соседей имеет библейские имена. Отец — Муса (Моисей), Мать — Лея, дочь — Сара, сын — Даниэль, он же — Кельтебе. А какие имена у других? Впрочем, не мое дело. И Настя-Дора дальше имени в свою жизнь не пустила...

ТАСЯ.

Полное имя — Таисия, но называли — Тася, или Тая. Душор. В бальнеологических лечебницах есть такая специальность. Обычно это обученные санитарки (нянечки). Молодые девушки — работа не из легких. Работали в одном помещении — в водолечебнице. За годы сложился нормальный коллектив. Ладили, не ладили. Дружили, конфликтовали. Когда нужно, стремились помочь. Многие знали друг о друге все или почти все. Ко мне это практически не относилось. Не люблю «лезть в душу». Другое дело если о чем-то просят, что-то рассказывают.

Таисия? Нормальный работник, спокойная, иногда взрывчатая, ничем не выделяется, ничем не отличается, ничем не запоминается. Казалось — (знаю и не люблю свои категорические суждения): МАЛО ПОСЕВОВ — МАЛО ВСХОДОВ...

В каждом коллективе возникают привычки, правила поведения. У нас, например, общие (Восьмое марта, Первое Мая, Новый год...) и личные праздники отмечали в рентгеновском кабинете. Удобно. Помещение большое, красивое. А Штатив рентгеновского аппарата нажатием кнопки превращался в большой стол. Застолье по введенным правилам...

Однажды, после нескольких обязательных тостов, неожиданно поднялась Тася, смущаясь, неуверенно попросила: «Можно, я почитаю Вам о Будде»?

Не уверен, что все знали или хотя бы слышали о Гаутаме, но все уже были благостные, добрые...

Таисия начала читать... С первых слов, с первых строк поэмы, исчезла девушка — душор. Перед нами была артистка. Великолепный чтец.

Слушали как замороженные. Благодарили все. Каждый по-своему. Подошел когда все разошлись.

— Люблю чтецов, стараюсь не пропускать известных, тем более выдающихся. Спасибо! Где ты училась?

— Лев Борисович, ну где я, обыкновенный душор, могла учиться? У меня же никакой школы...

Я засмеялся: «Тася, «Обыкновенный душор» понятия не имеет, что такое ШКОЛА. А ты прошла школу и школу хорошую.

— Знала, Вы поймете. А о том ЧТО, КОГДА, ГДЕ в другой раз...

Другого раза не было.

В мои немалые годы вместились две жизни, две профессии. Иногда события одной, так или иначе, повторяются или проявляются во второй. Несколько примеров описал. Закончу еще одним.

В Хайфе, как и в других городах, есть люди, которых знают все и не знает почти никто. Их принято называть «странными». Один много лет появляется в одежде с многочисленными значками, множеством часов и разного прочего. Никого не трогает, никто не трогает его. Да и речь не о нем.

Я о женщине неопределенного возраста, не утратившей остатки былой красоты. Всегда в кричащих, многоцветных нарядах. Для карнавала наряд, может и сошел бы. На улице вызывает удивление. Кто она, откуда, где и как живет? Не знал и не знаю. Встречал на улицах, в

парках, на почте, в филармонии. Видел портрет на фото-выставке...

Однажды поздно вечером в пустом подземном переходе сидела на камнях и пела. Прекрасный голос, хорошо поставленное сопрано. Перед певицей плошка для милос-тыни. Положить пару монет не смел. Должен заплатить. Так и сделал. Для нее? Для себя?...

Текст начал ВДРУГ и ВДРУГ закончил. Начал в восемьдесят, заканчиваю в восемьдесят пять.

ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТОГО ВЕКА. АВТОПОРТРЕТ.

ПОСТСКРИПТУМ

Логика требует поставить точку. Но выдержав несколько недель, понял: не следует заканчивать на грустной ноте. Тем более, что это неверно по существу. Жизнь подарила много интересного, запоминающегося и запомнившегося. Не раз говорил о любви к перемене мест, к путешествиям. Волей судьбы в ПЕРВОЙ жизни побывал почти во всех республиках Советского Союза; во ВТОРОЙ — во многих странах, Об одних только мечтал, о других, например Индии, даже не мечтал.

О ПИРАМИДАХ мечтаю годы, но увидеть не довелось. Когда было просто — прозевал. Сейчас — невозможно...

Впрочем, «Никогда не говори: НИКОГДА».

Наступило время, поездки стали трудны и небезопасны. Годы мои, годы... Хвори мои, хвори... Но друзья и Исанна начали планомерную осаду, завершившуюся штурмом. Сдался. Едем в Лугано и Милан.

Описанием путешествия «дорисую автопортрет».

ПОДАРОК СУДЬБЫ.

В юности мечтал о путешествиях, но представить не мог, что судьба долгие годы будет благосклонной и проведет через города и страны — в Европе, Азии, Америке. Но все, что имеет начало, имеет конец. Хочешь — не хочешь. Я не хотел. Но, пора. На жердочку!

Так казалось. Были веские основания. Но «Человек полагает, а Бог располагает». Орудием избрал жену. Изодня в день: «поедем, поедем, поедем».

Последней спичкой, «которая переломила хребет верблюду», стал юмор. Жена отчеканила:

— СУТЬ СОБЫТИЯ, ПРИ ПЕРЕМЕНЕ МЕСТА СОБЫТИЯ, НЕ МЕНЯЕТСЯ.

Настал вечер, наступила несонная ночь. Бен-Гурион — аэропорт. Оформление, проверки, накопитель, рукав, самолет, взлет.

Утро. МИЛАН. Милан — вторая часть нашего путешествия. Сегодня — только станция пересадки. Автобусы сразу у выхода из аэропорта. «Что ни город, то норов». Купили билеты до Лугано. Это рядом — в Швейцарии. Билеты, оказывается, только на автобусы «своей» фирмы. Дождались «своего», Поехали.

За окнами итальянские и швейцарские пейзажи. Приятные, спокойные, доброжелательные люди.

Лугано. Конечная станция. Идем по ходу автобуса в обратную сторону, огибаем супермаркет, садимся в фуникулер. Дальше по чистым, сверкающим бесконечными витринами лучших в мире швейцарских часов, улицам до гостиницы «САН КАРИО ГАРНИ».

Не успеваем открыть парадную дверь, оказываемся в объятиях Жени и Ляли (Оли) Эстровичей, дальних родственников и близких людей. Они накануне прилетели из Кливленда. Краткий обмен информацией и... «Ну, пошли». Маршрут в деталях они, как обычно, разработали. Любой город, если в руках карта, открытая книга.

Бродим по городу, выходим на берег сказочного ЛАГО — озера, которое долгое время было безымянным. Имя дал город. Теперь это ЛАГО ДИ ЛУГАНО. Одна из достопримечательностей фуникулер «САН САЛЬВАТОРЕ». Высокую гору «осваиваем» в два приема. Из «нижнего» вагона альпийского поезда на промежуточной станции пересеживаемся в «верхний» и вверх, вверх, вверх. Потрясающие виды. Действительно: «Лучше гор могут быть только горы...». Вечереет. Возвращаемся. Спим.

«ЛУЧШЕ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ И БОГАТЫМ, ЧЕМ БЕДНЫМ И БОЛЬНЫМ». Бесспорно. Но туризм, в последнее время зашкаливающий по ценам, предусматривает и другую максиму: **«ПОЛУЧЕНИЕ МАКСИМАЛЬНОЙ ВЫГОДЫ ПО МИНИМАЛЬНОЙ ЦЕНЕ».**

Принцип провозгласил в 19 веке создатель организованного туризма Томас КУК, который долгое время оставался для советских людей только литературным образом, буржуем (буржуином), у которого ЗА ГРАНИЦЕЙ ЕСТЬ КОНТОРА... Между прочим: первые путешествия «С КУКОМ» стоили для взрослых ОДИН ШИЛЛИНГ, для детей — шесть пенсов.

Другие времена, другие цены. Но если знаешь, как заказать отель, какие и где купить проездные билеты, как

вместо одного музея по абонементу, получить право на посещение десяти и более; как вместо стандартных экскурсий, за те же деньги, а то и дешевле, увидеть больше и лучше с проверенным частным гидом — тебе повезло.

Все давно освоила Ляля. Утром, без четверти десять, мы на берегу Лаго Ди Лугано. Машина подкатила без десяти. Галина Тодаро — профессиональный, лицензионный гид, интеллигентная, моложавая женщина. В прошлом библиотечкарь в Ленинграде. В Швейцарии двадцать пять лет. Русский безукоризненный. Контакт и полное взаимопонимание установились сразу.

По серпантину взбираемся ввысь. Первая остановка в двух горных деревушках — КОРИППО И ЛАВЕРТЕЦЦО, находящихся под защитой ЮНЕСКО, как «объект» всемирно-исторического значения, как достояние человечества.

Маленькие каменные домики, топили «по-черному», а крыши сделаны из настоящих грубо обработанных плоских камней. Весит такая крыша над небольшим домом около 15 тонн. Просто так ничего не делается. Крыши не поднять, не обрушить даже мощным альпийским ветрам. Не раздавить снежным сугробам. Жизнь в этих сказочных местах — постоянная работа, без выходных, от зари до зари. Круглый год. Вольготно чувствуют себя только горные человечки — гномы, тролли — которых видели в окнах и на воротах.

Были на плотине, перегородившей горную реку. Экстремалы — трюкачи и каскадеры, используя страховочные приспособления, иногда совершают прыжки с головокружительной высоты. Дух захватывает! Можно восхититься, добавить в копилку впечатлений. Прыгают не только каскадеры, но и спортсмены. Есть, оказывается, спорт: «БАНДЖИ ДЖАМПИНГ». Его создал американский скалолаз Дэн Осман.

Можно забыть НУЖНОЕ, но помнить ЛИШНЕЕ. Вершина достижений в ДЖАМПИНГЕ — прыжок с моста ЭВРОПАБРЮККЕ. Высота — 192 метра. Скорость падения — 120 километров в час. Человек в свободном падении ШЕСТЬ СЕКУНД!

Прошли по узкому каменному мосту, сработанному, возможно, еще «рабами Рима». За достоверность не ручаюсь, но такие мосты видел в книгах по архитектуре.

Были на своеобразном каменном пляже. До камней-лежанок не просто добраться, но удовольствие, когда со всех сторон окружает журчащая вода, труд оправдывает.

Сказывается все быстро, а день успел уйти далеко за полдень и недремлющий внутренний «бандит» требует: ДАЙ! Опытная Галя, конечно, все предвидела и привела в гостеприимный Дом-ресторан «ГРОТТО».

На Лялю произвел впечатление «эксклюзивный» местный напиток «ПАНАШЕ» — смесь пива и лимонада. Мы отведали, но отдали предпочтение хорошему вину и прекрасно приготовленному мясу. И вообще на вершине, на чистейшем альпийском воздухе, в окружении гор!.. Такое случается не каждый день.

Возвратились в Лугано к пяти часам вечера переполненные впечатлениями, искренне благодарные Гале.

Новый день — Первое мая. С утра на большой площади, не вкусившие прелестей «победившего социализма», молодые люди, собираются под красными знаменами. Бравурная маршевая музыка. Кукловод в рупор кричит «кричалки». Площадь дружно подхватывает и скандирует. Дай вам Бог, швейцарцам, давно привыкшим к свободе, как можно дольше бороться за «светлые идеалы» и как можно дольше не узнать их прелести. А у нас по

плану сегодня центр (или столица) кантона — БЕЛИН-ЗОНА, а в ней средневековые крепости.

Из трех крепостей посетили и неспешно осмотрели две. Это настоящие реликты архитектуры и фортификации средних веков. Что-то о крепостях читали в рыцарских романах, но пропускали, как докучливые длинноты. Сейчас бы пригодилось. Самая большая — нижняя. К ней и направлены стопы многочисленных туристов. Вторая на отшибе. Самая интересная — третья — на вершине горы. К ней ведет шоссейная дорога.

По дороге курсируют автобусы... до определенного часа. А потом?.. Впрочем, «а потом», для «ПРОХОДИМЦЕВ» — потом. Верхняя крепость действительно впечатляет. Из бойниц открывается великолепный вид. Продумано стратегическое положение крепостей, которые видны, как на ладони. Крепости соединены подземным ходом.

Время прошло быстро. Нас ждет сомнительное удовольствие спускаться с вершины пешком. Быть может, именно поэтому в верхней и, повторим, самой интересной крепости, только мы и еще две-три пары.

«Свет не без добрых людей». Сотрудница предложила тремп.

А в Лугано до позднего вечера били барабаны, звучали призывы, развевались красные флаги...

Новый день — новые впечатления.

Как приехали в Локарно и почему, не помню. Наверно, это был пункт пересадки при поездке в город художников.

Аскона. Улицы встречают многочисленными вывесками. Мастерские художников. Художественные салоны. Если правомерно определение интеллектуальная атмосфера, — это об Асконе. Неспешно переходим из салона

в салон, из мастерской в мастерскую. Есть интересные работы. Приятно, спокойно. Неожиданно остановила вежливая женщина.

— Простите, слышу русскую речь. Скажите, пожалуйста, Вам знакомо имя Марианны Владимировны Веревкиной?

— ???

— Вижу. Вы интересуетесь искусством? Через час закончится перерыв, можете посетить музей «БАБУШКИ АСКОНЫ», выдающейся, или великой, русской художницы, нет лучше — ХУДОЖНИКА.

Сказала — исчезла. Видение, что ли? Ровно через час — в музее.

Имя МАРИАННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ВЕРЕВКИНОЙ (МАРИАНН ФОН ВЕРЕВКИН) знакомо не было. А казалось, продвинутые...

Человек выдающегося таланта, необычной личной и творческой судьбы. Блестящая страница истории искусства, яркий представитель «серебряного века». Ученица Прянишникова и Репина. Добрый ангел оказавшихся в эмиграции и бедствовавших художников. Многие годы жила в полюбившейся Асконе, принимала участие в жизни города и горожан, которые называли ее «бабушкой Асконы», а память увековечили созданием музея и до сих пор функционирующего общества «МАРИАННЫ ВЕРЕВКИНОЙ».

Нужно ли говорить, что мы не спешили уйти из дома большого художника, оставившего заметный след в искусстве от передвижников до авангарда.

У входа-выхода альбомы, книги, открытки.

— А на русском?

— Есть и на русском.

Неожиданно, стали обладателями книги, изданной на итальянском и русском языках Государственной Третьяковской галереей и Муниципальным Музеем Современного Искусства Асконы.

Письма. Фотографии. Великолепный альбом иллюстраций. Авторы разделов — известные искусствоведы и журналисты.

Многие о Марианне Владимировне Веревкиной либо вообще не знают, либо знают до обидного мало. Кратко — нельзя. Подробно — отдельная тема.

Есть хорошая украинская шутка: «Як мед, то ложкою». День завершился поездкой по озеру.

Последний день в Лугано. Суббота. Можно посетить «Блошинные рынки», ставшие знаковыми достопримечательностями городской жизни современной Европы. Кое-какой опыт имели. Тут человека ожидают сюрпризы: можно увидеть и приобрести то, о чем и думать не думал, и то, о чем мечтал годы.

Итак, Лугано. Блошинный рынок.

Чистота, порядок, четкость. Ни одного продавца «на камушках». Столы-прилавки. Каждый сам по себе, а вместе — большая лавка Аладдина.

Лугано преподнес несколько сюрпризов. Две тарелочки с масонской символикой. Совершенно неожиданно МАДОННА С РЕБЕНКОМ из ПАПСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. «Madonna col Bambino» из «Le Porcellane Fontana dei Medici». С тяжелого керамического овального блюда («СДЕЛАНО В ИТАЛИИ») смотрели преданные глаза собаки. Мы «собачники», но наша любовь отдана двум пуделям — черному АМИ, и белому — АРТО. А на блюде лицо (ну, не хочется — «морда») великолепного Бассета. Теперь «охраняет» дом.

Утром Милан.

— Ну, пошли!

Не прошло и пятнадцати минут, как мы у белоснежного, кружевного МИЛАНСКОГО СОБОРА. Не спеша дважды обошли, а потом вошли в храм! Утром на следующий день купили билеты... на крышу собора. Кто знает, где можно купить билеты, чтобы не стоять в очереди на лифт? Ляля знала.

Описывать собор можно, но лучше это сделали более совершенные перья. Пожалуй, достаточно если скажем: СОБОР ЗАПОМНИЛСЯ СКАЗОЧНЫМ ВИДЕНИЕМ.

Примерно час побродили по городу, час посидели в кафе и пришли к театру «ЛАСКАЛА». Билеты не достали, но в музей театра попали. Некоторые залы — фойе одного из ярусов. Ложи открыты. Вошли, сели. Осмотрели зрительный зал. Сегодня генеральная репетиция. Повезло! Ненадолго!.. Служители привычно закрыли специальными щитами вид из лож... Зато ничто не мешает внимательно осмотреть коллекции театра. Тут и документы, сообщающие об истории театра, и макеты декораций, и костюмы, портреты выдающихся певцов, балерин и танцоров. Некоторые изваяны в бронзе. Большая коллекция памятных медалей — тоже своеобразная история театра.

Возле театра на площади ЛАСКАЛА памятник Леонардо да Винчи, установленный в 1872 году. Скульптор Пьетро Маньи (Pietro Magni 1817–1877).

С каждой стороны квадратного постамента фигура ученика:

Марко д Оджоно (1470–1549);

Чезаре де Сесто (1477–1523);

Джованни Антонио Больтраффио (1466 или 1467–1516);

Андреа Салаино (1480–1524).

Третий день в Милане — на кораблике по озеру до острова Isola Bella. Остров открыла в свободном плавании по интернету Исанна. Сообщила Ляле и Жене. Остров тут же вошел в план.

«Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый...»

И едут «ГОСТИ», и все приглашены «В ГОСТИ» на остров Изола Белла к семейству Борromeо. На острове Карл III (1586–1652) в подарок жене построил дворец. Имя острова — Изола БЕЛЛА — слилось с именем — Изабелла.

Дворец и сад созданы итальянскими архитекторами Анджело Кривели, Франческо Каstellи, Карло Фонтена. Мраморные фигуры в парке венчает стоящий на самом верху десяти террас ЕДИНОРОГ — геральдический символ семейства Борromeо. Скульптуры — в основном творения Карло Симонетта (1662–1695). Дворец и сад фактически занимают весь остров. Дворец не многим уступает, или не уступает дворцам европейских монархов. Великолепный декор и отделка залов и комнат, прекрасная коллекция картин, замечательные гобелены. Каждый стол, шкаф, бюро, стулья, каждая люстра — произведения искусства. Все великолепно, но в том или ином варианте видели, а шесть гротов в нижнем этаже, воссоздающие морское дно, необычны.

Дворцовый парк — выдающееся произведение ландшафтной архитектуры и замечательный ботанический сад, в котором разгуливают белоснежные павлины.

Несколько веков ПАЛАЦЦО БОРРОМЕО привлекает аристократию Европы, путешественников, туристов. Тут бывали великие и знаменитые, например Наполеон с Жозефиной, тут был, а потом описал свои впечатления Стендаль...

К последнему дню в Милане подготовились заранее. Иначе нельзя. Только за два месяца можно купить билеты в собор САНТА МАРИЯ ДЕЛЛА ГРАЦИЯ. Тут на стене пятьсот лет тому назад оставил «ТАЙНУЮ ВЕЧЕРЮ» ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Каждому допущенному в бывшую трапезную даровано пятнадцать минут.

ДАРОВАН И МНЕ

ПОДАРОК СУДЬБЫ.

Я — «ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТОГО ВЕКА».

Семьдесят лет прошел в своем веке и заглянул в двадцать первый.

Журналистика подарила многочисленные встречи с интересными людьми, которые рассказывали о жизни, делились иногда сокровенным.

Каждый — личность. Каждый — явление. Каждый — СВИДЕТЕЛЬ.

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

СОВРЕМЕННОСТИ

ПРОСТО РЕНТГЕНОЛОГИЯ

ПРОФЕССОР РУБАШЕВА

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Статья написана совместно с Юрием Григорьевичем Виленским.

Задумана как юбилейная. Опубликовано как некролог.

Первая публикация «Наука і суспільство» 1968. №8.

Больничное утро. Да, она не имеет права напрягаться, не должна. Но вчерашний разговор не шел из памяти.

— Будьте добры, позвоните в город, — сказала она медсестре. — Передайте: профессор Рубашева просит сегодня же приехать.

Болит голова. «Скачет» давление... Но снимки необходимо посмотреть. Не зря коллега так волновался...

— Сколько лет ребенку? Три? Ну, что же... тревога оправдана, но опухоли нет, хотя картина похожа. Тут вы правы. Но посмотрите, рисунок надкостницы не характерен. Мелочь? Иногда именно «мелочь» решает. В рентгенологии, да и вообще в медицине, мелочей нет.

Неожиданный «досуг». Рубашева вспоминает: Да, она блестящая выпускница Смольного Института Благородных девиц, окончившая курс с «ШИФРОМ» — вензелем вдовствующей императрицы — патронессы института — осыпанного бриллиантами. Она имеет право стать фрейлиной двора. Но «красавицу Настеньку Зеленцову», дочь полного статского генерала, придворная жизнь не влечет.

Влечет филология, влечет искусство, влечет медицина. Избрана медицина.

Молодого врача заметил и взял ассистентом великолепный хирург, профессор Джанелидзе. Доверяет все более и более сложные операции. У нее верный глаз, сильная и точная рука. Казалось, призвание определилось. Но постепенно все больше и больше увлекает анатомия. Работает настолько увлеченно и самозабвенно, что для нее сделал исключение сам Тонков — крупнейший анатом, человек своеобразный и довольно крутой. Все знали, в лаборатории Тонкова женщин не было, нет, и не будет... Исключение сделано только для Рубашевой.

После замужества (с биологом Семеном Рубашевым) перешла на его фамилию.

Успешную работу прервало несчастье — тяжелой формой туберкулеза заболел сын. Надежд, казалось, мало. Мать и сын как бы соревновались в деланном оптимизме. Юра бодрился, пытался шутить...

После настойчивых хлопот удалось попасть на знаменитый курорт в Италии. Лечение, климат, уход сделали свое дело. Здоровье медленно пошло на лад. А у нее появилось немного времени. И она со всей страстью и настойчивостью занялась эпохой Высокого Возрождения.

Перед ней открылась великая страна искусства. В жизнь вошли Да Винчи, Микеланджело. Рафаэль, Боттичелли... «Маленький русский доктор» стала завсегдатаем музеев, музейных запасников, архивов, библиотек. Даже подумывала о монографии.

Книга о Возрождении осталась мечтой. Мать и сын возвратились домой. Вернулась к хирургии.

И вновь Его Величество Случай изменил все.

Встретились в библиотеке. Молодой, но уже известный ученый, Дмитрий Герасимович Рохлин, блестяще образованный человек и великолепный рассказчик, увлек

коллегу потрясающими возможностями, которые открывает новая наука — рентгенология — врачебное ясновидение. Особое внимание ученого привлекает возможность новой науки прочитать страницы истории, казалось давно канувшие в Лету. Не все бесследно исчезло. Многочисленные кладбища, захоронения, курганы хранят свои **КЛАДЫ** — кости.

Кости, словно вечный архив человечества, отражают условия быта, причудливость ритуалов, болезни. Кости в ряде случаев позволяют восстановить или уточнить ранее неизвестные или ошибочно трактовавшиеся исторические события.

Учитель и ученики упорно и настойчиво разрабатывают новое направление в науке — рентгенопалеопатологию. У них налажены связи со многими археологами. Хрупкие богатства — кости — из древних погребений прибывали из Сибири, Хакасии, с Кавказа, из раскопок в монастырях Руси Великой.

Давно угасшая жизнь вставала во всей наготе и величии. Это не было приятной экскурсией в «золотой век». Панорама прошлого раскрывалась суровыми буднями, где человек рано старился и безвременно умирал; где он чаще всего оставался один на один со стихиями и инфекциями. Тысячи лет тому назад целые поколения косили туберкулез и сифилис. Не реже, чем сейчас люди страдали онкологическими заболеваниями.

Век за веком в многочисленных войнах, с каждым витком истории все изощреннее, косила людей смерть от руки себе подобных, названная «травматической эпидемией». Немые свидетели кричали об ужасах убийств и насилий. Страшные дни, например, пережило Городище близ Шепетовки. Тысячи людей — женщины, старики, дети были зарублены ударами в спину, растоптаны конницей Батыя.

Но и в те времена человек спешил на помощь человеку. Кости хранят следы искусных операций. Невероятно, но факт — пациенты выживали после трепанации черепа. Исследования ученых помогли восстановить или уточнить ряд исторических событий. Дмитрий Герасимович Рохлин обобщил и опубликовал свои исследования и исследования учеников в замечательной книге: «Болезни древних людей».

Исследования костей стали для Рубашевой как бы стандартом для сравнения зримого и истинного, воображаемого и реального. Ученые заставили кости «заговорить» на языке рентгеновских снимков. Каждая кость со всеми сложностями формы изучалась в норме анатомически, затем скрупулезно в разных проекциях исследовалась на рентгенограммах. Так создавалась рентгеноанатомия. Так создавалась рентгеноанатомическая НОРМА, сравнение с которой — основа рентгенодиагностики.

В каждой серьезной научной школе, ученики развивают идеи учителя и находят свой путь. Рубашеву заинтересовала возрастная рентгеноанатомия. Особенно развитие черепа и его сосудов, которые отражаются на костях. Именно этой теме посвящена докторская диссертация.

Но в жизнь ворвалась история, ворвался 1937 год, ворвалась трагедия. Арестован муж. Вновь встретиться не довелось. Расстрелян. Над Анастасией Евгеньевной нависла угроза ареста. Спас профессор Иустин Ивлианович (Юстин Юлианович) Джанелидзе. «Взять» кого-либо из его клиники никто даже подумать не смел. Такое при Сталине изредка случалось. Несколько месяцев под видом больной Рубашева пробыла в клинике. Потом несколько лет работала в Курске под неусыпным вниманием «ока недреманного».

Люди... Некоторые сторонились, другие, в том числе прямые начальники, молчаливо, но недвусмысленно

поддерживали. Оставалось главное — работа. Работа помогла жить и надеяться.

Двадцать второе июня 1941 года. Война. Недели и месяцы спрессованы невероятным напряжением. Главный рентгенолог Волховского фронта прошла все. Бесценным оказался и опыт хирурга. Ситуации возникают самые неожиданные и меняются с калейдоскопической быстротой. Рубашева не только сама работает, но учит других.

Война не перечеркнула, да и не могла перечеркнуть научный поиск, скорее наоборот — обострила. Вот некоторые названия статей и даты публикаций, которые никаких комментариев не требуют: «Новое в исследовании огнестрельных травм» (1943); «Осложнения осколочных ранений» (1944); «Рентгенодиагностика ранений тазобедренного сустава» (1945)...

— После войны я работала в крупном госпитале, одной из основных задач которого была подготовка к протезированию раненных, перенесших ампутацию. Необходимо изучить особенности культи. Необходимо изучить, как отражается на рентгенограммах разных костей одни и те же процессы, в чем их отличия и сходство.

Так рождался главный труд — монография «Частная рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов». Впервые в мировой рентгенологической литературе рассматриваются не только описание патологического процесса вообще, а особенности заболевания в каждой кости, в каждом суставе.

Основная дидактическая особенность монографии — предельная конкретность изложения. В короткий срок объемный труд вышел двумя изданиями. Названия одинаковые. Фактически второе издание — другая книга.

В наши дни особенно остро стоит вопрос о патологии межпозвоночных дисков. Рубашева занялась этой проблемой еще пятьдесят лет тому назад. Понимая, что наиболее

полно и глубоко поставленные задачи могут быть решены при объединении усилий невропатолога и рентгенолога, профессора Анна Давыдовна Динабург и Анастасия Евгеньевна Рубашева создали перспективное творческое содружество.

В медицине вообще, а в хирургии в частности известны периоды увлечения теми или иными лекарствами, методами, операциями. Было распространено убеждение, что панацеей при болезнях позвоночника является операция. Оперировали широко, но не всегда оправдано. Невропатолог-клиницист и диагност-рентгенолог не могли не обратить на это серьезное внимание. Их исследования подтвердили предположения и заставили более осторожно и обосновано принимать решение об операциях.

Много лет профессор Рубашева заведовала кафедрой рентгенологии Киевского института усовершенствования врачей. Преподавание подчинено основному принципу — показать и научить видеть исследуемый орган в его развитии, его функции. Удивительны в этом смысле были ее лекции. Не популярные в обычном смысле слова, не легкие для восприятия. Ее лекции требовали от слушателей внимания, подготовки и напряженного труда. Казалось, профессор умышленно избегает красивостей, того, что на профессиональном жаргоне называется «оживляем». В ее речи красота — логика. В ее речи медицина, в которой себя узнает природа.

Рентгенология не легкое дело, не самый «прыгучий» трамплин для диссертаций. Учитель требовательный и строгий. Руководит без скидок и сантиментов, не меняя тем, не работая взамен. Но может быть, именно это привлекает многочисленных учеников, как официальных (плановых), так и неплановых — «пришлых».

И еще: каждый сотрудник, каждый ученик Рубашевой оказывался под непосредственным влиянием удив-

тельной личности. Высокий профессионал, широко образованный человек, знавший пять европейских языков; почти на профессиональном уровне изучивший европейское искусство, особенно Высокое Возрождение; любивший и тонко чувствующий музыку и блестяще ориентировавшийся в литературных направлениях и течениях. Она щедро делилась с каждым, способным слушать и понимать. Увлеченно рассказывала о многом .

Трудно утверждать наверняка, но возможно тогда, пятьдесят лет тому назад, профессор Анастасия Евгеньевна Рубашева знала, какое значение для специалиста имеет гуманитарное образование.

БЛАГОСЛОВЕННЫ ДНИ ЗАБОТ

ПРОФЕССОР ДАЛЬ

Первая публикация в «Рабочей газете» 21 августа 1977 года.

Профессора Михаила Константиновича Даля знал давно. Знал как врача, ученого, как человека увлеченного и увлекающегося. Знал по рассказам и специальной литературе. Информация вполне достаточная, чтобы возбудить интерес. Поговорить бы... Неожиданный разговор в редакции и сразу задание: «Попробуй взять интервью».

— Но я никогда не делал...

— Не волнуйся. Корзина в редакции есть...

Я у Михаила Константиновича. Скованность первых минут быстро проходит. Вначале интервьюируемый интервьюировал интервьюера. Получил что-то выше двойки. Теперь моя очередь.

— Почему медицина? Почему патологическая анатомия? Учителя, ученики. Былое, думы. Встречи, увлечения...

Михаил Константинович изобразил шутливый испуг:

— Программа на трилогию.

— Пол полосы, максимум.

— Посмотрите по сторонам. На некоторые вопросы получите ответы.

Осматриваю комнату. Восток и Запад. Будды и рыцари. Бодхисатвы и Купидон... Бронза. Картины, вазы, медали. Каждую вещь хочется рассмотреть внимательно,

узнать историю, значение. Действительно «программа на трилогию».

— Начнем, пожалуй, с Будд. Восток во многом для нас загадка. Интерес к Востоку перешел от отца, профессора-агронома, ему же принадлежали первые наши Будды. Наверно тогда был заложен интерес к гуманитарным дисциплинам. Убежден, серьезный врач должен быть широко образованным человеком. Впрочем, то же относится и к другим профессиям. Кстати, вначале не думал о медицине. Разделял увлечение друга и соседа по школьной парте (долгое молчание) — Игоря Васильевича Курчатова.

Михаил Константинович явно наслаждался эффектом.

— Победило естествознание. Три года был студентом естественного (теперь биологического) факультета Крымского университета. Потом перешел на медицинский факультет Казанского университета.

Почему патологическая анатомия? Трудно объяснить. Думаю, комплекс причин, в котором основное — желание добраться до сути патологических процессов; увидеть болезнь «лицом к лицу».

После окончания университета, приглашен на кафедру патологической анатомии Кубанского медицинского института (Краснодар), которую возглавлял профессор Кулеша. У Георгия Степановича прекрасного человека и настоящего ученого научился многому. Вспоминаю с благодарностью.

Повезло и в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде), где с 1933 года работал на кафедре патологической анатомии института для усовершенствования врачей у профессора Федора Яковлевича Чистовича. Был ассистентом, потом доцентом, а после защиты докторской диссертации («Об изменениях легких при пылевых болезнях») стал профессором.

Не забыто и юношеское увлечение Востоком. На новом этапе — это восточная медицина. Михаил Константинович бережно снял со стеллажа книгу. Читаю: П. А. Бадмаев. «О системе врачебной науки Тибета». СПб. 1896.

— В сокровищнице народной и традиционной медицины Запада и Востока много потаенных дверей, ведущих к удивительнымкладам — настоящим открытиям, которые поставлены и будут поставлены на службу науке для блага человека. Еще многое не понятно и не понято. Не зря наследие прошлого в разных странах изучают медики, филологи, лингвисты, историки... Посмотрим еще раз на Будд. Обратите внимание на позы, на положение рук... Ни одного повтора. В каждом движении свой смысл, свое значение.

Интерес к народной медицине сочетается с коллекционированием древних монет. Вам не чужды эти страсти?

— Собирал марки, значки...

— Тогда должны оценить. Смотрите.

Михаил Константинович медленно, чуть торжественно, открывает резные дверцы маленького шкафчика. За дверцами в два ряда миниатюрные плоские ящички. В каждой монеты: драхмы, динарии, талеры, дукаты, рубли...

Ожидаемого эффекта, истинное богатство для специалиста, на меня не производит. Поскучнел. Старый профессор немедленно уловил перемену... Задорно, помолодому посмотрел и загадочно, заговорщически произнес: «Ну, по-го-дите-же!»

— Увлечения разные но, так или иначе, связаны с историей медицины, которая постепенно стала чем-то вроде второй профессии. Во многом этому способствовали встречи с выдающимися учеными.

Вспоминаю крупнейшего онколога страны Николая Николаевича Петрова, который, обращаясь ко мне, всегда

говорил: «Ну, папаша, какой сегодня приговор?». «Папаша» годился Николаю Николаевичу в сыновья. Профессор подчеркивал уважение и важность профессии патолога.

Другая встреча: война, блокада, мороз. Только прекратился обстрел. Чуть не столкнулся с профессором Гаршиным. Владимир Георгиевич давний приятель, блестящий патологоанатом, обаятельный человек, племянник писателя. Все близко...

Узнать невозможно... Голод... В эти дни приходилось, по-видимому, особенно трудно. Почувствовал. Вынул из шинели блокадную (125 гр.) осьмушку хлеба. Разделил пополам. Тут же съели...

— Тогда был главным патологоанатомом Ленинградского фронта. Изучал голод. Есть две формы истощения — сухая (человек в буквальном смысле слова высыхает, превращается в тень) и отечная, не менее страшная. Изучал отечную форму. Много времени уделял изучению ранений. Впервые в научной литературе описал одно из тяжелых осложнений — раннюю форму амилоидоза.

Без комментариев показывает Орден Отечественной войны.

С 1945 года начинается киевский период жизни профессора Даля. Тридцать лет руководит кафедрой патологической анатомии Киевского института для усовершенствования врачей. Энергия, работоспособность этого человека феноменальны: руководитель кафедры, организатор системы патологоанатомической службы республики, член ученого Совета Министерства здравоохранения УССР, член редакционных коллегий и Советов республиканских и союзных журналов. Более тридцати лет бессменный председатель «Пироговской комиссии МЗ УССР». Один из активных участников организации музея Николая Ивановича Пирогова, постоянно участвует

в работе по систематизации и пополнению фондов музея, научной работе, в сохранении праха великого ученого.

Соредактор Большой медицинской энциклопедии, автор 177 научных работ, в том числе четырех монографий.

Не вдаваясь в детали, ни с кем не полемизируя, отмечу: из всех опубликованных научных работ только две написаны в соавторстве с другими учеными.

Среди людей, плодотворно работающих в науке одни великолепные исследователи, другие прекрасные педагоги. Если в ученом счастливо сочетаются исследователь и педагог — появляется научная школа — может быть самое важное достижение в жизни настоящего ученого.

Школа профессора Даля (на день, когда он дал это интервью) — 187 кандидатов и докторов медицинских наук.

— Как удастся все успевать?

— Я не работаю 25 часов в сутки. Убежден: плодотворный труд может быть только при полноценном активном отдыхе. Во время отдыха со мной происходили вещи почти невероятные. Хотите, расскажу несколько эпизодов?

Мой вид был красноречивее слов.

— Меня интересует все связанное с инфекционными болезнями. Особый интерес — эпидемии. В природе есть, кажется, только одно явление сравнимое с эпидемиями — смерч. Внезапно налетают, сметают все на пути. Отшумев, исчезают.

В начале пятидесятых, будучи в Одессе, специально изучал материалы жесточайших эпидемий 1910 года. Тогда город одновременно посетили две страшные гостьи — чума и холера. Листаю старые публикации и в газете того времени «Утро Одессы» читаю заметку, сообщающую о награждении специальной серебряной медалью врачей,

принимавших участие в борьбе с бедствием и такой же медалью, но бронзовой... Кого думаете?

— Сестер милосердия.

— Нет, дворников и квартальных надзирателей.

— А их за что?

— За борьбу с крысами, переносчиками чумы.

Хочу увидеть медаль, а повезет, так и достать реликвию.

Одесский архив. Материалы, относящиеся к эпидемии, сохранились. Сохранился и список награжденных. Увы! Адресный стол на все вопросы знает один ответ: «НЕТ».

— Неужели никого не осталось?

— Не торопитесь. Нашли. Был еще жив профессор Вячеслав Карлович Стефанский. Пришел. Объясняя цель визита.

— Господи ж ты, Боже мой! Да сколько воды утекло. Запропастилась куда-то. Бог с ней...

Фиаско? Ну, нет, думаю, не отступлю. Друзья советуют пойти на знаменитый вещевой рынок, знаменитую «толкучку». Одесситы говорили: «Все дороги ведут в Рим через толчок». Могу свидетельствовать: явление это, как бы к нему не относиться, весьма колоритное, достойное пера бытописателя. Своеобразный мир, со своей иерархией. Среди «аристократии» был «король» скобяномонетно-медальномонетно-инструментального (в одно слово) товара. К нему и обратился.

«Король» задумался, поскреб давно не бритую щетину и с достоинством ответил: «Есть. У меня все есть. У меня даже орден Никарагуа есть!»

Приходите вечером. Только оденьтесь попроще. На Молдаванке я живу...»

Пришел. Дом — странная смесь склада, антикварного магазина, лавки старьевщика и музея.

Хозяин берет огромную жестяную банку и вываливает (именно вываливает) на кухонный стол невероятное множество вещей. Он не ошибся. Заветная медаль у меня.

— А вот орден Никарагуа!

Видно не на шутку распалил экзотический орден воображение. Вежливости ради, беру, рассматриваю... Не орден и не Никарагуа. Знак какого-то португальского благотворительного общества конца 19 века. Объяснять не стал. Спросил цену медали.

«Купец» долго хмурился, что-то соображал, объяснял достоинства медали, ее редкость и главное то, что сделана она из благородного металла — серебра. Еще повздыхал и назвал цену. Без лишних разговоров отсчитываю купюры и замечаю: поскучнел мой новый знакомый... Оказывается, я нарушил правила, ритуал толкучки — не торговался.

— Пожалуйста, покажите медаль.

— Не могу. Передал в дар Московскому институту бактериологии имени профессора Гамалея.

Много волнений, огорчений и радости доставила другая находка — нож Николая Ивановича Пирогова. До нас мало дошло личных вещей великого хирурга. Каждая — ценность.

Волей случая, узнаю: нож, купленный Пироговым в Берлине, находится... на Северном Кавказе. Если рассказывать со всеми подробностями — маленькая новела, если кратко — так: будучи в Киеве, Николай Иванович подарил нож доктору Левицкому. Жизнь гнала доктора с места на место, но подарок друга и учителя всегда был с ним. Реликвия перешла к дочери, познакомиться уже не удалось. Всю историю рассказал ее муж доктор Дембо. Сейчас нож — экспонат музея Николая Ивановича Пирогова.

— В жизни каждого врача бывали случаи, запомнившиеся на всю жизнь...

— Сколько таких случаев... Пожалуй, этот... Приходит как-то убитая горем женщина. Протягивает стекла (тончайшие срезы ткани наносят на стекла, специальным методом окрашивают и фиксируют).

— Профессор, мой единственный сын... Все говорят: «лимфогранулематоз»...

Беру стекла. Смотрю. Да, похоже, очень похоже, но...

— А где мальчик?

— Тут. Во дворе оставила.

— Приведите.

Когда в кабинете появился озорной, чуть смущенный восьмилетний мальчуган, сомнений почти не осталось.

— Здравствуй! Как тебя зовут?

— Саня. Здравствуй.

— Саня, Сан, нужно говорить здравствуйте.

— Аго!

— Саня покажи руки.

Легкий испуг. Руки молниеносно за спину:

— Зачем?

— Хочу посмотреть чистые ли у тебя руки.

Недоверие недолго борется с любопытством и чувством собственного достоинства.

— На, смотри!

— Саня, нужно говорить: «смотрите».

— Ага!

Какое счастье, когда врач может с уверенностью сказать правду:

— Ты зачем с кошками дерешься?

— А зачем они моих голубей дают? Ты откуда узнал про кошек?

— Посмотри. Все на твоих руках написано.

Саня рассматривает исцарапанные руки, все понимает и хохочет.

— Все это занятно, но причем тут кошки? Какая болезнь у ребенка?

— Болезнь кошачьих царапин.

— Название официальное?

— Название официальное, а то, что не слышали — естественно. В отечественной литературе публикаций нет. Известны две-три статьи на французском и одна монография тоже на французском.

— Саня Ваш единственный пациент?

— Далеко не единственный. В ближайшее время надеюсь опубликовать статью.

Время бежит быстро. Пора и честь знать. Поднимаюсь, но Михаил Константинович мягко снова усаживает в уютное кресло.

— Помнится, у нас возникли кое-какие разногласия по поводу нумизматики. Дайте-ка руку.

— А я с кошками уже не дерусь.

— Давайте, давайте.

Накрыл мою ладонь. Сжимает пальцы в кулак. Чувствую какой-то предмет, круглый, тяжелый.

— Что это? Можно разжать кулак?

— Так, нумизматический пустячок. Разжимайте.

На ладони пиратский дублон 1650 года! Молча, любуюсь. На аверсе барельеф мужчины в военном шлеме, на реверсе полуголый пират с саблей в одной руке и пистолетом в другой. Пират стоит на фоне моря и фрегата.

— Историю монеты знаю, к сожалению, не так, как хотел бы. Будто был у пиратов на одном из островов Зеленого Мыса свой монетный двор. Сейчас такие монеты — редкость.

— Утомил?

— Нет, благодарю, немного отдохнул. Вы хотели взять интервью. Взяли. А я хочу дать вам «домашнее задание»: попробуйте выяснить детали истории избрания Николая Ивановича Пирогова Почетным членом Киевского Университета.

На основе архивных материалов задание профессора Даля выполнил.

ХРАНИТЕЛЬ АНТИЧНЫХ МОНЕТ

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЭРМИТАЖА БРАБИЧ

Первая публикация в «Рабочей газете» 12.07.1981.

В Эрмитаже бывал часто, и каждое посещение связано с ожиданием чуда. Чудо начиналось с парадной лестницы, окружало в каждом зале. В этот раз не ищу встреч с любимыми полотнами, скульптурами... Немного волнуясь. Встречусь с давним заочным знакомым, старшим научным сотрудником Эрмитажа, хранителем музейного собрания древнеримских монет Владимиром Момчиловичем Брабичем.

Смело минуя символическую преграду — оградительную ленточку, поднимаюсь по скромной боковой «церковной» лестнице. Перед отделом нумизматики миловидная девушка с ленточками в косичках — милиционер.

Вскоре вышел высокий, плотный, уже не молодой человек.

— Здравствуйте! Рад встрече. Знаю Ваши публикации по истории медицины... такая благодатная тема... Зачем интервью со мной? Зачем нумизматика?

— Журналистика — фактически вторая профессия; нумизматика и меня не обошла стороной... Публикациями Владимира Брабича давно интересуюсь...

— Ладно, ладно. О вкусах, не спорят. Итак?

— Профессия, хобби, жизнь. Подробно, живо, интересно.

— Тираните?

— Нет, тараню.

— Итак... Покровительница нумизматов — МОНЕТА. Богиня одарила своих служителей и почитателей увлеченностью и пытливостью. А рабов — скопидомов и скупцов сделала жестокими, тупыми, алчными, завистливыми. Вспомним Гобсека, Иудушку Головлева, Плюшкина... Впрочем, и они сослужили и служат божеству. Зарывают сокровища в землю. Проходят века, иногда тысячелетия и древние монеты превращаются в свидетелей прошлого, в страницы истории. Кстати, истории медицины тоже.

— Как становятся нумизматами?

— Не знаю. Могу рассказать только об одном человеке, о себе. Мальчишкой — пятиклассником читал и перечитывал страницы «Черного моря» Паустовского, посвященные древним монетам. Просто читал. Не знал, не ведал, что уже слышу голос, который зовет и уносит в неведомый, удивительный мир.

Не думал о нумизматике, когда вместо школьных завтраков «приобретал» у одноклассников затертый металлический кружок. Возможно, думал отец. Во всяком случае, это он привел меня в Эрмитаж к серьезному ученому, автору наиболее солидного в то время труда «Античные монеты», профессору Александру Николаевичу Зографу.

Мне — мальчишке — казалось вполне естественным, что профессор часами сидит со мной, единственным кружковцем, что часто и охотно пишет в молодежную газету. Только спустя годы осознал величие души доброго, терпеливого, мудрого и удивительно скромного человека.

Мне не нужна была машина времени. Удивительные путешествия в Афины, Рим, Александрию... совершал с Монетой.

Возвращаясь в свой XX век, каждый раз видел его иным — более сложным, более интересным. Постепенно

начал понимать: древний мир не вовсе ушел, древний мир — фундамент нашей цивилизации.

Однажды Александр Николаевич показал римскую монету с изображением Юноны и, как всегда неторопливо, начал рассказ.

«В третьем веке до новой эры Рим вел войну с греческим царем Пирром и южноиталийским городом Тарентом. Казна опустела. Становилось трудно. Римляне решили обратиться за помощью к почитаемой ими богине Юноне. Жрецы успокоили, сказав, что война закончится победой, что недостатка в средствах не будет. Римляне победили, захватили богатую добычу. Приписывая успехи покровительству Юноны, дали ей второе имя — МОНЕТА, что означает СОВЕТЧИЦА.

По решению Сената мастерские, где изготовлялись деньги, стали называться монетными, мастеровые — монетариями, а продукция — монетами».

В другой раз Александр Николаевич поведал поучительное предание о ТАЛАНТЕ. (Талант — вес и монета у древних греков и римлян).

«Жили некогда отец и три сына. Когда сыновья возмужали, дал им отец по таланту серебра и наказал каждому беречь свое богатство. И уехал. Прошли годы. Отец вернулся, потребовал отчет.

— Я купил землю, — сказал первый, — обрабатывал ее. Вот пять талантов.

— Я, отец, — сказал второй, — купил кузню, стал кузнецом. Вот три таланта.

— Я, отец, — сказал третий, — выполнил твой приказ. Я сберег свой талант. Зарыл его в землю. Вот он.

Похвалил отец сыновей-тружеников, а третьему бросил с презрением: «Не сын ты мне!»

Можете представить, чем были для меня такие рассказы... Но — судьба ведет человека своими тропами —

после седьмого класса поступил в Ленинградский техникум зеленого строительства... А вскоре началась война.

Блокада, контузия при обстреле города. Почти полная потеря зрения. Эвакуация. Зрение медленно возвращалось. Юношеское увлечение постепенно забывалось.

Домой возвратился в 45-м. Узнал о смерти учителя в блокадном Ленинграде... Долго думал о жизни, профессии, судьбе. Может быть, именно тогда появилась мысль об истории как профессии.

В университете из всех профессоров ближе других стал Сергей Иванович Ковалев, заведовавший кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима. Он не читал курс по нумизматике, но использовал в лекциях достижения и этой дисциплины. Получалось так, что все относящееся к нумизматике притягивало словно магнит.

Третий учитель — автор книги «Боспорское царство» Виктор Францевич Гайдукевич. Он учил истории не только по книгам, но и по реальным историческим пластам. Учил работать лопатой, совком, ситом, кисточкой. В базовое образование вошли несколько полевых сезонов — раскопки на Украине, вблизи Керчи.

На раскопках свои законы, свои правила. Значение имеет все. Все важно. И предметы быта, и наконечник стрелы, и фрагмент сосуда и любая надпись на камне, и, конечно, монеты.

«Стершийся пятак» нередко «доходит» к нумизмату поистине в ужасном виде — бесформенный зеленый комочек. Нужен упорный труд, чтобы древняя монета «заговорила». Но если заговорит — о многом расскажет.

Вот, например, пантикапейские медные монеты. На них, как и на золотых статерах, чеканные изображения грифонов. Зачем. Почему? Историки давно знают — «просто так» ничего не бывает. Это знак. Знак чего? Думал, сравнивал, сопоставлял. Сейчас могу сказать: есть

серьезные основания считать грифона на золотых стateraх хранителем главного богатства края — зерна, а на медных монетах — рыбы.

Помнится, вы писали об истории медицинской эмблемы — «Чаше со змеей». Посмотрите, думаю, заинтересует.

— А-пол-лон в-ра-ч.

— В Эрмитаже немало греческих и римских монет, посвященных мифологическим врачевателям. Монета, которую вы видите, отчеканена в Аполлонии Фракийской. Свидетельствует о существовании культа Аполлона-врача.

А вы, оказывается, читаете по-древнегречески?!

— Два-три слова по складам. Но, то что «иатрос» — врач, как врач, знаю.

— Однажды на раскопках Виктор Францевич наблюдая, как я рассматриваю только что найденную монету, предрек: «Быть тебе нумизматом-профессионалом, работать в Эрмитаже». Сбылось. Работаю уже тридцать лет.

Наверно кому-то покажется странным и не серьезным, что человек всю жизнь изучает монеты древней Греции, Рима, Северного Причерноморья. Может быть, кто-то снисходительно улыбнется, узнав, что «звездными мгновениями» жизни стало появление в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» в 1955 году первой научной работы. Завершил инвентаризацию музейного собрания и работу над каталогами римских монет Эрмитажа. Опубликовал впервые в советской нумизматической литературе исследование монетовидных знаков римлян — конторниатах.

— А ваши книги: «Путешествие с древней монетой», «Зрелища древнего мира». Вторая в соавторстве с Г.С.Плетневой. Кто она?

— Большая часть из 300 моих публикаций — статьи в популярных массовых журналах — «Пионерия», «Знания та праця», «Наука і суспільство». «Старт» и других.

Многие работы созданы в соавторстве с Галиной Семеновной Плетневой — археологом и искусствоведом, старшим научным сотрудником Эрмитажа. Женой и Другом.

— Откуда произошло название Вашей науки?

— Слово «НУМИСМА» в дословном переводе — «законное платежное средство».

Короче — деньги.

— Что Вы хотите пожелать читателям?

— НЕ ЗАРЫВАТЬ СВОЙ ТАЛАНТ В ЗЕМЛЮ.

МОЙ ПУТЬ – ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ
ПРОФЕССОР ДОЛГОПОЛЬСКИЙ

Первая публикация в газете «Вести—Север» 14.07.1994

Трудно не попасть под обаяние этого человека. Слушал лекцию в одном из олимовских клубов и тогда же решил: непременно познакомлюсь. Кроме чисто журналистского интереса, был и личный: хотел выяснить некоторые вопросы, связанные со словом «змея».

Позвонил. Договорились о встрече.

Бывал в разных районах многоликой Хайфы. Видел обычные (хотел сказать рабоче-крестьянские) дома, видел роскошные особняки, видел трущобы.

На тихом бульваре Шдерот Бат-Галим у самого синего Средиземного моря легко и покойно.

«Бат-Галим», «Бат-Галим», какое поэтичное название: «Дочь волн»... Это хочется петь... но вскоре узнаю: «Бат-Галим» вовсе не «Дочь волн». Условно название улицы можно перевести как «Приморский бульвар».

Впрочем, и «Бен-Адам» не всегда «Сын Адама». В обычной речи чаще просто — «Человек». И «Бат шмоним» вовсе не «дочь восьмидесяти», а «женщина восьмидесяти лет»... Но это и многое другое узнаю позднее, когда меня, как утлый челн, начнет захлестывать девятый вал языковой информации.

Встретили меня профессор и очаровательный мальчуган лет двенадцати.

- Ты говоришь по-русски?
- Н и е т. Рак иврит (только иврит).
- Бэседер. Слива, кама сафот ата йодеа? (Прости. Сколько языков ты знаешь?)
- Эхад ва хэци. Хэци — англит. (Полтора. Половина — английский).
- Мой сынишка сабра (родился в Израиле). Иврит — его родной язык. А я — бывший москвич и давний ватик (человек, давно живущий в Израиле).

Еще не переступив порог, знал: будет очень интересно и очень не просто.

— Проходите, правда, у меня...

Вошел и сразу все понял. То, что в большинстве квартир — салон, тут предстало в виде букинистической лавки прошлого накануне переезда.

— Устраивайтесь. Я сейчас...

Где бы, думаю, устроиться? Увидел крошечное свободное пространство, с трудом «ввинтился», с трудом нашел место для ног... Бывать в таких домах доводилось и в прежней жизни, но и там редко...

Успеваю скользнуть взглядом по стенам: стеллажи, книжный шкаф, полки, картины... Большая советская энциклопедия, полная «Британика», полная израильская энциклопедия на иврите и словари, словари, словари...

— Так, говорите, медицинские эмблемы... — с порога начал Арон Борисович, словно продолжая разговор, начатый по телефону. — «Посох Асклепия»...

— И «Посох Асклепия» и «Чаша Гигиейи», но не только. История медицинских эмблем много старше греческих богов... Шумер... Нингишзидда...

— Знаю этого бога... И «Посох со змеей» знаю, но я не историк, тем более не историк медицины.

— Как писали слово «змея» в древности?

— Простите, ну к чему вам это?

— Я очень далек от лингвистики, тем более от древних языков, но однажды прочел, что каждая буква латинского алфавита восходит к пиктограмме. Как пример приводилось слово «змея» в разных языках, где первая буква слова, по сути, рисунок змеи.

— Ну, знаете... Чистейшей воды спекуляция.

— И все же... Каким иероглифом изображали змею древние египтяне, как писали это слово шумеры? А в иврите? «Нахаш» — начинается с буквы «нун», похожей на изображение змеи...

— Поверхностные ассоциации, но что верно — верно: египтяне изображали слово «змея» рисунком змеи, а у древних семитов, которые изобрели алфавитное письмо, эта буква, по мнению ряда ученых, когда-то действительно называлась «нахаш» и графика ее была много ближе к изображению змеи. Кстати, в эфиопском алфавите это название буквы сохранилось.

Профессор уверенно доставал с полки нужные тома и вскоре на столе выросла гора справочников и словарей.

Восхищение скрыть не мог:

— Сколько языков Вы знаете?

— Что значит «знаете»?

— Говорите, читаете, пишете.

— С ошибками или без?

Мне стало весело.

— Конечно, с ошибками.

Но профессор был серьезен.

— Говорю на двенадцати, а специальные тексты... Раз, два... много. И не так все сложно. Многие языки родственны и если вы знаете два языка какой-то семьи — можете воспринимать и другие.

— Арон Борисович, я чувствую, что меня уносит в неведомое. На плаву могу остаться только с Вашей помо-

щью. Как правильно называется область знания, в которой Вы профессор? Окончили, конечно, МГУ.

— В МГУ дальше порога не пустили. «Долгоносики» не нужны. Попал в институт иностранных языков. И не жалею.

— А как «пришли» к древним языкам? Был какой-то толчок? Какая-то встреча?

— Может быть. Возможно, что-то было... Вспомнить не могу. Знаю, в институт пришел уже убежденный и уверенный: мой путь — древние языки.

— «Он знал одной лишь думы власть,

Одну, но пламенную страсть...»

— Ну, уж нет! «И думы власть» и «силы власть» прочувствовал, а что до страстей... Да, Вы спрашивали об учителях. Мои учителя — книги. Защитил кандидатскую диссертацию, написал докторскую, которую издал в виде книги: «Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков». Seriously занимаюсь грамматикой иврита, сравнительно-исторической грамматикой семитских языков, этимологией, проблемами дальнего родства языков.

— Простите, а почему не защитили докторскую?

— Вы репатриировались в девяностом, девяносто первом? А я на восемнадцать лет раньше. Тогда докторов наук выпускали с большим трудом, а я решил эмигрировать именно сюда.

— Вы говорили о проблемах дальнего родства языков...

— Лингвистов давно интересуют связи языков. Во всем мире серьезно занимаются установлением дальнего родства — ностратическим языком. Представляете, какие возможности открываются на пересечении нашей науки с историей, этнографией, географией, демографией... Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?

— Так кто мы? С кем в родстве?

— Конспективно. Иврит — небольшая веточка на мощном древе большой ностратической семьи. Основные ветви: индоевропейская, семито-хамитская, картвельская, уральская, алтайская и дравидийская. Мы, естественно, в семито-хамитской группе. Продолжим, или устали?

— Пожалуйста, продолжайте.

— Так вот, на каждой из этих основных ветвей множество более мелких. В нашей семито-хамитской группе, которая так названа, кстати, лишь в конце 18 века, семитские языки, древнеегипетский, берберские, кушитские и чадские. Иврит, повторю, маленькая веточка на огромном древе, но именно иврит, волей исторической судьбы сыграл огромную роль в истории человечества, в истории культуры.

На иврите написана «Книга Книг» — еврейская Библия, ознаменовавшая переход от политеизма к монотеизму, провозгласившая морально-этический кодекс, не устаревший до нашего времени. Еврейская Библия «ТА-НАХ». В христианской традиции называется «ВЕТХИМ ЗАВЕТОМ». Библия — основа трех религий: иудаизма, христианства, ислама.

В средние века иврит стал, одним из немногих за всю историю человечества, языком науки.

— А какие еще?

— Греческий, латынь, сирийский (арамейский), арабский, санскрит, китайский.

— Получается, что иврит входил в своеобразный элитарный клуб языков?

— Я бы воздержался от пышных эпитетов.

— Все же обидно и несправедливо, когда о таком языке говорят: «бедный». Приходилось часто слышать. Теперь знаю, что и как отвечать.

— Не спешите. Конечно то, что вы слышите от знакомых продиктовано полужнанием, которое подчас хуже

незнания, но зерно истины тут есть. Вы задавали себе вопрос, когда русский язык стал современным русским? А английский, а французский?

Так вот, современный русский язык создал девятнадцатый век, английский — 16—19 века, французский — 17—19 века. А иврит и в 19, и в 18, и в 17 веках числился среди «мертвых». Но «мертвым», строго говоря, иврит не был. Богослужение шло на иврите. Иврит был языком духовной и светской культуры. Сейчас иврит — живой язык народа и государственный язык Израиля.

В настоящее время наш язык переживает, условно скажем, свой 19 век. Происходит собирание и шлифовка языка. Богатства языка сказочные. Частично уже востребованы. Создан словарь Библии, создан словарь Талмуда. Только начинается описание лексики богатейшей средневековой еврейской литературы. Создается словарь респонсов.

— Респонсов?

— В средние века еврейские общины разных стран и городов представляли своеобразный замкнутый мир. Но связь между общинами была постоянной. Время от времени возникали споры по тем или иным вопросам. Вопросы четко формулировали и направляли в высокоавторитетную общину (долгое время ею была иракская община). Мудрецы серьезно изучали вопрос и давали в респонсах подробный ответ. Респонсы составили огромную литературу, изучение которой только началось. Занимаются этим и весьма серьезно ученые университета Бар-Илан. А словарь средневековой науки — дело будущего.

— Спасибо, Арон Борисович. А почему бы Вам самому не рассказать о проблемах языка и языкознания на страницах газеты? Могу даже подсказать название постоянной рубрики.

— Даже так?! Ну, ну, любопытно...

— ПОЧЕМУ КОШКУ НАЗВАЛИ КОШКОЙ...

Арон Борисович весело рассмеялся. Конечно, он помнил название одной из своих давних статей в журнале «Знание — сила».

«ЛИШЬ НЕУЧАМ ИЗВЕСТНО ВСЕ НА СВЕТЕ»

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК МАТЕНАДАРАНА
ВАРДАНЯН

Первая публикация в «Рабочей газете» 19.11.1978

Широкий разового туфа красавец-проспект завершается монументальной лестницей.

Марши сменяются широкими площадками. На первой — нижней сидит мудрый старец, давший в начале пятого века своему народу АЛФАВИТ — Месроп МАШ-ТОЦ. На второй — верхней стоят шесть просветителей: Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Торос Рослин, Мхитар Гош, Фрик и Григор Тетеваци. За ними величественное здание, адрес которого известен всему ученому миру:

ЕРЕВАН, МАТЕНАДАРАН.

Так называется Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца — святыня армянского народа, сокровище всего человечества.

Из 12 залов для посетителей открыт один, но если его не увидели, то, по единодушному мнению ереванцев, в их городе вы не были.

В стеклянных витринах манускрипты. Каждый — часть истории, каждый — история. Самая большая книга весит 28 кг, в ней 660 страниц, каждая страница — шкура теленка; в самой маленькой 220 страниц, весит она 19 грамм, сделана книга из шкуры неродившегося козленка...

Можно часами любоваться искусством средневековых каллиграфов, миниатюристов, переплетчиков, но главное, конечно, содержание. Содержание разнообразно, богато. В МАТЕНАДАРАНЕ хранятся книги по истории, философии, литературе, медицине, юриспруденции, строительству...

Гид подходит к очередной витрине: «Перед Вами труд великого армянского врача — бжшкапета пятнадцатого века Амирдовлата Амасиаци. Тут собрано 3700 рецептов. Сейчас осуществляется перевод с древнеармянского на армянский и русский...».

Редкая удача. Через несколько минут беседую со старшим научным сотрудником МАТЕНАДАРАНА, кандидатом медицинских наук Стеллой Арменаковной Варданян.

— Стелла Арменаковна, на меня произвела большое впечатление Всесоюзная научная конференция 1975 года «Этнографические аспекты изучения народной медицины».

— Интересная конференция. Ломает старые убеждения и предубеждения. Совсем недавно тему «Лечебные средства шамана» или «Использование плясок в качестве лечебного средства»... сочли бы, чего доброго, проявлением расстроенной психики.

— Среди докладов Вам, конечно, ближе те, которые посвящены древним лечебникам?

— Разные аспекты одной проблемы. Народная медицина — сокровищница опыта многих поколений, животворный источник, питавший и питающий медицину научную. «Мы ленивы и не любопытны», долгое время ученые не интересовались, или интересовались недостаточно серьезно, достижениями прошлого.

— Зато в наши дни наследие предков изучают и медики, и лингвисты, и археологи, и историки... Все, от-

правившиеся в долгий и трудный путь исследователи кажутся мне современными аргонавтами.

— Ну, аргонавты, так аргонавты.

— Расскажите о своей одиссее.

— Давно, девочкой-подростком пришла впервые в МАТЕНАДАРАН и не столько поняла, сколько почувствовала: это не просто хранилище старых воловьих кож с какими-то письменами. Это рукописи — свидетели сложной, полной драматизма судьбы армянского народа. О том, что когда-нибудь стану одним из хранителей бесценных сокровищ, конечно, не предполагала.

Еще в школе решила: буду врачом. В институте постепенно определились интересы: фармакология и онкология. Стала онкологом. Трудная профессия, особенно морально.

— Я знаю...

— Много читала, думала, мечтала о чудо-лекарстве... Толчком, изменившим жизнь, стали работы выдающегося историка медицины, академика Л. А. Оганесяна. Если читали, знаете, какое место там занимают старинные тексты рукописей МАТЕНАДАРАНА. Думала, если врачи прошлого знали то, что сейчас утеряно... Утерян секрет булата, утерян состав чернил старых каллиграфов...

— И вы круто изменили жизнь?

— Круто, но не сразу. Оставить клинику, научную работу... К тому времени только защитила кандидатскую диссертацию... Не один день и не одну ночь думала...

— Не жалеете?

— Врач всегда остается врачом. Служить медицине можно по-разному. Я и представить не могла, какие богатства хранят рукописи, сколько текстов посвящено медицине. Тут труды великих армянских бжшкапетов (врачей) Мхитара Гераца — 12 век, Григориса — 13 век, Амирдовлата Амамсиаци — 15 век и лечебники безымян-

ные. Рукописи на староармянском, арабском, персидском, греческом.

Велики сокровища, но путь к ним не прост: разные языки, сохранность, лакуны, терминология...

— А иначе как переводить на современный армянский и русский? Как определить соответствие терминов и названий лекарств современной номенклатуре? Строгий научный перевод — наше важнейшее дело.

— Вы знаете языки, о которых упомянули?!

— Наряду с переводами мы занимаемся и научным поиском. Меня интересуют лекарственные растения. Вот, возьмите на память.

— Стелла Арменаковна...

— Простите, сейчас Ученый Совет.

Титульный лист, неожиданно подаренной книги: С.А.Варданян «Попытки лечения опухолей в средневековой армянской медицине». Ереван, 1976.

По давней привычке смотрю на выходные данные: Работа печатается по решению Ученого Совета МАТЕ-НАДАРАНА. Тираж — 1000 экземпляров.

В первой главе автор сообщает о преемственности средневековой армянской медицины, выросшей на лучших традициях классической античности и арабской медицины; о попытках лекарственного лечения опухолей, о богатом, но мало изученном наследии многих поколений армянских медиков.

Вторая глава посвящена в основном энциклопедии армянского средневекового лекарствоведения — книге Амирдовлата Амасиаци, озаглавленной многозначительно: «НЕНУЖНОЕ ДЛЯ НЕУЧЕЙ».

В этом выдающемся труде дана подробная характеристика 3700 лекарственных веществ растительного, животного и минерального происхождения.

Из множества лекарств Стелла Арменаковна отобрала лишь те, которым Амирдовлат приписывал противоопухолевое действие. Онколог остался онкологом.

Большинство лекарств, о которых сообщает средневековый врач, на противоопухолевое действие современной медициной не исследовано. Некоторые нашли применение при других недугах, третьи, например, аптечный горичник (*Peuedanum officinale*) и розовый барвинок (*Vinca rosea*), как противоопухолевые препараты вновь открыты лишь в наши дни. Из первого получили пеуцеданин, из второго — винбластин.

Вновь встретились после окончания рабочего дня.

Идем по городу. Запросто заходим в дом Сарьяна, переходим улицу, идем к Туманяну, любимся великолепной архитектурой, слушаем поющие фонтаны и продолжаем беседу.

— Бжшкапеты прошлого — ваши добрые знакомые, кто ближе всех?

— Амирдовлат Амасиаци. Сейчас перевожу «Ненужное для неучей». Кажется, знаю характер, привычки, достоинства и недостатки...

— В этом не уверен.

Вспыхнула. Сдержалась. Выразительно поглядела.

— Говорю о некоторых рекомендациях Амирдовлата Амасиаци. Например, применение в качестве лекарства жемчуга, золы морской черепахи, голубинового камня и, наконец, знаменитый «зипл ил хамам», что означает всего-то... помет голубя.

— Прилежно проштудировали...

Помолчала, проверяя, дошел ли подтекст. Поняла: дошел. Продолжила убежденно, напористо, эмоционально:

— Армения — форпост Запада на Востоке. Положение на стыке двух миров определило своеобразие обычаев,

быта, культуры... Медицина Армении создана на лучших традициях античной и арабской медицины. Естественно, наряду с положительным знанием, которое активно развивали наши врачи, они восприняли некоторые ошибочные представления своего времени. Амасиаци не исключение. Впрочем, скрупулезно отыскивать ошибки предшественников — дело малопочтенное и, главное, бесперспективное.

Ошибки и всякие несуразности и в наше время не редкость, но и тогда, и сейчас в них можно найти драгоценные крупницы истины, забытые или не понятые, которые можно и нужно вернуть современной медицине.

Не буду комментировать рецепт из голубинового помета, только напомним, что в средневековой Европе лечение экскрементами различных животных и человека было широко распространено.

Поговорим о других лекарствах. Вот, хотя бы «голубиный камень», о котором в книге «Ненужное для неучей» сказано: «Это тот камень, который образуется в желудке голубя, и если из него приготовить снадобье, поможет саратану (саратан — рак), который гнездится в матке». Небезынтересно, думаю, отметить, что в средневековой медицине Армении голубиный камень использовали исключительно для лечения рака. Для лекарств прошлого избирательность — исключение. Возможно целенаправленное изучение «голубинового камня» современными методами окажется перспективным и будет использовано в онкологии.

Не просто и с другими драгоценными камнями. В древности и в средние века в их лечебную и магическую силу верили слепо, так же слепо современная медицина эту веру отрицала. В последнее время наметилась тенденция непредвзятого изучения механизма действия препаратов из драгоценных камней.

Могу продолжить, но получится слишком специальный разговор.

— Да, в старой медицине многое кажется абсурдным, но ученые уже не раз убеждались: истина может рядиться в любые одежды. Мудрый Амирдовлат не зря назвал свой труд «НЕНУЖНОЕ ДЛЯ НЕУЧЕЙ».

— Ваши планы?

— Дерзкие. Даже сказать боюсь... Хочу написать книгу «Средневековое армянское лекарствоведение» (*Надеюсь, план и мечта осуществились. — Л. Ф. 2016*).

— К сожалению и в МАТЕНАДАРАНЕ и в рукописях из других хранилищ пока не обнаружены важнейшие труды Мхитара Гераца «Патология» и «Лекароведение», есть и другие пробелы, которые предстоит реконструировать... Работы много...

Идем в гору. Южная ночь быстро гасит вечернюю зарю. Стелла притихла. Почувствовал перемену. Идем молча. Неожиданно тихо, то ли утверждая, то ли спрашивая: «Самая большая радость, радость познания самого процесса познания». Об этом хорошо у Волошина:

«Я — Ухо мира, и во мне гудит
Таинственное эхо мирозданья...»

На горе Стелла рассказала о трагедии народа — двух миллионах жизней, двух миллионах миров, ставших жертвой фанатизма и ненависти.

Две пирамиды, вписанные одна в другую — памятник жертвам «малой» и «большой» резни. Рядом приподнятые... надгробья...

Входим в символическую братскую могилу. Вечный огонь. Нависшие над головой гранитные плиты, вырезают из всей вселенной маленький круг черного, черного неба. Музыка. Голос... Не забыть.

Медленно поднимаемся, возвращаясь к жизни... Над нами небо в звездах. Под нами Город и сейчас невидимый МАТЕНАДАРАН.

Вандалы всех времен, пытаюсь уничтожить народ, истребляли культуру, жгли рукописи, книги.

НАРОД БЕССМЕРТЕН!

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!

ГРАНИ ТАЛАНТА
ХУДОЖНИК ЛЕВИЧ

Статья опубликована не была

Первое знакомство на выставке в 1966 году.

Перрон. Суровый строй солдат. Женщина с ребенком.

Долго не мог уйти и часто вспоминаю отголоски той бури чувств. Картина поразила напряженностью, динамизмом, необычным колористическим решением и, главное, самобытностью.

Под картиной табличка: «1941-й». А. Левич, род. 1933 г. Киев».

На больших, тематических выставках художника представляет одна-две работы. Более широкие возможности дают выставки групповые. В 1978 году с творческим отчетом Левич выступил в содружестве с Л. Загорной, Г. Казаквым, Ю. Рубашевым и, Ю. Шейнисом. Каждый интересен. По-своему.

Левич показал цикл графических листов «Старый Киев» и иллюстрации к рассказам Зощенко.

Признаюсь, я искал встреч. Познакомились. Мастерская и дом открыли двери. Своими стали добрая, талантливая Валя — жена Акима и сын Саша, который спустя годы тоже стал художником, а в знаменитой «МЕНОРЕ» соавтором отца.

Иногда Ким не только показывал картины, рисунки, зарисовки, но и рассказывал о работе. Поражало многообразие интересов, грани таланта.

— Обычно художник либо живописец, либо график, жанрист, пейзажист, баталист...

— Не обязательно. Вспомните майолики Врубеля, коллажи Матисса... История искусства полна примерами.

— Как начинается художник?

— Взял мальчишка кусок угля, битый кирпич... провел линию, другую... Может быть так? Впрочем, психологи, наверно, знают лучше.

— А учителя, школа, институт?

— Без них художник не мыслим. Каждое произведение искусства — мир. По определенным законам организованный. В нашей среде даже бытует слово «организм». Академические правила, принципы, веками складывавшаяся система художественного образования — путь к созданию этого «организма». Чем серьезнее ШКОЛА, тем лучше. Однако можно самым добросовестным образом усвоить достижения прошлого, приемы, технику и художником не стать. Потому, что художник, кроме всего того, о чем мы говорили, обладает лишь ему одному присущим видением мира и умением по-своему отобразить этот мир в рисунке, картине, скульптуре.

Создание произведения искусства — таинство. Таинство без мистики. Тайна творчества — интереснейшая научная проблема, над решением которой работают физиологи, психологи, социологи, искусствоведы...

— Особое видение мира? А преемственность, влияние, традиции?

— На выставке Фернана Леже познакомился с его учеником Жоржем Бокье. В беседе затронул и тему влияния. Бокье дал понять — вопрос бестактен. Он утверждал: Леже самобытен!

Я не искусствовед, но тут, как говорится, «заело»...

— Откуда Леже?

— Мне кажется, в частности от средневековых витражей. Впрочем, это так, к слову. А если серьезно: из ничего — закон справедлив и для искусства — ничего не возникает, ничто бесследно не исчезает.

Искусствоведы в творчестве каждого большого художника отметят влияние предшественников и традиции школы. Все в порядке вещей, все нормально. Другое дело, что кто-то не идет дальше предшественников, оставаясь эпигоном, а для кого-то предыдущие достижения — трамплин для нового, качественного скачка.

— За много лет, а как зритель слежу за Вами годы, менялись темы, манера, техника, цвет. Почему графические листы, воплощенные в картины и сами картины оказывают разное действие?

— Какое? Мне важно знать.

— Ваш «Старый Киев» лирико-элегический в графике, в картинах приобретает философскую глубину. Графику воспринимаю и принимаю сразу, картины раскрываются постепенно. Приходится предельно сосредоточиться «поработать»... только тогда проявляется скрытое изображение. И еще: наступает момент (для меня) когда картина, перерастая границы полотна, начинает жить по своим законам пространства и времени.

— Спасибо. Теперь мой черед. Вопрос сложный и раскрыть его во всей полноте мне не удастся. С возрастом мир художника усложняется, что, естественно, отражается в творчестве. Художник стремится сказать много больше того, что изображает. В картине, по меньшей мере, два смысловых плана: первый — изображение, второй — то, что за изображением угадывается.

Картина — остановленное мгновение, в котором спрессована жизнь.

— Не просто.

— Да, не просто, но художник в зрителе ищет не потребителя, а соавтора. Теперь о технике. Техника диктуется природой видения. Один видит предметы резче, контрастнее; другой «размыто», сближено... В зависимости от конкретной задачи, от того как и что чувствует и видит художник, он выбирает материал: карандаш, уголь, пастель, масло, темпера и так далее.

Пока говорил обобщенно. Теперь немного о себе. Я — живописец, остаюсь живописцем и в графике. Основная художественная проблема, занимающая меня многие годы — проблема пространства. Природа моего видения в том, что изображаемые предметы не самостоятельны, а как бы органическая часть среды. Стремлюсь к динамичности изображаемого пространства, следовательно, и предметов. Дальние и ближние планы в зависимости от точки зрения как бы меняются местами, пульсируют. Технически такой эффект достигается использованием теплых и холодных тонов. В смысловой нагрузке (функции) моих графических и живописных работ вы разобрались верно. Вне зависимости от того, что создано раньше, бывает и так, и так, графика всегда лишь своего рода комментарий живописи. Я не художник одной темы. Строго ограниченной проблематики в моих произведениях нет, но при всем различии есть общее — все они ответ на то, чем живу, что чувствую. И нужды нет в том, что в одном случае это городской пейзаж, в другом историческое полотно, в третьем натюрморт или иллюстрация.

— Кстати, об иллюстрациях. Как были созданы рисунки на темы Зощенко?

— Правильно, именно «на темы». Есть два типа иллюстраторов, исходящих из двух концепций: одни строго следуют контексту произведения, для других произведение лишь повод выразить собственные мысли, если они

созвучны мыслям автора книги. Первых сравнил бы с переводчиками прозы, вторых — с переводчиками поэзии. Впрочем, это не абсолютная истина, а всего лишь мое мнение.

Художественное решение графических листов к Зоценко пришло не сразу. Вначале думал дать рисунки на фоне авторского текста, но почувствовал противоречие между заявкой на «чистую» иллюстрацию и фактическим решением, где такого соответствия нет. Тогда представил себе доброго ироничного человека, листающего ворох старых бумаг. За полуразборчивыми строчками перед этим человеком (зрителем, читателем) возникают картины отшумевшей жизни. Жизни в чем-то смешной, в чем-то грустной, несуразной своими мелочными «проблемами» и «проблемками». Человек листает страницу за страницей, перед ним оживает картина за картиной. Человек иронически улыбается, но эти люди близки ему, он сочувствует им, любит их, в чем-то это и он сам. Ведь если посмотреть со стороны, то...

— Очень интересная серия. Мне как-то не доводилось видеть книги с вашими иллюстрациями...

— Наверно в последнее время литературой для маленьких и самых маленьких вы не интересовались. Я как иллюстратор и не только как иллюстратор работаю для них.

— Простите, не понимаю: серьезный художник и «для самых маленьких»?

— Тут и поспорить не грех. Если серьезный, так только для взрослых? А для детей — все сойдет? Абсолютно, принципиально не верно. Работать для детей чрезвычайно трудно, но интересно. Работать для детей, значит проникнуть в их, закрытый для взрослых, мир; говорить на понятном им языке о самом важном — добре и зле. Учить любви, мужеству, благородству.

Не пытайтесь лукавить с детьми. Не выйдет. Они прекрасно чувствуют любую фальшь. Все понимают. Обмануть их невозможно.

— Сказка один из самых сложных жанров. Вспомните матрешку: снял верхнюю, под ней другая — меньшая, потом еще и еще. Сказка, как матрешка: слой за слоем. Только нижний не всегда меньший, скорее наоборот. Не зря великий сказочник сказал:

«Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок».

Пушкин знал силу сказки, охотно пользовался ею. Лишь на первый взгляд безобидны пушкинские сказки... Ко многим литературоведам подобрали ключики...

— Чьи книги вы иллюстрировали?

— В книжной графике работал много. Особую радость доставило сотрудничество с писателем Григором Тютюнником. С моими иллюстрациями вышло пять его детских книг. Посмотрите...

— Очаровательно! Муравей беседует с кротом... Простите, вы обмолвились, что работаете для детей не только как художник...

— Да, я работаю художественным редактором журнала «Малютко».

— Художникам с таким редактором не просто!?

— Вроде не жалуются, хотя в работе руководствуюсь своими принципами.

Беседа подходит к концу. Собираюсь прощаться, но взгляд падает на осьмушку листа, случайно выпавшего из папки. Левич перехватил взгляд и... мы рассмеялись.

— Попался. Честно, не хотел показывать. Люблю карикатуру, шарж, но с этими работами не выступал. Может быть когда-нибудь... потом. А вы полистайте...

Альбом. Галерея лиц. Каждое — тип. В карикатуре художник так же многогранен. Ироническая улыбка. Улыбка сардоническая. Тут грустит: «А был ведь человек...». Тут раблезианский хохот.

Уходил из интересного и гостеприимного дома с предчувствием: вернусь.

Предчувствие не обмануло. Как-то незаметно сблизилась, бывали друг у друга, вместе отдыхали. Подружились семьями. Остался долг перед художником, в значительной степени сформировавшим отношение к искусству — статья опубликована не была. Не по моей воле.

В эмиграцию с нами «ушли» самые дорогие вещи. Среди них рисунок Левича «Киево-Печерская лавра», этюды «Железная дорога» и «Пляж»; работы Вали Левич — жены Акима, прошедшей «университеты» «легендарного художника». Ушла и эта неопубликованная статья. Время пришло. Через двадцать пять лет... Левич участник многих выставок. Его работы в музеях разных стран, в частных собраниях.

Неожиданным стал дебют в... скульптуре. Не просто дебют — веление судьбы. Аким Левич, Александр Левич (сын) и Юрий Паскевич создали МЕНОРУ.

МЕНОРА НАД БАБЬИМ ЯРОМ — ПАМЯТНИК КАТАСТРОФЫ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

МЕНОРА НАД БАБЬИМ ЯРОМ —
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

ВСЕМ

СЕБЯ ПРЕОДОЛЕТЬ

ПРОФЕССОР ЛУРИЯ
ПАЦИЕНТ ЗАСЕЦКИЙ

Первая публикация в журнале «ПРИЗЫВ». Январь 1976.

В жизни врача, напряженной и беспокойной, всякое бывает, но, быть может, наиболее тяжелы те мгновения, когда мы в полной мере ощущаем свое бессилие. А больной смотрит на тебя с такой верой, такой надеждой...

Однажды в Евпатории довелось говорить с девушкой. Все у нее было: молодость, обаяние, красота, ум и... парализованы ноги. Какие горькие упреки в адрес медицины я услышал! Но запомнились не они, а покорность девушки, отказ от борьбы, в которой она не видела ни смысла, ни цели. Прошло довольно много времени, но встреча не забывается.

Да, каждый год рождаются дети с теми или иными дефектами. Да, каждый год болезни и травмы превращают здоровых, жизнерадостных людей в инвалидов. Да, несмотря на годы, для многих война еще не закончилась... и не закончится, пока они будут жить. О войне каждый день, каждую минуту напоминают культя, параличи, слепота...

Медицина пока не всесильна. Что делать? Покориться? Сдаться? Примириться?

Судьбы разных людей, людей которые пострадали больше многих других, но не сдались, показывают и доказывают оправданность борьбы, стремления преодолеть себя, жить. Жить полноценной жизнью!

Мой рассказ о трагической судьбе, обернувшейся гражданским и научным подвигом.

Эта судьба может вдохновить писателя, поэта, журналиста, а ученые будут тщательно изучать каждую строку из трех тысяч страниц дневника за двадцать пять лет.

На основе многолетних клинико-психологических наблюдений и дневников пациента профессор Александр Романович Лурия создал удивительную книгу: «Потерянный и возвращенный мир».

«Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь.

Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать.

Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее.

Это книга о борьбе, которая не привыкла к победе и о победе, которая не прекратила борьбы».

Герой книги БЫЛ обычным пареньком, затем подающим надежды студентом механического института, мечтал об аспирантуре, научной работе... Герой книги БЫЛ добровольцем, оставившим институт на после войны... Герой книги БЫЛ младшим лейтенантом Советской Армии, командиром взвода ранцевых минометчиков. БЫЛ...

Герой книги был убит при форсировании Вори...

«Я не сразу начал осознавать себя, что со мной, и долго не мог понять (в течении многих суток!), где же у меня рана... Я просто, кажется, превратился от ранения головы в какого-то странного ребенка».

«Я твердил всем, что после ранения я превратился в другого человека, что я был убит в 1943 году, 2 марта,

но благодаря особой жизненной силе организма, я просто чудом остался в живых».

Маленький кусочек металла перечеркнул всю прежнюю жизнь. Маленький кусочек металла, пробивший череп и проникший в мозг...

Был великолепный дворец, взрыв превратил его в руины, сохранив, странным образом, основные элементы. Была цельная, интересная, гармоничная личность — распалась. Что-то вовсе исчезло, что-то сохранилось в измененном до неузнаваемости виде. Личность осталась. Остался мыслящий человек, гражданин, борец, гуманист.

Разрушения произвел маленький кусочек металла: «Младший лейтенант Засецкий, 23 лет, получил 2 марта 1943 г. пулевое проникающее ранение черепа левой теменно-затылочной области» — протоколно четкие строки — «Выписка из истории болезни №3712».

Когда человек возвращается на пепелище, вначале он потрясен, ошеломлен, растерян, ничего не понимает... Постепенно в покрытых копотью, обгоревших предметах узнает давно знакомые и любимые вещи, начинает собирать их, как-то приводить в порядок, восстанавливать. Жизнь продолжается. Нужно жить.

До сих пор речь шла о странном ранении, превратившем человека в «странного ребенка»... А что произошло с раненым, с Львом Александровичем Засецким?

Вспоминая впечатление, произведенное книгой профессора Лурия, я стремился как-то отдалить момент, подготовить, предупредить... Теперь время.

В результате ранения человек, занимавшийся на четвертом курсе института, превратился в неграмотного, за был все, чему его учили...

В результате ранения человек «перестал видеть половину с правой стороны и левого и правого глаза...»

В результате ранения нарушилась так называемая схема тела и то, что мы воспринимаем как гармоничное целое распалось на куски: «Иногда ему начинает казаться, что части его тела изменились, что его голова стала необычно большая, а туловище — совсем маленьким, что ноги находятся где-то не на своем месте, что распался не только зрительно воспринимаемый мир, что на какие-то причудливые куски распалось его тело».

Он знает, что такое рука, нога, спина, но забывает где что, не в состоянии показать. Это не все, но довольно и этого... Теперь каждый может представить, что может сделать маленький кусочек металла.

Лев Александрович не преувеличил — он был убит, но остался живым. Его окружили товарищи, друзья, врачи, педагоги, он попал к профессору Лурия, который подсказал путь борьбы.

Лев Александрович начинает кропотливую работу археолога памяти, пытается отделить то, что сохранено, от того, что утрачено. Он начинает писать историю своего ранения.

«И вот я изо дня в день, месяц за месяцем регулярно собирал и собираю слова из своей рассыпанной памяти, собирал мысли, собирал и записывал их — и это продолжалось и продолжается до сих пор...»

Кому нужна эта изнурительная работа, за которую он чуть не ежедневно расплачивается головной болью, иногда настолько жестокой, что не может несколько дней подниматься с постели. Только одну победу — овладение чтением — профессор Лурия расценил как «фантастический труд». А титанический труд по подбору слов: найдено слово — исчезла мысль, схвачена мысль — потеряно нужное слово...

И НЕ СМОТЯ НИ НА ЧТО... ДЕНЬ ЗА ДНЕМ...
МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ... ГОД ЗА ГОДОМ — ДВАД-
ЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ...

ДЛЯ ЧЕГО?

«Через восприятие прошлого — к тому, чтобы прочно утвердить себя в будущем! Вот для чего он делает это...» (А. Р. Лурия).

«Цель моего писания показать, как я боролся и борюсь за восстановление своей, поврежденной ранением, памяти. Это чрезвычайно тяжелая борьба...»; и еще «...я знаю также, что мое писание «История моей болезни» может оказать неоценимую услугу научным работникам в области мозга и памяти, психологии и медицине, неврологии и прочее...».

Да, он знает, что работает для науки, для людей, для общества, но имеют ли его дневники какое-то значение в действительности?

«Он был пострадавшим — теперь он превратился в исследователя. Он дал нам описания исключительной яркости, и мы попытаемся пойти по его следам, шаг за шагом пробираясь в таинственный мир человеческого мозга» (А. Р. Лурия).

Высокая оценка, но не преувеличена ли? Ответом может служить письмо американского ученого, профессора Дж. Леви:

«Пенсильванский университет,
Филадельфия,
Кафедра психологии.
13 сентября 1973 г.
Профессору А. Р. Лурия
Кафедра психологии
Московский университет
Москва. СССР

Дорогой професор Лурия!

Я только что кончил читать Вашу книгу в переводе на английский и необыкновенно тронут ею и благодарен Вашему пациенту Засецкому. Документ, которому он посвятил двадцать пять лет необычайно напряженных усилий, совершенно уникален и бесценен. Он дал возможность психологам заглянуть в такие глубины работы мозга и протекания психологических процессов, каких они не могли бы достичь и за сотни лет научных исследований. Ваша книга станет настольной для каждого из моих студентов.

Я бы очень хотел, чтобы Вы передали мистеру Засецкому это мое мнение о его труде и сказали бы ему от моего имени, что хотя он, может быть, думает, что смысл его жизни исчез в тот момент, когда пуля вошла в его мозг, для тысяч психологов и неврологов, которые стремятся постичь тайны мозга, и для всех будущих поколений людей, само существование которых как вида может зависеть от успеха подобных исследований, те кошмары, что ему приходится переносить — драгоценный дар, не имеющий цены.

Многие, оказавшись они на месте мистера Засецкого и не обладая в той мере, в какой он, чувством человеческо-

го достоинства, совершили бы самоубийство или бы полностью ушли в себя, в свой мир отчаяния. Но благодаря блестящей одаренности и сверхчеловеческому упорству Засецкий сумел сделать свою жизнь необычайно важной и ценной для всего человечества. Я чрезвычайно счастлив тем, что принадлежу к тому же, что и он, виду населяющему землю — виду людей... Хотя немецкая пуля разрушила его мир, он сумел сделать большой вклад в науку, чем все исследования всех неврологов, вместе взятых.

Извините меня, что я не могу написать Вам по-русски, и позвольте поблагодарить Вас за то, что Вы сделали написанное Засецким достоянием всего мира.

Искренне Ваш, Дж. Леви, профессор».

Лев Александрович Засецкий преодолел себя. Вернулся. Вернулся, совершив выдающийся человеческий и научный подвиг.

ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ

ПИСАТЕЛЬ ПОЛЯКОВ

Первая публикация: Бюллетень «ИГУД ИОЦЕЙ СИН»,
апрель—май 1999, № 35.
(«К выходу в свет собрания сочинений выходца из Харбина,
израильского писателя Бориса Полякова»).

Жизнь (природа, судьба) ставит, подчас, страшные, безжалостные эксперименты. Одного человека она РАЗРЫВАЕТ, РАЗБРАСЫВАЕТ, РАССЫПАЕТ, другого с роковой неотвратимостью ЗАЧЕРКИВАЕТ... по частям...

А человек стремится победить обстоятельства, или подняться над ними. И недаром девиз олимпийских игр инвалидов — «не важно, что утрачено, важно, что осталось».

Воля, мужество всегда достойны внимания, уважения, восхищения. Знал борца, ослепшего во время схватки и борьбу не оставившего, знал одноногих лыжников, безногих лучников, знал и писал...

Не знал, что в мою журналистскую судьбу войдет человек, ставший писателем и поэтом то ли из-за болезни, то ли наперекор ей.

Впервые о Борисе Полякове услышал от доброго, интеллигентного, тонкого человека — «китайца» Меира Лозара. Впрочем, он такой же китаец, как я русский, как мои соплеменники — репатрианты «марокканцы», «поляки», «эфиопы», «румыны»...

Меир (Макс) Лозар («не чужой») из Харбина. Выходцы из Харбина и других городов Китая создали в Израиле маленькую, но крепкую общину — землячество. Помогают не только друг другу, но и детям, и внукам.

Борис Поляков — сын работника КВЖД, следовательно, НЕ ЧУЖОЙ... Когда он потерял способность самостоятельно дышать, землячество помогло купить специальный аппарат...

Кажется, забежал вперед. Макс рассказал о Полякове, его болезни, семье. О его обаянии и мужестве. О его творчестве.

Как врач, конечно, знал, что такое «прогрессивная мышечная дистрофия». Знал, вначале человек чувствует слабость в ногах, потом теряет способность ходить, потом отказывают руки... становится трудно дышать... Со временем пропадает способность дышать самостоятельно... Трудно становится говорить. Шепот и тот — тяжелая работа. Потом остается только мозг... Остается ясный, светлый ум.

«Голова профессора Доуэля» — не такая уж и фантастика...

— А кто ухаживает за Борисом?

— Никто. Уже десять лет за ним никто не ухаживает. Умер Боря... А раньше Вера.

— Кто эта Вера?

— Знаете троицу: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ? Ей не совсем точно дали имя. Сущность Веры — Любовь. Она любила: полюбила девочкой, любила девушкой, сохранила любовь, став женщиной... Встретила Бориса спустя годы, больного... Любовь сделала ее женой, другом, сиделкой, нянечкой, медицинской сестрой, секретарем — всем миром Бориса.

— Подвижница!

— Да, для всех кто ее знал и знает — подвижница, но сама она так не думает. Она просто любила.

Прочтите «Опыт и лепет» — роман, который Борис не писал, а шептал — говорить он уже не мог. Прочтите стихи...

ПОПЫТКА ОДЫ (акrostих)

Веселым смехом начинаешь день,
Еще один, твоей послушный воле.
Расту к тебе. Ищу нездешней роли.
А ты, как все, отбрасываешь тень.

Но есть в тебе невидимая ось,
Атомный стержень, жреческая сила,
Движение к свету, плодородность ила,
Естественности сладостная гроздь.

Живешь со мной, преодоляя страх,
Даешь с улыбкой и берешь в слезах,
А любишь безрассудно, как приснилось.

Мне не видны в привычном блеске дня
Огни-глаза, глядящие в тебя.
Я чувствую: твоя душа свершилась...

Прочел роман. (Прочел и не раз) тоненькую книжечку стихов, озаглавленную с грустным подтекстом — «УЗНИК». Поразило все, особенно «Венок сонетов» — форма подвластная далеко не каждому, даже большому поэту.

Пришел в дом. Познакомился и подружил с Верой. В доме чувствуешь присутствие невидимого Бориса, а на стене, сразу поразивший меня, портрет. Долго всматривался, не мог отойти... Художник сумел заглянуть в потаенное... Что напоминает портрет, что напомнил? Кафку, гениального Кафку! Только тут, в этом доме до конца понял кафкианское «Насекомое». Был человек... руки, ноги превратились в какие-то членики... Осталась голова — большая, умная, красивая голова...

Пересказывать роман? Но это целый мир. Мир Бориса, мир Веры и в чем-то мир каждого из нас.

Настоящая литература, Нужно читать.

Пересказывать стихи? Поэзия не нуждается в пересказе — в ней любовь и нежность, созерцание и глубокие философские раздумья, мужество и человеческое достоинство.

Только на две книги хватило времени...

Бориса Полякова мало знают в Израиле,
почти не знают в России...

Книгам настоящего писателя и настоящего поэта
«настанет свой черед».

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

ГОНЧАРЫ

Первые публикации: «СКАЗКА В ГЛИНЕ».

(«Рабочая газета», 25.12.1976г.)

«ГОРШЕЧНИЦА». («Рабочая газета», 15.11.1981г.)

«ГОНЧАРЫ». («Вестник Хайфы и крайот», 24.01.1992г.)

Использованы тексты этих статей.

Волшебное место называется длинно и скучно: «Экспериментальная лаборатория архитектурно-художественной керамики Киевского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования». За названием — сказка. Сказка скромно приютилась у стены многовекового свидетеля истории — Софии Киевской.

В сказке, как в сказке — Добрая волшебница. Имя ее — Нина Ивановна Федорова.

Прихожу часто. Из гостя превращаюсь почти в своего. Со своим, какие церемонии. Пришел — будь. Выдалась минута-другая, поговорили... В эти минуты услышал и узнал о глине, которую почему-то всегда любил, много удивительного.

— У глины давняя история... Сегодня наш быт определяют и украшают хрусталь, фаянс, фарфор, стекло, но никогда человечество не забудет ГЛИНУ. ГЛИНА превращалась в жилища, в посуду, книги... ГЛИНА стала фундаментом культуры человечества. ГЛИНА сохранила и донесла до нас предметный рассказ о доисторическом прошлом, страницы древнейшей и древней истории.

На протяжении огромного, точно не датированного, периода посуду лепили руками. Создание (изобретение) гончарного круга стало поистине революционным событием, которое вошло в религии, историю, мифологию, литературу разных народов.

Боги — гончары, боги — горшечники... Гончаром был египетский бог-демиург Хнум: «...ты создал людей на (гончарном) круге, ты создал богов, мелкий и крупный скот, ты придаешь форму всему на своем круге ежедневно, твое имя Хнум — гончар». (Текст из храма бога Хнума в Эсне). Гончары — боги многих народов Африки. На гончарном круге создал людей Прометей... Гончар библейский бог Яхве (Ягве).

— А теперь... Постарайтесь мобилизовать воображение, увидите современного «бога — гончара». Зовут его Яков Иванович Падалка.

Яков Иванович взял глину, помял, положил на гончарный круг... Несколько легких движений ногой, круг почти бесшумно завертелся... быстрее... быстрее. Пальцы народного художника коснулись невзрачного серого комка... Глина на глазах «оживает». Форма меняется каждую минуту, стенки становятся тоньше и тоньше... А гончар уверенно «вытягивает» еще и еще.

- Яков Иванович, до каких пор?
- Пока глина сама себя держит.
- А как узнать?
- Сама скажет.

Круг останавливается, на нем еще сырая, серая, но уже прекрасная ваза. На лице мастера бисеринки пота...

Получив разрешение, сажусь за круг, раскручиваю, и получается что-то бесформенное, уродливое. Начинаю снова — тот же результат. На лице мастера почти страдание. Не выдерживает: «Все. Ничего не получится. Глину замучили».

— Ну, вот, прикоснулись к гончарству.

Это, конечно, добрая Нина Ивановна ведет меня в историю древнейшей профессии.

— Три тысячелетия отделяют пра-гончаров Трипольской культуры от гончаров Киевской Руси, а тысяча лет их от наших дней. Еще сравнительно недавно в 14, 15, 16 и 17 веках гончарство на подъеме. Совершенствуется техника, появляются новые формы, формируются стили.

Со второй половины восемнадцатого века древний промысел начинает хиреть. Не место мужицким горшкам, макитрам, бабникам, поросятникам, гусятникам, рыбникам, дойникам в «порядочном» обществе. Новое время, новая жизнь. В быт прочно входят стекло, фаянс, фарфор. Древнюю профессию поддерживает только традиционный уклад деревенской жизни.

— А глина...

— Глина, конечно, осталась. Не стала только музейным экспонатом. В глине — жизнь, красота. Раньше других поняли это народные мастера — гончары и художники профессионалы. При поддержке президента академии архитектуры Владимира Игнатьевича Заболотного создана мастерская архитектурно-художественной керамики.

Мастерская — две комнаты. В них печь для обжига, гончарный круг, шаровая мельница и рабочие столы мастеров-художников.

Фундаторами стали искусствовед Мусиенко, народный мастер-гончар Железняк, художники Шарай, Грудзинская и я. Заведующей назначили меня. Уже три десятка лет.

— Заведывание — общее руководство?

— В моем случае сложнее. Я профессиональный технолог. Окончила институт керамики и стекла. Пятнадцать лет на разных фабриках и заводах. Занималась фарфором, фаянсом. Все интересно, все важно, но... не мое.

Еще в институте меня называли «старой горшечницей». Не администратором чувствую себя — дирижером, который знает все инструменты и может помочь каждому.

Нина Ивановна умеет все, но ближе всего краски. Цвет керамики зависит от глазури, люстра (пигмент для росписи керамических изделий поверх обожженной глазури), толщины слоя красителя, комбинации разных глазурей и люстров; формы вещи, ее рельефа, температуры и времени обжига.

— У вас на глазах создана замечательная ваза, но об этом пока знает только гончар и художник. Если быть предельно точным — создана «заготовка». Вазой станет после обжига. Удачного обжига. Не зря подчеркиваю. Иногда печь выдает брак... Но и брак в нашем деле не бросовая вещь. Иногда интереснее, глубже задуманного. Всегда с волнением ожидаем результаты обжига. И эту вазу отдадим огню, а потом распишем... Я распишу.

Любуюсь декоративными тарелками, блюдами, горшками, кувшинами, вазами... И птицей: фантастической и реальной. Все создано Инной Ивановной — соавтором гончара

Еще при первом знакомстве Нина Ивановна с нежностью рассказывала об Анне Григорьевне Шарай, которую, все называют «Галочкой». Характер мастера мягкий, лиричный запечатлен в каждой ее вещи: в наивных игрушках, например таких как «дикий зверь», прячущий за сердитой маской доброту, в керамических панно, в... облицовочных плитках. Да, облицовочной плиткой художник может создать красоту. Да, в ее «вариантных» плитках дома наряднее, улицы веселее.

Новый мастер — новый мир... Еще в институте Галина Сильвестровна Севрук много работала в графике, интересовалась скульптурой. Чувствовала себя и живописцем, и графиком, и скульптором. В двухмерном про-

странстве тесно, в трехмерном нехватает красок. Стремится сочетать рисунок, цвет, объем. Решение подсказали замечательные майолики Врубеля. Постепенно найдена СВОЯ тема — Древняя Русь. На ее керамических пластах оживает Ярославна, вот-вот ударит по струнам и запоеет Боян, глубоко задумался первый писатель Киевской Руси Илларион, что-то вычисляет зодчий Миланег, готовит лекарство Агапит. Сам Ярослав, Его дочь Анна, ставшая королевой Франции, летописец Нестор... И день сегодняшний — портреты ученых, писателей, поэтов...

Нина Ивановна знакомит с Людмилой Ивановной Мешковой.

— Только человек понимающий «душу» глины может почувствовать и понять таящиеся в ней возможности решения чисто архитектурных задач. Архитектура — искусство и наука сплавленные воедино. Недаром лучшие творения зодчих сравнивают с музыкой.

Людмила Ивановна из тех архитекторов, которые искренне стремятся сделать жизнь не только удобней и красивей, но и людей лучше, благородней. Познакомившись, я понял, если бы для характеристики человека имел только одно слово, то для Людмилы Ивановны выбрал — «светлая».

Мастерская архитектора. Тут фокусируется труд всей лаборатории. Тут созданы и создаются проекты, которые уже украсили здания столицы и других городов и новые, которые в чертежах, рисунках, макетах.

В атмосфере творческого поиска среди увлеченных, талантливых людей архитектор раскрылась и как художник со своим видением, интересами, направлением.

Подходим к стене, на которой одинаковые полотна без рам. Ошибся. Не полотна и не одинаковые. Картины составлены из стандартных облицовочных плиток, побывавших в руках художника.

— Что видите?
— Абстрактные композиции.
— Посмотрите внимательнее.
— Как будто рисунок. Невероятно, но такое видел, когда изучал цитологию и гистологию...

— Убедились? Не абстракция. Формы, краски, неожиданные сочетания созданы природой. Архитектуре несколько тысячелетий. Бионике — несколько десятилетий. Архитектурной бионике — несколько лет. Вы видите одну из ее возможностей.

А «волшебное место» удивлять не перестает. Одну из встреч Нина Ивановна начала с маленькой лекции.

— В 12 веке написана книга: «Слово о том, как язычники поклонялись идолам и приносили им жертвы». Из текста узнаем, что древние славяне поклонялись упырям (духи зла) и «берегиням» (духи добра). Против упырей применяли различные заговоры, носили амулеты-обереги. Естественно, бытовало множество оберегов — символов добра. К таким символам относились изображения солнца, воды, растений, женщины...

Оберегов множество — от врага, от меча, от стрелы, от лютого зверя, от болезней, от худого глаза...

В 1821 году на Черниговщине найден золотой амулет — змеевик, принадлежавший отважному воину, победителю во множестве «злых сеч» Великому князю Киевскому Владимиру Мономаху.

У простых людей обереги проще — глиняные.

Не просто оберег создать. Не любая глина годна — только речная, взятая из определенных мест в определенное время и только после определенных тайных заклинаний. «Настоящий» оберег мог сделать только глава рода, знающий весь сложный ритуал.

Менялись времена, верования, а маленькие «храни-тели» сохранялись. Известны они в 16, 17 и 18 веках, потом постепенно... пропали.

Мы ОБЕРЕГИ возродили. Наши обереги получили признание друзей, знакомых, профессионалов; отмечены на многочисленных выставках.

Верная своим привычкам, добрая душа — Нина Ивановна показывает и дарит несколько чудесных талисманов.

ХРАНЯТ МЕНЯ ПОЧТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ФЛОТА

**ХРАНИТЕЛЬ МАКЕТОВ КОРАБЛЕЙ
ЛАРИОНОВ**

Первая публикация: «Рабочая газета» 13.09.1981

Стужа. Льдом скованы каналы и Нева. Запорошенные снегом загадочные сфинксы стерегут вверенный им мост... А я радостно, предчувствую необычную встречу.

Большой старый дом. Небольшая, похожая на каюту многоугольная комната. Миниатюры прошлого (уже позапрошлого — девятнадцатого) века. Старинные книжные шкафы...

Высокий, худой человек. Окладистая борода. Тонкое, благородное лицо. Внимательный, доброжелательный взгляд.

— Рассказали мне, Андрей Леонидович, что во время русско-шведской войны, раненный в бою матрос Ларион спас командира корабля. За подвиг Петр Первый пожаловал герою дворянство и повелел всем Ларионовым служить русскому флоту. Так?

— Легенда. Впрочем, не на песке. Один из предков матери — первый глава первой русской таможни. А моряки у нас по всем линиям.

Вот, по материнской линии, Андрей Леонидович показывает старый дагерротип, Федор Андреевич Матисен.

— Матисен..., Матисен... Шпицберген? Горы?

— Да, «Горы Матисена» на острове Шпицберген, но не только. Федор Андреевич человек необыкновенный —

военный моряк, флотоводец, ученый, путешественник, полярник. О экспедиции Толя слышали?

— Поиски «Земли Санникова»... Полярная экспедиция 1900—1902 года...

— Верно. Во время экспедиции Толь назвал один из проливов архипелага Норденшельда именем своего соратника... А сравнительно недавно на карте мира появился «Мыс Матисена».

— А по отцовской линии?

— «Ларион» не дает покоя? Говорил, «не на песке легенда». Илларион — мой прадед — был корабельным плотником из приписных крестьян костромской губернии. «Приписные» — те же крепостные, но казенные. Прадед — Матвей Илларионович — настоящий моряк, отличившийся в 1855 году при обороне Кронштадта и Свеаборга. За это и получил дворянство. Дослужился, правда, всего до титулярного советника, что равнялось званию лейтенанта строевой службы и соответствовало девятому классу Табеля о рангах. Не Бог весть, но позволило определить сына в морской корпус.

Дед — Василий Матвеевич (1857—1903) участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Капитан первого ранга. Отец — военный моряк до революции и после капитан первого ранга. Демобилизовался в 1921 году по болезни. Превратился в историка флота. С 1937 года ученый секретарь Центрального военно-морского музея. Погиб во время блокады в 1942... Архив отца — 516 единиц хранения (дневники, статьи, служебные бумаги...) мама передала в рукописный отдел Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

— Ваш путь определен семейной традицией?

— Да, но коррективы внесла война. В 13 лет я получил «мобилизационное предписание» — храню до сих пор. Мальчишек блокадного Ленинграда определяли в группы

самозащиты — патрулирование, дежурства на крышах, обезвреживание бомб, оказание первой помощи. Мальчишки выполняли и справлялись с совсем не детской и не простой работой. И платили высокую цену. Кто расплатился жизнью, кто ранением, кто контузией... Тяжелая контузия оказалась моим уделом. Потерял зрение, слабыми стали руки, ноги, постоянными головные боли... Восстановление медленное, постепенное, не полное. Во всяком случае, не для моря. А без моря... Тогда, видно, «сработали» гены. Во мне воскрес корабельный плотник. С 1945 года я ученик макетчика в мастерских Центрального Военно-морского музея.

— До сих пор?

— Учусь? Конечно. Должность иначе называется: Заведующий сектором хранения моделей кораблей и корабельной техники. Старший научный сотрудник.

— «Хозяйство» большое?

— Скажем скромно: одно из крупнейших в мире. Только моделей более 2000, а еще радиоаппаратура, морская практика...

— Когда создана и как попала в музей самая старая модель?

— Мальтийская галера. Создана на Мальте в 1568 году. В Санкт-Петербург привезена в 1797 в подарок Павлу Первому, по случаю его избрания протектором Мальтийского рыцарского ордена. Мне довелось реставрировать эту модель. Другая модель, тоже весьма почтенного возраста — фрегат собственноручной работы Петра Первого.

— В чем секрет эмоционального воздействия моделей, этих... игрушек...

— Игрушки?! О, нет! История цивилизации, если хотите, — история кораблей. Во все времена, у всех народов корабль аккумулирует все наиболее прогрессивное.

Корабль — своеобразный эталон, мерило и показатель прогресса. Именно поэтому с древнейших времен люди стремятся сохранить облик корабля в виде модели. Модель — не просто и не только уменьшенная копия. Модель — памятник кораблю, времени, эпохе.

— Хотел бы иметь описание моделей...

— Трудное дело. «Каталог моделей кораблей Центрального военно-морского музея» издан в 1960 году. Тираж — 600 экземпляров. «Каталог» не просто редкость, раритет. Руководство музея планирует новое издание. Надеюсь, в числе составителей найдете знакомую фамилию.

— А другие публикации?

— Начата работа по созданию каталога музейных предметов декоративного убранства кораблей. Интерес к флоту вообще и особенно к парусному огромный.

— У Вас есть чем поделиться, о чем рассказать...

— Стараюсь. Опубликовал 35 статей. Вот, к примеру: «Дедушка русского флота» (о ботике Петра Первого), «Летевшие над волнами» (о корабельных носовых фигурах), «Корабли салютуют герою»...

— Кому и где?

— «Оптимистическая трагедия» флота. 1941 год. 10 августа, 4 часа 25 минут. Сигнальщик тральщика «Туман» заметил на горизонте три вражеских эсминца. Командир «Тумана» Лев Александрович Шестаков объявил боевую тревогу. На полном ходу эсминцы подошли к нашему кораблю и открыли огонь. Пять 127 мм орудий на каждом эсминце против двух маленьких пушек на «Тумане».

Гибнут матросы. Убит капитан. В разгар боя снарядом сбит флаг корабля. На корму бросается рулевой Константин Семенов и поднимает флаг. Поднимает и тут же падает... Проходит несколько минут, ФЛАГ снова поднят. Это сделал радист Константин Блинов.

5 часов 50 минут. Не спустив ФЛАГ, корабль погружается в волны Баренцева моря...

ПРОХОДЯ МИМО ОСТРОВА КИЛЬДИН,
КОРАБЛИ ПРИСПУСКАЮТ ФЛАГИ
И ДАЮТ ПРОТЯЖНЫЙ ГУДОК...

— Слушаю и думаю: Вы могли бы сослужить большую службу кино.

— Так и режиссеры решили. С киностудиями сотрудничаю много лет. Создаю чертежи кораблей, принимая участие в постройке декораций, консультирую.

Есть моя лепта в фильмах «Адмирал Ушаков», «Александр Попов», «Два капитана», «Баллада о Беринге и его друзьях», в телевизионном фильме «От галер до атомохода».

Особенно памятна работа над фильмом «Остров сокровищ». Создал чертежи «Эспаньолы», был главным консультантом. В кинематографе судьба нашей шхуны сложилась счастливо. Она «играла» в «Робинзоне Крузо», в «Диком капитане»...

По предложению Андрея Леонидовича встречу продолжили в Центральном военно-морском музее.

Ростральные колонны как бы приветствуют входящих в музей, созданный выдающимися архитекторами Тома де Томоном и А. Д. Захаровым. В центре величественного зала русского флота колонна, на ней дата: 1709 — год создания музея.

Проходим мимо ботика Петра, мимо фрегата «Паллада», крейсера «Память Азова»... Каждая модель, каждый корабль — отдельная история...

— Начнем, пожалуй, с «Чайки». Вот он, челн запорожских казаков. А совсем недавно считалось, что мы

никогда не узнаем как выглядели, как строили, какие мореходные качества были у этих легендарных судов. Воссоздать «Чайку» помогла книга «Описание Украины», изданная в 1650 году, переизданная в 1660, на русский переведенная в 1832. Автор — старший капитан артиллерии и королевский инженер Боплан, служивший польским королям Сигизмунду III и Владиславу IV.

По странному стечению обстоятельств, о книге знали мало. Можете представить мою радость, когда я увидел чертежи «Чайки» и прочел описание.

«Чайки» — полупалубные (был трюм) челны: дно — колода выдолбленного дуба, борта набивались специально вытесанными клиновидными досками. Длина челнов 18—19 метров, ширина до 4 метров. На каждом челне 20 пар весел и один парус. Вооружение — 4—6 мелкокалиберных пушек (фальконеты). Команда до 60 человек.

В дальние морские походы Запорожская Вольница снаряжала флотилию из 80—100 судов — сила по тем временам внушительная.

С «Чайками» работал много: консультировал создание моделей для Хортицкого и Днепропетровского музеев, для ЦВММ. Опубликовал большую статью.

А вот «Коч» — суденышко поморов 16—17 веков — маленькое да удаленькое. Эту «скорлупку» не могли затереть льды. При сжатии льдов суденышко выталкивалось вверх. Грузоподъемность около тридцати тонн. На КОЧЕ совершил свой легендарный поход Дежнев.

Подходим к ладье 12 века, стругу 16, галере 17... а вот уже фрегаты, корветы, первые пароходы, линейные корабли, крейсера... Надолго задерживаемся у неуклюжего на вид сооружения длиной 5,8 метра, высотой 1,7 — подводная лодка 1881 года конструкции С. К. Джевецкого. Скорость — 3 узла. Глубина погружения — 9 метров. Так начиналось завоевание морских глубин.

Слушаю Андрея Леонидовича, и модели как бы оживают, превращаются в настоящие боевые корабли. Рассказчик завораживает увлеченностью, трепетной любовью к флоту, к каждому кораблю.

Возбужденные, немного усталые, заходим в кабинет, четко отражающий личность хозяина — ученого и мастерового. Помолчали. Вот, думаю, как раз настало время задать вопрос, который давно интересует.

— Во время юбилея Александра Степановича Грина, слушал доклад доцента Киевского Университета Татьяны Николаевны Чернышевой. Доклад буквально загипнотизировал, но особое впечатление произвела модель Греевского «Секрета»...

— Время моей тогда еще не совсем ушедшей молодости. «Секрет» капитана Грэй. «Алые паруса»... Конечно, расскажу.

Меня пригласили участвовать в научной диалектологической экспедиции, которой руководил профессор Андрей Александрович Белецкий. Задача экспедиции — «Сбор материалов по местной морской терминологии». Однажды говорили с моряками о «морской» литературе. Разговор неторопливый, обстоятельный. Татьяна Николаевна произнесла в честь Александра Грина восторженную речь. И вдруг, как холодный душ реплика: «Да, «травило» (рассказчик — диалект.) знатный, но «Брехунец» (враль — диалект). Не было трехмачтовых галиотов, двухмачтовые — да, а трехмачтовые...»

Начался жаркий спор, который, конечно, никого не убедил, но сослужил хорошую службу экспедиции, а меня «задел за живое». Был убежден в точности сказанного Грином, но нужны доказательства. Взялся за поиски. Перечитал (с пристрастием) «Алые паруса». На основании упоминающихся типов судов, вооружения, такелажа

установил, что действие происходит на рубеже 19 и 20 веков, что Александр Степанович прекрасно знал жизнь моряков. Речь героев максимально приближена к обычной разговорной речи того времени. Они не щеголяют по случаю и без случая морскими словечками. Легковесные эффекты автору не нужны. По разным книгам, справочникам искал и находил описания и чертежи галиотов. Все — двухмачтовые... Упорно продолжал поиски — Грину верил. И нашел!

В 1903 году в Германии вышла книга Ф.Л. Миддендорфа: «Рангоут и такелаж судов», на русском появилась в 1905. Удача!

ТРЕХМАЧТОВЫЙ ГАЛИОТ!

НЕ ПОГРЕШИЛ ПРОТИВ ИСТИНЫ ПЕВЕЦ МОРЯ!

Оказалось: трехмачтовый галиот — редкий тип судна. Строили недолгое время в конце 19 и начале 20 века на верфях Германии и Голландии.

Основой рабочих чертежей нашего трехмачтового галиота послужили данные, приведенные Миддендорфом.

— Трудное дело!?

— Изготовление модели всегда дело трудное. Трудное, но радостное. Три года строил я свой «Секрет». Мне, как и капитану, Грēju не просто оказалось найти шелк настоящего алого цвета.

— «Алые паруса» — наиболее яркий эпизод...

— «Секрет» — действительно большая радость, но... вам доводилось бывать возле гостиницы «Ленинград»?

Вспомните... гранитная стела, на ней из чеканной меди фрегат петровских времен в 1:12 натуральной величины. Композиция создана скульптором Анатолием Гор-

деевичем Дёма при моем непосредственном участии, как памятник зарождению судостроения.

Неожиданно, кораблик превратился в один из символов города. Это счастье, признание за

ЖИЗНЬ ДЛЯ ФЛОТА.

ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

РУТЕНБЕРГ

Первая публикация: в газете «ВЕСТНИК Хайфы и севера»
22.10.1993.

Много раз проходил по Шдерот ХАНАСИ мимо дома № 77, но «мы ленивы и не любопытны».

Во время одной из экскурсий узнал: это дом Рутенберга. Дом легендарного человека 20 века.

О нем написаны статьи, книги, но каждый для себя сам открывает эту удивительную личность.

Массивная дверь делит то ли комнату, то ли зал на равные части: слева массивный стол, справа массивные кожаные кресла, добротные стеллажи с книгами. Точно против двери выход на огромный открытый балкон с видом на Город.

Можно посидеть за столом, можно погрузиться в широкое кресло и неспешно разглядеть комнату.

На стене большие парадные портреты: лорд Ридинг, барон Эдмон Ротшильд. На стеллажах фотографии: отец и мать, Шалом Алейхем, А.М. Горький. Архитектор Александр Бервальд, первый мэр Тель-Авива Мэир Дизенгоф, король Трансиордании Абдаллах. Групповая фотография — строители гидроэлектростанции на реке Иордан (первой в Палестине), Ахад Ха АМ — известный деятель еврейского ишува Палестины, журналист, писатель, Рахель — одна из фундаторов новой ивритской

поэзии... Обращает внимание кинжал и шашка — подарки короля. И книги, много книг... В непростой жизни Рутенберга каждый по-своему значим, все уважаемы и дороги.

Тут, в этой комнате он жил, работал, отдыхал, принимал очень разных людей, беседовал на очень разные темы и читал, читал...

Книги по философии, социологии, политике, религии. Художественная литература и поэзия. История и искусство. Иврит, идиш, русский, английский, французский, немецкий.

Сажу в его кресле, смотрю на немых свидетелей некогда кипевшей жизни и незаметно погружаюсь в глубокое раздумье...

Бесшумно отворилась дверь. Опираясь на массивную трость, неслышными, но тяжелыми шагами вошел человек, будто сошедший со страниц давнего номера лондонской «Мирор». Что-то властное в слегка ссутулившейся фигуре, что-то бульдожье в интеллигентном лице. Невольно слегка поежился...

— Чему обязан? Вы приглашены?

— Да, конечно.

— Простите, запамятовал...

— Полвека тому назад Ваш Дом передан народу. Это Ваша воля...

— Да, верно. Последняя воля...

— Не будем об этом.

— Не будем. Итак, вы, конечно, из прессы. Хотите интервью?

— Интервью РУТЕНЕБЕРГА... сами понимаете...

Хозяин медленно, тяжело опустился в кресло. Я снова поежился, хотя взгляд был доброжелательным.

— Если жизнь — «Человеческая комедия», то история — «комедия человечества». Вам довелось сыграть в ней заметную роль.

— В эпизодах.

— Вся история — эпизоды.

— Допустим.

— Почему Вы пришли в революцию? Почему ушли?

— Верил. Верил, что революция сделает человека лучше, чище, добрее — юношеские иллюзии. Надеялся, что революция принесет всем свободу, даст свободу и моему народу — мечты идеалиста.

Революция — кровь, кровь, кровь и грязь, и бездна страданий... И нет там будущего народу моему.

Понял это, когда пало правительство Александра Федоровича Керенского, когда меня, вице губернатора Петербурга заточили в Петропавловскую крепость. Думать мне никто не мешал. Все понял. Если хотите — просчитал. Если хотите — предвидел. И ушел. Ушел, чтобы строить свой дом, свой очаг, свою страну, которая непременно возродится, непременно будет и соберет свой народ. Для этого на этой древней земле создал основы электрификации Палестины.

— План Г О Э Л П а?

— Не в названии дело. Название проще — «ХЕВРАТ ХАШМАЛЬ».

— Но не вовсе ушли из политики. Когда нужно было организовать оборону против погромщиков именно Вы возглавили ищув.

— Было и это. — Он выразительно посмотрел на меня и продолжил: — Чувствую, вы не все спросили. Пожалуй, могу даже предположить следующий вопрос: Гапон?

— Да, Гапон. Недавно прочел в одной газете, что эту историю «каждый школьник знает». Тут может быть знает, но Там не только о судьбе Гапона после «кровавого

воскресения», не только о Вашей роли в его спасении, но и о Вас не знал ничего. Простите, но...

— Понимаю. Знаю. Это теперь 10 000 тиражами выпускают «Воспоминания террориста» Бориса Савенкова. Тут и эту книгу и многое другое, конечно, знали, но Вам было недоступно.

Борис все верно описал. Да, верил Гапону. Да, шел 9 января 1905 года рядом с ним во главе рабочих. Да, увел его из под пуль. А потом он стал платным агентом охраны и меня вербовать начал. Предатель — он и есть предатель. И кара ему одна. Вот я и вынес приговор. А товарищи не поверили: «Не может Гапон быть предателем». Пришлось дать неопровержимые доказательства. На дальней, в то время необитаемой, даче организовал встречу под предлогом уточнения деталей согласия на вербовку.

Никогда не был обычно осторожный Гапон таким откровенным и таким циничным. Не подозревал, что кучер, привезший нас на дачу, был одним из организации, что за дверью все слышат рабочие.

Рывком распахнул дверь. Гапон побледнел. На глазах сильный, умный и хитрый, хорошо знавший себе цену, изворотливый человек превратился в полное ничтожество, вымаливающее пощаду.

Предателя тут же повесили. Не просто это... Долго мучился. Долго мерещился...

— Ну, это понятно. Если в «Кровавое воскресенье» Вы шли во главе рабочих вместе, если закрыли его своим телом, а потом увезли, значит, этот человек был Вам близок. Может он был Вашим духовным отцом?

Взгляд Рутенберга посуровел. В голосе появился металл.

— Намекаете на мое вероотступничество... Мы живем среди людей. Каждый по-своему влияет на нас... Но серь-

езные решения человек должен принимать сам и сам должен отвечать за них. Так всегда думал, так поступал.

Да. Было. Почему, отчего, какие мотивы мной двигали, сколько прочитал, передумал, как терзался — мое дело. И только мое дело возвращение.

— Эту роль Вы сыграли блестяще! Публичное покаяние. У порога синагоги распростерт Рутенберг, безропотно принимающий положенное отступнику наказание — тридцать плетей...

— Смеетесь?

— Пытаюсь понять.

— Жизнь каждого человека можно рассматривать и как представление, рассчитанное на зрителей. Кто-то «играет на публику». Много зависит от реакции окружающих. Кого-то это не очень заботит. Живет своей жизнью, подсуден только себе и... Богу. Вы меня поняли?

Стало неловко, неудобно. Повисла гнетущая тишина. Вскоре мой собеседник заговорил снова:

— Книги заинтересовали? Посмотрим, вместе. Почему-то томики Пушкина на разных стеллажах и Чехов... Политика смешана с философией, с искусством... «Еврейская энциклопедия» Брокгауза и Эфрона. 16 томов, все на месте! А вот «История искусств» Гнедича — три тома. Знаете?

— Издавна. Будучи студентом законспектировал. Конспект до сих пор храню. И Грабаря «Историю живописи» знаю, а о «Истории живописи» Рихарда Мутера не слышал. Не знал о существовании таких журналов как «Революционная Россия», «Красный архив», «Новый град», «Архив русской революции»...

— А вот, не заметили — еврейская лирика в мировой поэзии. Сборник «У рек Вавилонских» издан в Москве, в 1917! И эти небольшие книжки, по-видимому, вам не знакомы: Юлий Мартов «Мировой большевизм»,

В.Л.Бурцев «Преступления и наказание большевиков» с подзаголовком: «По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц».

А вот берлинское издание Ахматовских «Четок»...

Переполненный впечатлениями, вышел на балкон...
Вернулся. Пусто в зале...

Со стен смотрят Ридинг и Ротшильд, со стеллажей
Шолом-Алейхем, Горький, Дизенгоф, Ахад Ха АМ...

Не спеша возвращаюсь домой. Слегка изменив слова,
напеваю давно любимую песню Окуджавы:

«А ВСЕ-ТАКИ ЖАЛЬ, ЧТО НЕЛЬЗЯ
С (ПЕТРОМ МОИСЕЕВИЧЕМ)
ПОУЖИНАТЬ В «ЯР» ЗАСКОЧИТЬ
ХОТЬ НА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА»...

ПОЧТИ ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА

ПЕВЕЦ БЕЛАРСКИЙ

Первая публикация: в газете «ВЕСТИ»
(Север Ха Шарон) 15.01.2004.

Свободный день. Хорошая погода. Бесцельно брожу по улочкам и переулкам Яффо. Вспоминаю другие старые города, вправленные как драгоценные камни в кольцо многоэтажек. Старая Рига... Старый Вильнюс... Домский собор, собор св. Анны...

Неожиданно — собор св. Эммануэля. Неожиданно афиша: «Органный концерт. Симона Френкель. США».

Симона... Симочка... Симона Михайловна... Киев. Стандартная двухкомнатная «хрущевка». Кокетливый подросток...

Чудесный вечер. Прекрасный концерт. Приятная встреча.

— Симона Михайловна...

Как когда-то запрыгали чертики, как когда-то скорчила озорную гримаску.

— Для тебя я Симочка.

Уютное кафе на берегу моря, неспешная беседа. Тема набегает на тему, воспоминание на воспоминание.

— Почему на афише не указано, что ты Заслуженная артистка Украины?

— Звание ценю, горжусь, но тут важно имя.

— Играла великолепно. Акустика превосходная. Не знаю прав ли, но всегда связываю орган с христианством, с готическими соборами. Даже представить не могу орган в синагоге.

— И напрасно. Приезжай в США, приходи в реформистскую синагогу в Стемфорде, встретимся. Работаю там. Много занимаюсь органной музыкой. Книгу написала, диссертацию защитила.

— Расскажи.

— Долго. Книгу вышлю. А ты напиши о интересном человеке — Сидоре Беларском.

— Кто?

— Великолепный бас. Почти забытая страница еврейской и не только еврейской музыки.

Артист с мировым именем. Фамилии Эйнштейн, Рубашев (Залман Шазар), Тосканини о чем-то говорят?

— Все. Нокаут. Но мне кажется, есть и что-то личное...

— Помнишь наш дом? Помнишь деда? Помнишь, как он пел?

— Романсы, песни Вертинского, идише лиделах... Где-то учился?

— Вот, вот! Почти сразу после эмиграции познакомилась в Нью-Йорке с обаятельной пожилой дамой. Вскоре Изабель пригласила к себе, а еще через какое-то время стала называть ее как все знакомые: Белочка. Она дочь певца.

Дом живет памятью. Портреты, фотографии, афиши, письма, подарки и, конечно, музыка.

Вскоре узнала: Беларский — псевдоним, составленный из имен дочери и жены. Дань любви и... моде. В начале 20 века Беларские, Ларинские, Луначарские — не редкость. А настоящее имя — Израиль Лифшиц, сын

Моше Лифшица из Крыжополя. Родился вместе с XX веком (1900), прожил ровно три четверти столетия.

Облюбовала уютное кресло — мое место. Слушаю бархатный баритональный бас редкого тембра, великолепную дикцию и рафинированный идиш... Каждая песня превращается в новеллу, рассказ, повесть, воскрешающие наше недавнее, навсегда исчезнувшее прошлое.

У Беларского знакомые еврейские мелодии приобретают Шубертовское звучание... Слушаю, а перед глазами скрипач на крыше, коза, красная корова, старый портной, замерзающие клезмеры, местечковые Менделе, Мойшеле, Мотеле... Понимаешь?

— Продолжай.

— Все слышу, все вижу и чувствую: что-то ускользает, что-то очень близкое и важное именно для меня. Поделилась с Беллой, но она только руками развела. Прошло несколько лет и — представь! — только вчера, когда была у моей почти столетней бабушки...

— Была красавицей...

— Почему была? И сейчас красивая. Так вот, случайно упомянула о новой знакомой и ее отце. Бабушка встрепелась!

— Какой еще Сидор!? Исидор Беларский — наш друг. Часто бывал у нас. Пел. И сам, и с дедом...

— Бабушка, в одном американском журнале был шарж: на афише «Мойше Шлюфт. Тенор». Один прохожий говорит другому: «Не Беларский».

— И «Шлюфт не Беларский», и твой дед не артист. Дед пел для родных, для знакомых, но школу чувствовали все.

— А каким Беларский был в жизни, дочь рассказывала?

— Рассказывала... Был красив, приветлив, обаятелен; любил людей, любил застолья, умел говорить, умел слу-

шать. Ценил шутку. Был жаден к впечатлениям, охоч к перемене мест. В музыкальных кругах его называли полпредом еврейской песни, еврейской культуры. Слушали почти во всех американских штатах, в Канаде, во Франции, в Мексике, Южной Америке, Швейцарии, Англии, Новой Зеландии...

— А в Израиле?

— В Израиле бывал часто, пел много, щедро. Дважды приезжал с концертами по личному приглашению президента Залмана Шазара. Они были друзьями, которых связывала не только личная симпатия, но и творчество: Беларский написал песню на слова Шазара и всегда с большим успехом исполнял.

Самым важным событием жизни считал выступление в концерте сразу после провозглашения Государства Израиль.

— Симочка, а стать израильтянином Беларский не собирался?

— Думал... Собирался... Не сложилось...

Однажды, дом, в котором я, казалось, знаю все, приятно удивил: встретил арией царя Бориса... Бориса сменил Мельник, потом Сусанин... Фарлаф, Галицкий, Греммин, Варлаам, Варжский гость... Была поражена. Сразу даже не поверила. Быть может кто-то другой? Нет, он. Так же как глубоко проникал в душу каждой еврейской песни, создавая новеллу или рассказ, так же проникал в глубинную суть каждого героя, в каждого перевоплощался.

Признаюсь, не это, точнее не столько это поразило и удивило. Поразил язык! Безукоризненный, великолепный русский язык! И откуда у еврейского мальчика из украинского Крыжополя такой русский?

Не удержалась, спросила Белочку.

— Он выпускник Ленинградской консерватории, солист Мариинского театра. Был уникально восприимчив к языкам. Пел все основные басовые партии. В Америку приехал с одним словом «уес», а через пару лет освоил не только английский, но и итальянский, когда в «Фиделио» под управлением Тосканини пел Рокко

Не знаю свободно ли владел ивритом, но молитвы кантора Беларского были совершенны.

— О Залмане Шазаре и Артуро Тосканини рассказывала, а Эйнштейн?

— Знала, не забудешь. Эйнштейн был вполне приличный скрипач. Оценить музыканта мог и изощренным умом и утонченным вкусом. Познакомились на одном из концертов. Когда спросили, кого бы он хотел услышать в концерте, который готовили в его честь, мгновенно ответил: «Конечно, Беларского»! Подарил фотографию с автографом.

Попав в «круг Беларского» познакомилась со многими интересными людьми. Взволновала встреча на вечере памяти Беларского с его ученицей, солисткой «Метрополитен опера» Лореттой Ди Франко. Обладательница прекрасного сопрано пела еврейские песни на чистом идише, а русские романсы на чистом русском.

Вот, вспомнила. В пятидесятые годы двадцатого века известный журналист и раввин, обладатель докторской степени Вильям Беркович едва ли не первым ввел на американском телевидении передачу «Диалоги». Эту передачу напряженно ждали сотни тысяч американцев. И не удивительно, в прямом эфире Беркович разговаривал с Генри Кисенджером, Менахемом Бегинном, Эли Визелем, Тедди Колеком, Сидором Беларским...

Достойный человек, блестящий оперный и камерный певец, пропагандист еврейской музыки, прекрасный педагог практически забыт... Напиши о нем. Сделаешь?

— Ты сама все сделала.

P.S. Симона Михайловна — человек обязательный —
выслала материалы и кассеты.

БЕЛАРСКИЙ ВЕРНЕТСЯ.

ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ.

-

**МАЭСТРО
МАСТЕР-КЛАСС**

РОСТРОПОВИЧ

Первая публикация: в газете «Еврейский камертон» 16.08.2007

29 мая 2000 года. Восемь часов утра. Хайфский университет. У закрытой двери в концертный зал небольшая группа людей, которая поминутно увеличивается. Перед дверью крепкая, вооруженная девушка — полиция.

Стоим уже час. Время близится к девяти. За нами толпа. Наконец, двери открываются. Думал, пропускать будут по группам, деля толпу разрешающим движением руки. Нет, вход свободен. Люди быстро, но спокойно вошли в скромный, удивительно приятный, по-настоящему домашний зал. Ждем.

Сцена. В глубине рояль. Перед роялем — места для оркестрантов. На авансцене возвышение с одним стулом.

Девять часов десять минут. Аплодисменты. От двери к сцене идет Мстислав Леопольдович Ростропович.

Понятие «все встают» израильтянам чуждо, но в зале много «русских». Мы встали, за нами поднялся весь зал. Когда отгремели овации, сидевший рядом пожилой интеллигентный человек спросил на иврите: «В России всегда встают, когда хотят выразить уважение»?

Ростропович сел в середине первого ряда, предварительно поаплодировав залу и послав несколько воздушных поцелуев.

Мастер-класс открыл руководитель студенческого симфонического оркестра Хайфского университета, ученик, друг и биограф великого музыканта Михаил Спектор.

Большого Спектора сменил человек, похожий на сказочного гнома...

Черная торчащая вовсе стороны шевелюра, черная лохматая борода, черная навывпуск рубашка, перепоясанная черным ремешком, который существенно укорачивает короткую фигуру. Наряд завершают черные легкие штаны-шаровары и сандалии, обутые на босу ногу.

Композитор Оded Захави, заведующий кафедрой музыки, восторженно приветствует Ростроповича и передает ему микрофон.

Ростропович поднимается на сцену, и (не упрекайте меня в экзальтации и восторженности) от него сразу исходит какая-то с трудом передаваемая словами аура доброты, благожелательности, простоты, артистизма. Сразу каждый понимает, чувствует перед ним ЛИЧНОСТЬ!

В лучших традициях российского интеллигента приветствует зал. Переводчик — преподаватель кафедры музыки Эда Добровецкая — произносит два-три слова.

— И это все?

— Иврит очень экономный язык...

Мстислав Леопольдович делает шутливую гримасу, привлекает к себе Эдду, что-то шепчет... Эда немедленно включается в игру. Так, время от времени, прерывая серьезный разговор, они блестяще исполняют свои роли.

Приветствия закончены. На сцену выходит красивый, стройный юноша, ученик Спектора — Гриша Гелис. Поднялся на возвышение, сел на стул. Подергался, устанавливая виолончель. Еще подергался и заиграл. Гриша исполнял сочинение композитора, имени которого я

не знал. Фамилию услышал как «Литета». Потом Миша Спектор, недавний, но добрый знакомый, поправил: «Лигетти».

Закончил. Аплодисменты. На сцену поднимается Ростропович. Он тоже аплодирует, целует Гришу, одобрительно похлопывает, берет микрофон.

— Гриша играл хорошо, но сегодня мастер-класс, учеба... Скажу о том, что бы мне хотелось увидеть и услышать из того, что я не увидел и не услышал. Каждый жест артиста должен быть оправдан, не может и не должно быть произвольных движений, а Гриша долго усаживался, дергал плечами, крутил головой, да и мимика была богаче, чем хотелось бы. Это первое. Теперь второе: я знаю, Гриша всерьез занимается йогой. Это очень хорошо. Я хорошо отношусь к йоге, у меня в Индии есть друзья-йоги, но, может быть, именно поэтому знаю, что йога учит сосредоточенности, уводит в себя.

Когда-то давно плыл я на корабле — музыкальный круиз. Среди музыкантов был открытый, солнечный пианист. Он жив и я не назову его имени. Спустя годы встретил этого музыканта снова. Так же техничен, так же великолепен, но тот, которого я узнал тогда на пароходе, исчез. Он играл для себя. Так вот: Гриша сегодня временами тоже играл для себя.

Каждая профессия жестко требует определенных качеств, без них нет профессионализма. Ну вот, например, в Японии популярна борьба сумо, все борцы сумо тяжеловесы — сто и более кило. Миниатюрные, изящные не для этого вида спорта.

Я говорил о том, что артист играет для публики. Когда он интровертирован — это немедленно ощущается. Бывает ли такое со мной? Да, при исполнении некоторых произведений возникает ощущение, что публики нет. Я

один. Я и музыка, которую играю... В тоже время знаю, чувствую: публика присутствует... за дверью и подсматривает, и подслушивает через замочную скважину.

Впрочем, таких вещей не много. Я хочу показать это еще на одном примере: в Индии много уличных музыкантов, которые играют и поют как бы для себя, поют то, что видят. «Вот, прошла девушка. Красивая девушка. Плывет облако, играет ребенок...». Поет для себя, но каждый чувствует — и для него, именно для него, случайного прохожего.

Так что с йогой, Гриша, конечно, не расставайтесь, но может быть вам будет полезен этот разговор. Музыкант — это нервы. Все серьезные музыканты, которых я знаю — люди неуравновешенные, неврастеники...

Нужно очень уважительно относиться к композитору, Для меня важно все, начиная с названия. Да-да, в названии много сказано.

Вы играли своеобразный диалог. Да, так задумано. Вот только паузы у вас совершенно произвольны, а они должны быть строго выверены.

Вы играете глиссандо, но не обратили внимания, что глиссандо бывает восходящим и тогда звук продолжается, и нисходящим, тогда он гаснет. Дайте виолончель.

Показывает не фрагмент, не музыкальную фразу, показывает ЗВУК... И все понятно.

Мастер-педагог дает мастер-класс. Учеба — серьезный, профессиональный разговор... Мастер-артист знает — в зале публика. Для кого-то сегодня мастер-класс, для кого-то спектакль. Да, конечно, мастер помнит! Вот, смешинка забежала в уголок рта, вот засветились лукавинкой добрые глаза. Шутка, еще, еще... Все не запомнил, вот одна.

Разбирая игру Гриши, Мстислав Леопольдович сказал:

— Вот, в этой части вы нашли...

Эда переводит:

— Ба хелек а-зэ ата маца...

— Что, что? Откуда маца?

В первую секунду Эда смешалась:

— «Маца» значит «нашел». Иврит, знаете ли...

— Понял: Гриша в этом отрывке нашел мацу...

Слушая перевод, Ростропович понял, что слово «звук» на иврите «цлиль». Продолжая объяснения, вместо «звук» говорил «цлиль», сбивая Эдду и искренне радуясь.

С первых минут и до конца в зале царила установленная им атмосфера взаимной заинтересованности, простоты и, несмотря на серьезный разговор, легкости.

Закончив разбор, еще раз поблагодарил и расцеловал Гришу.

Вторым играл Ади Шмидт. Все в этом молодом человеке было иным: предельная сосредоточенность, ни одного лишнего движения, уверенность, основательность, сила. Еще не тронул струны, но почему-то показалось: этот парень на другом, более высоком, уровне.

Играл. Вторую ре-минорную сюиту Баха.

И его обнял, и его расцеловал Ростропович. Начал так:

— Тут разговор иной. Мы, музыканты, иногда любим, сыграть так, чтобы композитор почувствовал, как мы красиво сыграли, помогли... Баху ничего объяснять не нужно, помогать стыдно. Бах, знаете ли... нет, это, может быть, скажу потом. Я играл Баха уже в 16 лет, а впервые записал много, много лет спустя.

(Комментарий Миши: Мстислав Леопольдович говорит о записи, осуществленной в 63 года, но если быть до-

кументально точным, следует вспомнить еще две — когда был аспирантом, и когда ему было 40 лет. Записи великолепные, но у Маэстро свои критерии).

— Записал, когда почувствовал, что могу сыграть, ничего не украшая. Вообще интерпретировать сочинение — любое сочинение — можно только тогда, когда вы абсолютно правильно играете то, что написано. Это большой труд, но без этого нельзя. Ваши мышцы — тончайшие проводники, передающие вашу мысль, напряжение смычку, от смычка к струне, от струны к звуку.

Вот, вначале вы неоправданно «меняете смычки» (что он хотел сказать, вроде понял, но объяснить не могу), а эта часть должна быть ровной, как работа мотора... Только моторы разные у «Мерседеса» и у «Москвича». Вы сидите в «Москвиче».

И опять к Баху. Говорю и думаю, тут у нас телевидение, стоит ли приводить такое сравнение, но... ладно, так и быть...

Нет ничего совершеннее, чем абсолютно совершенное женское тело. Так вот, абсолютно совершенное женское тело любые, любые одежды только портят. Так и Бах...

Потом студенческий симфонический оркестр Хайфского университета под управление Михаила Спектора исполнил Концерт для двух виолончелей и камерного оркестра Вивальди.

Завершая мастер-класс...

— Моя мама меня не хотела. Было это в Баку. Позвала доктора, даже фамилию запомнил, Брюхоненко. Он попытался помочь избавиться от меня. Не вышло! Только вместо девяти месяцев провел в маме десять. С того времени, когда себя помню, меня всегда раздражала моя рожа. Даже бриться научился, не глядя в зеркало. Вре-

мя от времени устраивал маме скандалы: десять месяцев меня носила и не могла сделать приличное лицо... «Я работала над твоими руками...».

19 июня 1965 года художник Михаил Туровский в Киевской филармонии слушал Гайдна — Концерт для виолончели с оркестром. Слушал и рисовал Ростроповича в блокноте, который всегда был с ним. После концерта, переполненный радостью, музыкой, пришел поделиться впечатлением и неожиданно вдруг подарил сделанный во время концерта портрет. Подарил и надписал: «Леве от Ростроповича. М. Туровский».

Подошел к Мстиславу Леопольдовичу, рассказал в двух словах эту историю, показал портрет. Мстислав Леопольдович улыбнулся, подписал и поставил дату: 29.05.2000.

И еще. Внучка учила к школьному концерту Баха. Конечно, не давался. Сердилась: «Ну, зачем этот Бах родился на мою голову?!». После мастер-класса: «Хорошо все же, что Бах родился».

Конечно, при таком обилии впечатлений что-то забывается. Вспомнил. Ростропович рассказывал:

— В самом начале 50-х я впервые выехал за границу — в Италию. Списки многократно проверялись, а утверждал их сам Сталин. Группа, конечно, составлена была бездарно. К примеру, в Италию послали трех певцов. В Италию!.. Только трое действительно имели право на эту поездку: Уланова, Ойстрах и Гилельс.

В Италии меня ждало одно из самых сильных впечатлений или потрясений: Смотрел по телевизору хронику.

Среди прочего показали мое выступление... без звука... я полулежал, а на мне лежала виолончель. С тех пор всегда следил за позой, а беззвучное исполнение, поскольку знал, какое произведение исполнялось, было уроком, показавшим ошибки в движении смычка...

Утром 29 мая 2000 года, повторю, был мастер-класс, а вечером в торжественной обстановке Мстиславу Леопольдовичу Ростроповичу в числе других вручали диплом доктора философии *honoris causa*.

Для кого-то звездный час. Для Мстислава Леопольдовича сорок шестой диплом. Но процедура — все как положено: речи, вручение, ответное слово. В ответном слове, конечно, благодарность, конечно, признательность... Но Ростропович не был бы Ростроповичем, если бы ничего не подарил собравшимся.

— Национальность мы получаем от рождения, но музыкант может проникнуть в глубинную суть музыки разных народов, в мысль композиторов разных национальностей. Однажды в Нью-Йорке исполнял произведения Эрнеста Блоха, в том числе «Шломо»...

(Эрнст Блох — выдающийся композитор XX века. В его произведениях ярко и глубоко отражены не только «еврейские мотивы» — сам дух народа, глубинная суть еврейской души, трагедии, истории. В свое время Ростропович сыграл «Шломо» в Москве. Исполнение было расценено как «сионистская пропаганда». Припомним... — Л. Ф.)

Утром звонок. Говорил известный музыкальный критик, по национальности еврей:

— Ростропович, я вчера вас слушал (хитровато-заговорщицки), так вы говорите, что вы не еврей?

- Да, знаете, я действительно не еврей.
- Нет, Ростропович, Вы еврей! Вы не только еврей — вы хасид!

СМЕХ, АПЛОДИСМЕНТЫ...

«НЕПРИЗНАННЫЙ, НЕУЗНАННЫЙ – ЖИВУ!»

АНАТОЛИЙ ПАСТЕРНАК

ПАМЯТИ ДРУГА

Первая публикация в книге «Медицина в художніх образах».
Выпуск 10, с. 670—673. Донецк, 2012.

Толька! Мой Толька!

1948 год. Киев. Медицинский институт. Лечебный факультет. Первый курс. Первая аудитория. Первая лекция. Впервые встретились мальчики и девочки — вчерашние школьники, взрослые люди — вчерашние фронтовики.

«Кто знает, как судьба распорядится нами,
Куда забросит нас людской водоворот?»

Судьба знает! Тут двести будущих врачей, два академика, десяток профессоров, несколько десятков кандидатов наук.

Один сразу выделился необычной восторженностью, готовностью любить. Он будет дарить себя всем, всем помогать, всем наступать на ноги, у всех ломать пластмассовые расчески о густые, светлые, курчавые волосы. «Очарованный странник!».

«Ветер в лоб и волосы — дыбом!»...

Пробежали шесть десятков лет. Давно нет Тольки. Но человек необычной судьбы живет не только в воспомина-

ниях «родных и близких». На портретах великих мастеров живут современники, восторженный мальчик живет в стихах великого поэта XX века Лины Костенко.

А. Пастернаку

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Разговора не было заранее —
Встретиться случайно привелось.
Если бы назвать это свиданием.-
Девочка б обиделась до слез.
Шли по размягченному асфальту,
Ни о чем почти не говоря,
Только сердце у обоих залито
Радостью, что все это не зря.
Юноша, на Пушкина похожий,
Слов не мог придумать сгоряча,
А от загорелого плеча
Пахло солнцем прокаленной кожей,
Видно пропадает он на пляже
День-деньской до самого утра,
У него и волосы вот даже —
Как песок на берегу Днепра.
Шли они по улицам широким,
И хитрили, удлиняя путь,
Но боялись даже ненароком
Друг на друга ласковой взглянуть.
А из Ботанического сада
Мягко пахло яблоней в цвету.
Паренек взобрался на ограду,
Ветку раскачал и на лету

Ухитрился очень осторожно
Самую большую отломить,
Чтобы тихо было, чтобы можно
Больше ни о чем не говорить...
Вот и все. А тосковать не надо.
Так он и остался вдалеке —
На ограде Ботанического сада
Мальчик с веткой яблони в руке.

Рядом с девочкой был поэт — восторженный Толька.
Стихи писал всегда. И до книжки — «ЗЕМЛЯ МОЯ БЕ-
ЛАЯ» дожил...

Но это спустя годы. Годы наполненные и переполнен-
ные. Учеба, увлечения, мечты... Учились хорошо. Курс
был такой. О занятиях говорили редко. Хотел стать хи-
рургом. Не стал. Навсегда запомнил напряженные дни и
ночи операционных:

«Земля моя белая,
Где стонут и плачут,
Где горько за каждую неудачу...»

Кто кого выбирает? Мы профессию? Профессия нас?
Когда заинтересовался дерматологией? Не знаю.

Несколько раз очень скупно говорил о лепрозориях в
Казахстане. «Распределили» — поехал. И полюбил. Стра-
ну, людей. Там начал серьезно изучать целебные свойства
трав. Там начал публиковаться. Там подружился со мно-
гими интересными людьми. Особенно дорожил дружбой
с Олжасом Сулейменеовым. Но главное — может быть,
предчувствовал — в Казахстане его судьба, Рая, Раечка.
Маленькая, добрая, тихая, преданная Раечка.

После возвращения прижились в пригороде Киева
Боярке.

«За лесами — Боярка,
Городенок мой».

Каждое утро через весь «городенок» шел к электричке, ехал в Киев на работу на станцию переливания крови. А Раечка каждое утро шла в больницу — операционная сестра. И так год за годом. Долгие годы. Эта жизнь записана одной-двумя строками в «Трудовой книжке». За ней журналист, которого печатали украинские, российские, немецкие, польские, болгарские, словацкие газеты и журналы. Писатель-фантаст, сказочник, поэт. Поэт, влюбленный в жизнь.

«Вот и перья волн. Пушинок вата.
И сердце от безмерности горит...
Как море неожиданно крылато,
Когда о чем-то с небом говорит»

«Весенний ветер птицей
Над улицей кружит.
Как хорошо трудиться
И как чудесно жить!»

Он готов обнять весь мир и пристально вглядывается в каждую травинку, каждую былинку. Вглядывается, как влюбленный в природу, восторженный поэт и как специалист, серьезно изучающий целебные свойства растений — фитотерапевт.

«О, как волнует, как смущает разум
Многоязычье полевых цветов!
Когда чебрец стоит в обнимку с мятой,
Солоновато пахнет череда,
И колокольчики еще не сжаты...».

«Прорастали еле-еле...
Всей природе надоели,
А когда созрели ели,
И когда заголубели
От полей и до небес
Получился славный лес!».

Долгие годы, не торопясь, без суеты работал Анатолий Пастернак над книгой «КОЗАЦЬКА МЕДИЦИНА».

«По крихітках, по дрібочках збирав автор матеріал для цієї книжки».

Книга пионерская, уникальная, многоплановая, возможно, станет основой серьезных научных исследований.

Судьба распорядилась», чтобы автор книгу не увидел. Редактор — друг школьных лет — профессор Киевского медицинского института (университета) Юрий Вадимович Шанин в предисловии написал:

«На початку лютого 1999 року пішов від нас Анатолій Пастернак... Свята людина».

Да, «СВЯТА ЛЮДИНА». А святые в этой жизни не благоденствуют. Не знаю нужно ли об этом?.. Он — дермато-венеролог, фитотерапевт — в наше меркантильное время нуждался. НЕ БРАЛ. С материальными трудностями справлялся легко: «Мне много не надо».

Сломала смерть жены. Уходят жизнерадостные строки. Боль. Тоска. Горе. Одиночество.

«Как же я без тебя и дышу и страдаю!
Как же я без тебя еще жить успеваю?».

«Прости, что трудно стон унять.
Прости, что трудно не влюбиться
В тебя ушедшую».

«Не входите в мое положение,
Пощадите мое одиночество!».

Любил «Грустный вальс» Сибелиуса. Два удара судьбы: один ломает, второй убивает... Понимал, чувствовал, предчувствовал?

«Не замечаю, как ухожу.
Не в себя, а наовсе».

«Скоро время меня,
Словно ветку, обломит».

В глубине души каждый знает кто он, чего стоит. Что значит «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК», Анатолий Адольфович Пастернак знал. Знал, что принес в мир немного тепла, немного нежности, немного света.

«Я верую, я твердо верую,
Что без меня вам будет
Чуть грустнее оставаться».

Вот и все. Я хотел, чтобы кто-то вспомнил, а кто-то узнал СВЯТОГО ЧЕЛОВЕКА, который с любовью пришел в этот мир и с любовью ушел...

Наш курс — двести врачей. Два академика. Десяток профессоров, несколько десятков кандидатов наук... И только один — Анатолий Пастернак — по желанию благодарных земляков и решению Городского Совета Боярки дал свое имя улице, на которой жил.

УЛИЦА АНАТОЛИЯ ПАСТЕРНАКА

ЭПИЛОГ

Ну, вот, восемьдесят шесть...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая:

АВТОПОРТРЕТ 3

Часть вторая:

СОВРЕМЕННОСТИ 97

Просто рентгенология. Профессор Рубашева. 99

Благословенны дни забот. Профессор Даль. 107

Хранитель античных монет. Научный сотрудник
Эрмитажа Брабич. 119

Мой путь — древние языки. Профессор
Долгопольский. 127

«Лишь неучам известно все на свете». Научный
сотрудник Матенадарана Варданян. 135

Грани таланта. Художник Левич. 145

Себя преодолеть. Профессор Лурия. Пациент
Засецкий. 153

Трагедия и триумф. Писатель Поляков. 161

Не боги горшки обжигают. Гончары. 167

Жизнь для флота. Хранитель моделей кораблей
Ларионов. 175

Интервью, которого не было. Рутенберг. 185

Почти забытая страница. Певец Беларуский. 193

Маэстро. Мастер-класс. Ростропович. 201

«Непризнанный, неузнанный — живу!» Анатолий
Пастернак. 211

ЭПИЛОГ 219